

2020

Том 11. № 3

2020. Vol. 11. No. 3

DOI: 10.19181/vis.2020.34.3

ISSN 2221-1616 (online)

ВЕСТНИК *Института*
СОЦИОЛОГИИ

VESTNIK INSTITUTA SOTZIOLOGII

С Е Т Е В О Й
Ж У Р Н А Л

www.vestnik-isras.ru

Тема номера:

**Социология молодёжи:
образование
и образ будущего**

/представления студентов
о «хорошем обществе»

/Материальное неравенство в России

/COVID-19: реакция сетевых сообществ

/Рейтинги «мягкой силы»

Вестник Института социологии Vestnik instituta sotziologii 3'2020

Рецензируемый научный журнал
Издаётся с 2010 г.
Выходит 4 раза в год

2020. Том 11. № 3

DOI: 10.19181/vis.2020.34.3

Учредитель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Издатель: Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

Главный редактор: М. К. Горшков

Заместители главного редактора: П. М. Козырева, О. В. Аксенова

Ответственный секретарь: К. В. Подъячев

Журнал включён в Russian Science Citation Index (RSCI) на платформе Web of Science.
Журнал включён в Российский индекс научного цитирования (РИНЦ).

Журнал входит в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание учёных степеней кандидата и доктора наук.

Журнал открытого доступа

Доступ к контенту журнала бесплатный. Плата за публикацию с авторов не взимается.

Контент доступен по лицензии Creative Commons Attribution 4.0 License

Все выпуски журнала размещаются в открытом доступе на официальном сайте журнала с момента публикации: <https://www.vestnik-isras.ru>.

Свидетельство о регистрации ЭЛ № ФС77–51453:

Зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

Год регистрации: 2010 г.

© Вестник Института социологии, 2020

© Vestnik instituta sotziologii, 2020

Состав Редколлегии

Главный редактор

ГОРШКОВ Михаил Константинович – академик РАН, директор Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: director@isras.ru

Заместители главного редактора

КОЗЫРЕВА Полина Михайловна – доктор социологических наук, первый заместитель директора Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

АКСЕНОВА Ольга Владимировна – доктор социологических наук, руководитель Отдела анализа социокультурных оснований политических процессов ФНИСЦ РАН

E-mail: illaio@yandex.ru

Ответственный секретарь

ПОДЪЯЧЕВ Кирилл Викторович – кандидат политических наук, старший научный сотрудник Центра политологии и политической социологии Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: vestnik@isras.ru

Члены редколлегии

БАРАБАНОВ Олег Николаевич – доктор политических наук, профессор РАН, заместитель директора по научной работе Европейского учебного института МГИМО МИД России, программный директор Международного дискуссионного клуба «Валдай» (Москва, Россия)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

БАТАНИНА Ирина Александровна – доктор политических наук, профессор, директор Института гуманитарных и социальных наук Тульского государственного университета (Тула, Россия)

E-mail: batanina@mail.ru

ДУКА Александр Владимирович – кандидат политических наук, заведующий сектором Социологического института – филиала Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Санкт-Петербург, Россия)

E-mail: a_duka@mail.ru

ЖЕЛЕЗНЯКОВ Александр Сергеевич – доктор политических наук, заместитель директора Института востоковедения РАН (Москва, Россия)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

ЗАБОРОВА Елена Николаевна – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой прикладной социологии Уральского государственного экономического университета (Екатеринбург, Россия)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

КАЧЕРАУСКАС Томас – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философии и культурологии Вильнюсского технического университета им. Гедиминаса (Вильнюс, Литва)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

КИВИНЕН Маркку – профессор, директор по исследованиям Александери института Университета Хельсинки (Хельсинки, Финляндия)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

КОСТЕЛЕЦКИ Томас – профессор, директор Института социологии Чешской Академии наук (Прага, Чехия)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

МИХАЙЛЕНКО Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследований социально-политических отношений Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

ПАТЕЛЬ Сажата – профессор социологии, научный сотрудник Индийского института перспективных исследований (Шимла, Индия)

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

ПАТРУШЕВ Сергей Викторович – кандидат исторических наук, доцент, руководитель отдела сравнительных политических исследований Института социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра Российской академии наук (Москва, Россия)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

ПОКРОВСКИЙ Никита Евгеньевич – доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой общей социологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики» (Москва, Россия)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

ПРОКАЗИНА Наталья Васильевна – доктор социологических наук, доцент, заведующая кафедрой социологии и информационных технологий Среднерусского института управления, Орловский филиал РАНХиГС (Орёл, Россия)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

ЧОЙ Ву Ик – профессор Института российских исследований Университета иностранных языков Хангук (Йонгин, Южная Корея)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Editorial Board

Editor in Chief

Mikhail K. GORSHKOV, Academician, Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: director@isras.ru

Deputy Chief Editors

Polina M. KOZYREVA, Doctor of Sociological Sciences, Deputy Director of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: pkozyreva@isras.ru

Olga V. AKSENOVA, Doctor of Sociological Sciences, Head of the Department of Analysis of Sociocultural Foundations of Political processes of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: illaio@yandex.ru

Executive secretary

Kirill V. PODYACHEV, Candidate of Political Sciences, Scientific Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: vestnik@isras.ru

Irina A. BATANINA, Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Institute of humanitarian and social sciences, Tula State University (Tula, Russia)

E-mail: batanina@mail.ru

Oleg N. BARABANOV, Doctor of Political Sciences, Professor of the Russian Academy of Sciences, Deputy Director of the European Studies Institute, Moscow State Institute of International relations (University) of the Ministry of International affairs of Russia (MGIMO University) (Moscow, Russia)

E-mail: drolegbarabanov@gmail.com

Wooik CHOI, Professor, The Institute of Russian Studies, Hunkuk University of Foreign Studies (Yongin-si, South Korea)

E-mail: wooikchoi@yahoo.co.kr

Aleksander V. DUKA, Candidate of Political Sciences, Head of the department of the Sociological Institute – Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (St. Peterburg, Russia)

E-mail: a_duka@mail.ru

Tomas KAČERAUSKAS, Dr. Sci. (Philos.), Professor., Head of Department of Philosophy and Cultural Studies, Faculty of Creative Industries, Vilnius Gediminas Technical University (Vilnius, Lithuania)

E-mail: tomas.kacerauskas@vgtu.lt

Markku KIVINEN, professor of sociology, Research director of the Aleksanteri Institute of the University of Helsinki (Helsinki, Finland)

E-mail: Markku.kivinen@helsinki.fi

Tomas KOSTELECKY, RNDr, Director of the Institute of the Czech Academy of Sciences (Prague, Czech Republic)

E-mail: tomas.kostelecky@soc.cas.cz

Oleg M. MIKHAIENOK, Doctor of Political Sciences, Professor, Head of the Department for Research of Social and Political Relations of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: m-oleg-m@yandex.ru

Sergei V. PATRUSHEV, Candidate of Historical Sciences, Head of the Department of Comparative Political Researches of the Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: servpatrushev@gmail.com

Nikita E. POKROVSKY, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of General Sociology of the Faculty of Social Sciences, National Research University “Higher School of Economics” (Moscow, Russia)

E-mail: nikita1951@yahoo.com

Natalya V. PROKAZINA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department “Sociology and Informative Technology”, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Orel branch (Orel, Russia)

E-mail: nvprokazina@mail.ru

Sujata PATEL, professor of Sociology, National Fellow at the Indian Institute of Advanced Studies (Shimla, India);

E-mail: patel.sujata09@gmail.com

Elena N. ZABOROVA, Doctor of Sociological Sciences, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Ural State University of Economics (Ekaterinburg, Russia)

E-mail: ezaborova@yandex.ru

Aleksandr S. ZHELEZNYAKOV, Doctor of Political Sciences, Deputy Director of the Institute of Oriental Studies of the Russian Academy of Sciences (Moscow, Russia)

E-mail: zhelezniakovas@yahoo.com

Содержание

О выпуске	8
Тема номера:	
Социология молодёжи: образование и образ будущего	14
<i>Попова Е. С.</i> О теоретико-методологических аспектах изучения влияния профессионального образования на социальную стратификацию	14
<i>Ушкин С. Г., Коваль Е. А.</i> Социальное будущее в представлениях будущих российских юристов.....	28
<i>Пинчук А. Н., Кареева С. Г., Тихомиров Д. А.</i> Социально-гуманитарные профессии в цифровом обществе: восприятие и профессиональная адаптация московских студентов	43
<i>Бирюкова А. В.</i> Производственная практика в университете как стратегия трудоустройства молодёжи.....	61
Проблемы социальной дифференциации в современной России	78
<i>Мареева С. В.</i> Монетарное неравенство в России в социологическом измерении.....	78
<i>Алексейенок А. А., Каира Ю. В., Колмогоров Е. В.</i> Положение бедного населения в социальной структуре региона (на материалах Орловской области)	99
Социальные последствия пандемии: новейшие исследования	121
<i>Ярмак О. В., Страшко Е. В., Шкайдерова Т. В.</i> Реакция на пандемию Covid-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования)	121
Трибуна молодого учёного: инструментарий исследователя	143
<i>Андреев И. А.</i> «Мягкая сила» глазами зарубежных аналитиков: к операционализации концепта.....	143
<i>Вербицкий С. А.</i> Подходы к исследованию культурных и музыкальных индустрий и анализ их применимости в реалиях современной российской культуры	155
О новых научных публикациях.....	179
<i>Сиземская И. Н.</i> Социальное государство как конституционный принцип Российской Федерации: социальные векторы развития.....	179

Contents

About the Issue	8
Topic of the Issue:	
Youth Sociology: Education, and the Vision of the Future	14
<i>Popova E. S.</i> On the Theoretical-Methodological Aspects of Studying the Influence of Professional Education on Social Stratification	14
<i>Ushkin S. G., Koval E. A.</i> The Future of Society According to Future Russian lawyers	28
<i>Pinchuk A. N., Karepova S. G., Tikhomirov D. A.</i> Social-Humanitarian Trades in a Digital Society: The Perceptions and Professional Adaptation of Moscow's College Students	43
<i>Biryukova A. V.</i> Practical Training in Universities as a Strategy for Employing Youth.....	61
Social Differentiation Issues in Contemporary Russia	78
<i>Mareeva S. V.</i> Monetary Inequality in Russia in the Sociological Dimension	78
<i>Alekseionok A. A., Kaira Yu. V., Kolmogorov E. V.</i> The Position of Impoverished Citizens in a Region's Social Structure (Based on Material from Orel Province).....	99
Pandemia's Social Consequences – Newest Studies	121
<i>Yarmak O. V., Strashko E. V., Shkayderova T. V.</i> How Internet Users in Moscow, Saint Petersburg and Sevastopol Reacted to the Covid-19 Pandemic (Based on Material from a Media-Analysis Study).....	121
Tribune of a Young Scientist: Researcher Toolbox	143
<i>Andreev I. A.</i> “Soft power” as Perceived by Foreign Analysts: Moving Towards Operationalizing the Concept	143
<i>Verbitskii S. A.</i> Approaches Towards Studying Cultural Industries and the Analysis of Their Applicability Within the Reality of Modern Russian Culture	155
On New Publications	179
<i>Sizemskaya I. N.</i> Social State as a Constitutional Principle of the Russian Federation: Realities and Social Vectors of Development	179

О выпуске

Тема данного выпуска Вестника Института социологии [«Социология молодёжи: образование и образ будущего»](#) имеет почти непреходящую актуальность, по крайней мере для общества модерна и постмодерна, где будущее есть результат трансформации настоящего, который в каждый момент времени создаётся вступающим во взрослую жизнь образованным поколением. Под образом будущего в данном случае понимаются одновременно и представления молодых людей о грядущем, и формирующие его реальные тенденции, которые социологи могут выявить, изучая ценности и установки учащейся молодёжи, её образовательные и профессиональные траектории, и т. п.

Взаимосвязи между настоящим и будущим сложны, часто нетривиальны: молодые люди конструируют и проектируют будущее, но одновременно адаптируются к нему как к внешнему, уже заданному и неизбежному феномену. Выбранные ими стратегии жизни и профессиональной деятельности определяются существующим устройством общества и современным образованием, но в конечном итоге могут изменить и то, и другое. В связи с этим методология исследований данной сферы особенно значима. Поэтому открывает номер статья [Поповой Е. С. \(Москва\) «О теоретико-методологических аспектах изучения влияния профессионального образования на социальную стратификацию»](#).

Эта статья представляет собой попытку обозначить контуры и возможные ориентиры анализа влияния профессионального образования на социальную стратификацию в условиях современной социальной реальности. В ней рассматриваются как традиционные, так и новые для социологии образования теоретико-методологические подходы. Автор показывает, что структурно-функциональная теория не обладает исчерпывающим объяснительным потенциалом в изучении социально-структурной роли профессионального образования применительно к социальной мобильности. С позиции конфликтологического подхода доказывается, что демократизация доступа к профессиональному образованию не означает редуцирования классового неравенства или возникновения общества равных возможностей. В парадигме деятельностного подхода в социологии образования, в котором образование рассматривается не как отдельный социальный институт, а как часть большей системы социального действия и социального неравенства, подчёркивается определяющая роль мотивации и проактивности, способствующих достижению более высокого профессионального статуса. Автор приходит к выводу, что ускоряющиеся темпы социальных изменений, многомерность и поливариативность реализации образовательных и профессиональных траекто-

рий в современном обществе указывают на необходимость многомерного измерения социальной мобильности, требуют синтеза количественной и качественной стратегии исследования, и, соответственно, открывают новые перспективы интерпретации результатов и понимания социальной реальности.

Статья [Ушкина С. Г. и Коваль Е. А. \(Саранск\) «Социальное будущее в представлениях будущих российских юристов»](#) посвящена изучению образа будущего социально-профессиональной группы, которая не только предъявляет определённые требования к проективному субъективному социальному благополучию, но и обладает нормотворческим потенциалом для преобразования и нормативного конструирования российского общества. Полевое исследование, результаты которого представлены в статье, показывает, что вопреки распространённому мнению о «потребительском» характере ценностных ориентаций современной молодёжи, для будущих юристов материальное благополучие является далеко не самым значимым фактором. Наиболее высокое значение получили индексы, коррелирующие с ценностями справедливости, равенства и законности, что свидетельствует об их существенном влиянии на уровень субъективного благополучия респондентов. Не менее важным представляется зафиксированное авторами наличие принципиального расхождения представлений будущих российских юристов о путях достижения справедливости. Индексы постоянно реформируемого общества и консервативного общества практически равны. По мнению авторов статьи, это указывает на наличие глубокого ценностного раскола, свидетельствующего о неуверенности в завтрашнем дне, что подтверждается рядом исследований других учёных.

Адаптация студентов-гуманитариев к цифровизации всех сфер жизнедеятельности общества анализируется в статье [Пинчук А. Н., Кареповой С. Г. и Тихомирова Д. А. \(Москва\) «Социально-гуманитарные профессии в цифровом обществе: восприятие и профессиональная адаптация московских студентов»](#). Проблемы развития социально-гуманитарных профессий в формирующемся «цифровом обществе» рассматриваются с точки зрения современных студентов, которым предстоит в ближайшее время трудоустроиться и, следовательно, адаптироваться к динамично меняющимся условиям на рынке труда. Исследование позволило выявить представления обучающейся молодёжи о наиболее востребованных в цифровом обществе компетенциях специалистов социально-гуманитарного профиля. Первые позиции в выстраиваемой респондентами модели компетенций занимают когнитивные, коммуникативные и цифровые навыки. При этом студенты опасаются завышенных квалификационных требований со стороны работодателей к уровню «цифровых» компетенций выпускников гуманитарных вузов. Они также считают, что к востребованным характеристикам современных специалистов относятся адаптивность и способность постоянно учиться. По мнению студентов, роль профессиональной мобильности специалистов с социально-гуманитарным образованием растёт. Профессиональная

адаптация в этой связи ориентирована на непрерывное образование, связанное с переквалификацией, самостоятельным приобретением новых компетенций, усилением цифровой составляющей профессиональных знаний и навыков.

В статье [Бирюковой А. В.](#) (Санкт-Петербург) [«Производственная практика в университете как стратегия трудоустройства молодёжи»](#) представлены результаты исследования вовлечения студенческой молодёжи в производственную практику как способа дальнейшего трудоустройства. Исследование было направлено на выявление ожиданий студентов от практики, трудностей, возникающих при взаимодействии с работодателями, а также на формулировании методических рекомендаций для организации производственной практики в вузе. Автором представлена классификация стратегий прохождения производственной практики: стратегия трудоустройства, образовательная, карьерная, компенсационная, стратегия личностного развития, стратегия ожидания. Трудности практики, по мнению студентов, связаны с низкой заинтересованностью в ней работодателей. Внимание последних выражается лишь в контроле посещаемости, строгом выполнении обязанностей, которые они поручают студентам. Также рассматривается зарубежный опыт решения проблем практики и трудоустройства студентов. На основании проведённого сравнительного анализа автор выдвигает ряд предложений по превращению производственной практики в вузах из формального института в средство адаптации молодых специалистов к динамично меняющимся условиям рынка труда.

Рубрика [«Проблемы социальной дифференциации в современной России»](#) представлена двумя, дополняющими друг друга статьями, в которых проблемы неравенства рассматриваются на федеральном и региональном уровнях. В статье [Мареевой С. В.](#) (Москва) [«Монетарное неравенство в России в социологическом измерении»](#) анализируются особенности конфигурации доходного неравенства в современном российском обществе и тенденции его изменений в постсоветский период развития страны. Показано, что на фоне других стран мира традиционные экономические показатели неравенства доходов позиционируют РФ как страну с высоким уровнем неравенства в массовых слоях населения по сравнению с европейскими странами, хотя и относительно более низким неравенством сравнительно с иными странами БРИКС. Также установлено, что в последние годы происходило «подтягивание» части низкодоходных слоёв к середине, проявившееся в более высоких темпах роста благосостояния у них по сравнению с населением в целом, а также в заметном снижении уровня бедности в 2000-е гг. Оставшиеся в нижней части распределения доходов граждане сформировали более чёткий портрет бедности, отличающийся от «среднего россиянина» и подчёркивающий важность не только низкого уровня доходов, но и ряда немонетарных измерений неравенства. Этот процесс «усреднения» привёл к увеличению численности групп с медианными и средними доходами, которые являются сегодня наиболее массовыми в структуре современного российского общества.

Однако увеличение их численности в последние годы происходило не только за счёт улучшения положения части низкодоходного населения, но и в силу «усреднения» уровня доходов более благополучных массовых слоёв. Проведённый анализ убедительно доказывает, что распространённый в медиасреде дискурс «обнищания народа» является ложным, хотя проблема разрыва между малой группой «сверхбогатых» и остальным населением действительно стоит весьма остро.

Региональный уровень исследования проблемы содержится в статье [Алексеенок А. А., Каиры Ю. В. и Колмогорова Е.В. \(Орёл\) «Положение бедного населения в социальной структуре региона \(на материалах Орловской области\)»](#). В основе их исследования лежит интегративный подход, предполагающий сочетание объективных и субъективных критериев и подкритериев отнесения граждан к бедным слоям. Результаты авторского исследования позволили дифференцировать приоритетные причины бедности по оценкам как самих бедных, так и небедных. Установлено, что при самопозиционировании населения в региональной социальной структуре небедные склонны занижать своё положение относительно объективных значений критериев бедности, а сами бедные склонны завышать своё социальное положение. Сравнение бедных и небедных по социально-профессиональным критериям подтвердило одно из положений теории социальной стратификации, расширительное толкование которого предполагает прямую зависимость между уровнем образования и принадлежностью к небедным слоям. Суммарным итогом исследования стали выводы о меньшей полноценности жизни представителей бедных слоёв населения Орловской области по сравнению с небедными, особенно в части коммерциализированных форм досуга, и о пребывании первых в состоянии депривации, несмотря на их стремление к самопозиционированию вне зоны бедности.

Рубрика [«Социальные последствия пандемии: новейшие исследования»](#), несомненно, особо актуальна в текущем году. Социологи уже начали осмысливать последствия пандемии Covid-19, однако эмпирические исследования были затруднены по причине связанного с ней режима изоляции. Статья [Ярмак О. В., Страшко Е. В., Шкайдеровой Т. В. \(Севастополь\) «Реакция на пандемию Covid-19 и самоизоляцию интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя \(по материалам медиа-аналитического исследования\)»](#) – одна из первых работ по «коронавирусной» проблематике, основанных на анализе эмпирических данных. В статье представлены результаты проведённого авторами медиа-аналитического исследования социальных медиа трёх российских городов федерального значения – Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя – по поисковым объектам «коронавирус» и «covid 19», «сидим дома» и «оставайтесь дома» за первые три недели самоизоляции – с 23 марта по 12 апреля 2020 г. Такая подборка тематических ключей дала возможность проанализировать тенденции информационной повестки в потоках социальных медиа, возникающих в ситуации самоизоляции и эпидемиологического кризиса, понять особенности формирования ответа на общие

угрозы и вызовы в региональных онлайн-сообществах. Результаты исследования показали формирование определённой региональной солидарности перед новой угрозой и инновационными вызовами. Новые условия повседневности привели к пониманию внезапно появившегося вирусного заболевания как социально-политического феномена, создающего условия для новых форм консолидации в обществе, вызванных различными реакциями на кризис. Авторы утверждают, что одной из важных задач, стоящих сейчас перед социальными науками, является формирование сценариев и объяснительных схем данного явления.

Традицией нашего журнала стала публикация работ молодых исследователей. Рубрика [«Трибуна молодого учёного: инструментарий исследователя»](#) представлена двумя работами методологического характера. Статья [И. А. Андреева \(Москва\) «Мягкая сила» глазами зарубежных аналитиков: к операционализации концепта»](#) посвящена применению в литературе концепта «мягкая сила», введённого в дискурсы социальных наук и практической политики американским политическим аналитиком Дж. Наем. Основные аспекты проблематики рассматриваются на примере широко популяризируемых исследований, выполненных британским PR-агентством Portland Communications, известным ежегодно публикуемыми им рейтингами «мягкой силы» ведущих государств мира (Top-30 Soft Power) и аналитическими докладами на эту тему. Автором выявлены сильные и слабые стороны разработанной специалистами агентства операционализации. Отмечены, в частности, известная произвольность в отборе показателей, в определении их значимости и степени вклада в итоговый результат. Автор также обращает внимание на идеологизированный характер методологии, используемой в странах Запада для составления рейтингов «мягкой силы». В статье обосновывается также необходимость разработки новых методик описания и оценки мягкой силы, более полно и объективно учитывающих политический опыт незападного мира, в том числе России.

Статья [Вербицкого С. А. \(Санкт-Петербург\) «Подходы к исследованию культурных индустрий и анализ их применимости в реалиях современной российской культуры»](#) представляет собой «пробу пера» весьма молодого автора. В ней содержится обзор наиболее распространённых подходов к исследованию культурных индустрий в целом и музыкальных индустрий в частности, описываются способы формирования «исследовательского дизайна» (выбора теоретической оптики, постановки исследовательского вопроса и подбора методологического комплекса), широко распространённые в современных культурологии и социологии. Автор проводит оценку применимости используемых в социологии методов исследования музыкального и культурного производства в рамках российской музыкальной индустрии и показывает их ограничения.

Завершает номер традиционная рубрика [«О новых научных публикациях»](#), представленная статьёй [Сиземской И. Н. \(Москва\) «Социальное государство как конституционный принцип Российской Федерации: социальные векторы развития»](#). Статья является рецензией на коллективную

монографию «Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и перспективы» (Под ред. чл.-корр. РАН Н. И. Лапина. СПб.: РЕНОМЕ, 2019), в которой объектом анализа является противоречивое состояние конституционного принципа социального государства в России. Показано, что в рассматриваемой книге дана фундированная интерпретация этого несоответствия на основе научного анализа политических и социально-экономических реалий, а также описаны и предложены способы его преодоления. Авторы монографии обращают внимание на неоправданное сведение проблемы социально-экономического неравенства только к разделению населения на группы бедных и сверхбогатых. Материальная дифференциация общества по доходу и богатству генерирует глобальную дифференциацию общества. В этой связи авторы обращаются к проблеме расслоения населения по качеству жизни, которое рассматривают в соотнесении с уровнем развития человеческого капитала и инновационного развития общества. В рецензируемом исследовании решение этой задачи в России связывается с активизацией гуманистической функции государства всеобщего благосостояния и его эволюционным движением по пути к сильному социальному государству, создающему для всех граждан условия достойной жизни и свободного развития.

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ: ОБРАЗОВАНИЕ И ОБРАЗ БУДУЩЕГО

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.660

О теоретико-методологических аспектах изучения влияния профессионального образования на социальную стратификацию

Ссылка для цитирования: *Попова Е. С.* О теоретико-методологических аспектах изучения влияния профессионального образования на социальную стратификацию // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3. С. 14–27. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.660

For citation: Popova E. S. On the theoretical-methodological aspects of studying the influence of professional education on social stratification. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 14–27. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.660

Попова Екатерина Сергеевна

Институт социологии ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

espopova@isras.ru

AuthorID ПИНЦ: [708759](#)

Аннотация. Данная статья представляет собой попытку обозначить контуры и возможные ориентиры анализа влияния профессионального образования на социальную стратификацию в условиях современной социальной реальности.

Автор указывает, что структурные изменения всех социальных институтов (в том числе профессионального образования и рынка труда), текучесть и динамизм современной социальной реальности, а применительно к российской специфике сохранение дихотомии текучести – жёсткости, экспансия и инфляция профессионального образования при сохранении неравенства реализации образовательных траекторий всё больше актуализируют потребность изучения взаимосвязи социальной стратификации, профессионального образования и социальной мобильности.

Перед исследователями остро стоят вопросы: какую роль играет профессиональное образование в продвижении или ограничении степени социальной мобильности индивидов? Каким образом экспансия и инфляция образования переопределила селекцию и аллокацию человеческого капитала? Как изменяется связь социальной стратификации, профессионального образования и социальной мобильности, каковы основания, социологическая традиция изучения и будущие теоретико-методологические перспективы?

В поисках ответов, автор рассматривает традиционные и новые для социологии образования теоретико-методологические подходы.

В статье обосновывается, что структурно-функциональная теория не обладает исчерпывающим объяснительным потенциалом в изучении социально-структурной роли профессионального образования применительно к социальной мобильности. С позиции конфликтоло-

гического подхода автор обосновывает тезис: демократизация доступа к профессиональному образованию не означает редуцирования классового неравенства или возникновения общества равных возможностей. В парадигме деятельностного подхода в социологии образования, в котором образование рассматривается не как отдельный социальный институт, а как часть большей системы социального действия и социального неравенства, подчёркивается определяющая роль мотивации и проактивности, оказывающих позитивное влияние на достижение более высокого профессионального статуса.

Ускоряющиеся темпы социальных изменений, многомерность и поливариативность реализации образовательных и профессиональных траекторий в современном обществе указывают на необходимость многомерного измерения социальной мобильности. Применительно к образовательной тематике и в анализе реализации профессиональных траекторий профессиональное образование выступает важным условием и необходимой предпосылкой осуществления социальной мобильности индивидом как в объективных, так и в субъективных координатах мобильности, что в плане методики и методологии исследования требует синтеза количественной и качественной стратегии исследования, и, соответственно, открывает новые перспективы интерпретации результатов и понимания социальной реальности.

Ключевые слова: социология, образование, социальная стратификация, профессиональное образование, социальная мобильность, рынок труда

Сложная взаимосвязь социальной стратификации, профессионального образования и социальной мобильности лежит в основе формирования социальной структуры, однако её сила, взаимовлияние и, что важнее, осознание обществом претерпевают изменения в условиях становления текучей социальной реальности [Bauman 2005], при этом обусловленность этой взаимосвязи историко-культурологическим контекстом и функционированием социальных институтов сохраняется. С позиции традиционных социологических подходов, принятых в социологии образования¹, профессиональное образование всегда рассматривалось как ключ к социальной мобильности индивидов и необходимое условие эффективного функционирования общества [Richardson 1977: 419].

В русле социологической теории связь между профессиональным образованием и социальной мобильностью базируется на следующих предположениях. Во-первых, общество стратифицировано, и система стратификации в некотором смысле способствует социальной мобильности, так как (весьма условно) является открытой [Neelsen 1975: 129]. Во-вторых, поскольку достигнутый уровень образования служит одним из оснований социального статуса, а занимаемые статусно-ролевые позиции в профессионально-квалификационной структуре общества тесно связаны с его уровнем, то профессиональное образование играет значимую роль и в социальной мобильности.

Произошедшие и продолжающиеся структурные изменения всех социальных институтов (в том числе профессионального образования и рынка труда), текучесть и динамизм современной социальной реаль-

¹ Здесь и далее речь пойдёт о традиционных и новых в социологии образования теоретико-методологических подходах: структурный-функционализм, конфликтологический, деятельностный.

ности, а применительно к российской специфике сохранение дихотомии текучести/жесткости [Ильин 2019: 31], экспансия и инфляция профессионального образования при сохранении неравенства реализации образовательных траекторий всё больше актуализируют потребность изучения связи и зависимости социальной стратификации, профессионального образования и социальной мобильности.

Результаты недавних социологических исследований говорят о редуцировании социального неравенства в доступе к образованию и о сокращении эффекта принадлежности к тому или иному социальному классу в реализации образовательных и профессиональных траекторий – во всяком случае, во многих европейских странах: Швеции, Нидерландах, Великобритании, Германии, Франции [Breen et al. 2009], Испании, Италии [Ballarino et al. 2008].

Однако подобный оптимистичный взгляд разделяется далеко не всеми исследователями, так как результаты сопоставительных международных проектов показывают, что системы образования по всему миру по-прежнему характеризуются повсеместным и стойким неравенством образовательных возможностей [Bar Haim, Shavit 2013]. Показано, что разрыв между социальными группами, определяемыми по уровню доходов, как в доступе к профессиональному образованию, так и в достижениях после его получения продолжает увеличиваться: три четверти учащихся в топовых колледжах и университетах – представители высшего социального-экономического квартиля общества [Haveman, Smeeding 2006]. Семьи с высокими доходами прикладывают существенные усилия, чтобы обеспечить академический успех детей, в то время как дети из малоресурсных слоёв включаются в «игру за дипломы» существенно позже и с меньшими ресурсами.

В условиях подобной социальной ситуации возникает переосмысление (на микро- и макроуровне) как объективной, так и субъективной социальной мобильности. Какую роль играет профессиональное образование в продвижении или ограничении степени социальной мобильности индивидов? Каким образом экспансия и инфляция образования переопределили селекцию и аллокацию человеческого капитала? Как изменяется связь социальной стратификации, профессионального образования и социальной мобильности, каковы основания, социологическая традиция изучения и будущие теоретико-методологические перспективы? Данная статья – попытка обозначить контуры и возможные ориентиры анализа влияния профессионального образования на социальную стратификацию в условиях современной социальной реальности.

Социальная стратификация, профессиональное образование и социальная мобильность

Согласно классическому определению Парсонса, социальная стратификация понимается как общественный процесс распределения дефицитных товаров и благ. Статусно-ролевые позиции со схожим досту-

пом образуют кластеры, которые, в свою очередь, формируют страты. Распределение индивидов, составляющих социальную систему и имеющих соответствующие ей отношения, может быть проанализировано через призму следующей классификационной схемы: принадлежность к одной группе, личные качества, достижения, обладание собственностью (*possessions*), авторитетом (*authority*), властью (*power*) [Parsons 1940: 841].

В практике социологических исследований под социальной стратификацией понимается иерархическое ранжирование людей в обществе по одному или нескольким измерениям неравенства, которое, в свою очередь, прямо или опосредованно возникло вследствие разделения труда. К наиболее распространённым моделям социальной стратификации относятся модели, основанные на представлениях о престиже профессий, профессионально-функциональные, социально-экономические и классовые [Neelsen 1975: 131–132]. Большинство шкал социальной стратификации представляют собой иерархическое ранжирование профессий (*occupation*) по одному или нескольким измерениям неравенства, основанное на определённой комбинации реальных и предполагаемых характеристик всех людей в рамках этой профессии (*occupation*) [Grusky, Van Rompaey 1992].

Изучение связи профессионального образования и мобильности расширяет представление о социальной мобильности, имеющей место в социальной стратификации при перемещении из одних страт в другие. Однако, не вдаваясь подробно в методiku и методологию подобных измерительных шкал, подчеркнём вслед за К. Хоупом, что представления об иерархии профессий или их престиже настолько чувствительны к таким социально-экономическим факторам, как доход и уровень профессионального образования [Норе 1982], что по большей части шкалы скорее измеряют общую желательность того или иного рода профессиональной деятельности, нежели взаимосвязь между профессиональным образованием и социальной мобильностью [Goldthorpe, Норе 1974].

В логике **структурно-функционального подхода** профессиональное образование играет решающую роль в функционировании общества, а требования к профессии и квалификации сегодня определяются изменяющимися общественными потребностями, самые значимые из которых связаны с технологическим развитием. Р. Коллинз в серии исследований обосновал, что, с одной стороны, происходит сокращение низкоквалифицированных позиций при единовременном увеличении высококвалифицированных, а к тем видам профессиональной деятельности, которые не будут замещены в ближайшей временной перспективе, квалификационные требования всё больше усложняются [Collins 1971: 1004]. На отечественном рынке труда традиционные и только возникающие аспекты осуществления профессиональной деятельности (недостаточность/избыточность полученного профессионального образования к специфике и характеру труда, устаревание по мнению работодателей про-

фессиональных компетенций, прекаризация различных форм занятости и многие другие) усугубляются не только возрастающим разрывом между системой образования и рынком труда, но и нарастающими темпами технологического развития, от которого зависит пропорциональное соотношение возникающих и замещаемых профессий.

Анализ эмпирических фактов так же даёт все основания заключить, что структурно-функциональная теория не обладает объяснительным потенциалом в изучении социально-структурной роли профессионального образования в отношении социальной мобильности [Neelsen 1975: 137–138].

С позиции **конфликтологического подхода** степень, в которой образовательные системы отражают социальное неравенство, присущее системе стратификации, зависит от степени, в которой профессиональное образование является необходимой и достаточной предпосылкой для распределения социальных позиций, то есть чем более определяющей является распределительная сила образования, тем более исключительным и избирательным будет сам образовательный процесс.

Возможности индивидов использовать профессиональное образование как некую магистраль для достижения вертикальной мобильности не могут рассматриваться в отрыве от неравномерного распределения ресурсов и благ в обществе, в этом контексте приоритетны для анализа равенство образовательных возможностей и структура образовательной системы. Кроме этого, произошедшая экспансия профессионального образования и изменившиеся нормативные паттерны трудоустройства в рамках данного теоретического направления позволили исследователям обозначить такой социальный феномен, как «классовая преемственность», суть которого состоит в том, что низшие страты получают большую репрезентативность в образовании только после того, как потребности высших и средних страт в образовании удовлетворены. В то же время, как показано Дж. Нельсоном, пока «классовая преемственность» оставляет социальное пространство для событийного выравнивания жизненных шансов, такой конкурирующий феномен, как образовательная дифференциация, препятствует их реализации [Neelsen 1975: 138]. Таким образом, эффект Матфея¹ срабатывает не только в доступе к профессиональному образованию, но и в накоплении социальной мобильности, если рассматривать последнюю как одну из форм человеческого капитала.

В изучении социальной мобильности с позиции **межпоколенного подхода** профессиональное образование всегда рассматривалось как один из основных механизмов для передачи родительского социального

¹ Эффект или закон Матфея (англ. *Matthew effect*) применительно к образованию и в условиях экспансии профессионального образования при сохранении неравенства в доступе к нему означает, что при увеличении образовательного капитала в обществе он достаётся прежде всего тем, кто им уже обладает, в то время как не обладающие им оказываются в ситуации ещё большего социального неравенства и имеют меньшие шансы на дальнейший успех [Константиновский 2008: 364]. Сам термин был впервые предложен американским социологом Р. Мертоном, который дал явлению такое название по цитате из «Притчи о талантах»: «... ибо всякому имеющему дастся и приумножится, а у неимеющего отнимется и то, что имеет» (Евангелие от Матфея 25:29).

статуса детям. Одними из пионеров эмпирического анализа воспроизводящей функции профессионального образования в социальной мобильности выступают П. Блау и О. Дункан [Blau 1978], которые оценивали степень влияния профессионально-квалификационной принадлежности отца на уровень образования и род профессиональной деятельности сына в США. Полученные результаты были ими интерпретированы как следствие возрастающей меритократии в обществе и общедоступности массового образования: идея в том, что в современных индустриальных обществах выбор профессий с более высоким рейтингом всё больше определяется достигнутым социальным статусом (чаще выраженным именно в уровне профессионального образования) и уже в меньшей степени – семейным происхождением.

Однако, как впоследствии было доказано [Young 1961; Nash 1961], возрастающая меритократия в обществе, как и демократизация доступа к профессиональному образованию не означает редуцирования классового неравенства или возникновения общества с равными возможностями для всех.

Изучение **внутрипоколенной социальной мобильности** в меньшей степени развито в социологических исследованиях, чем сама межпоколенная мобильность. Одним из наиболее значимых исследований связи образования и внутрипоколенной социальной мобильности является анализ влияния профессионального образования (как основного, так и дополнительного) на социальную мобильность [Tuijnman 1989, 1990]. После контроля таких переменных, как уровень профессионального образования, первая занятость, школьные успехи и социально-экономический и культурный капитал семьи, было показано возрастающее положительное влияние образования на профессиональную мобильность, но не на заработки. Один из главных выводов этого исследования состоит в том, что образование взрослых может способствовать мобильности внутри поколения, хотя положительное влияние образования молодёжи (и, следовательно, косвенного влияния социально-экономического капитала семьи) на образование взрослых велико и таким образом снижает мобильность между поколениями.

Когда мы ставим более общий вопрос «Для чего получать образование?», то есть переключаем фокус внимания на мотивацию и результат получения профессионального образования, мы неизбежно приходим к парадигме **деятельностного подхода** в социологии образования, в котором образование рассматривается не как отдельный социальный институт, а как часть большей системы социального действия и социального неравенства [Richardson 1977: 421]. При этом в рамках этого подхода на уровне отдельных индивидов профессиональное образование остаётся ключом к социальной мобильности. Например, масштабное исследование в Великобритании [Richardson 1977] показало, что при схожих профессиональных достижениях, в большем выигрыше условно те, кто выбрал такую образовательную траекторию, которая позволила в будущем трансформировать профессиональную мобиль-

ность в социальную по той причине, что кроме получения нового социального статуса интериоризируются ценностный и нормативно-ролевой комплексы. Напротив, когда новый социальный статус в логике восходящей мобильности достигается без соответствующего профессионального образования, то система ценностей остаётся прежняя и потом транслируется следующим поколениям, которые, в свою очередь, будут скорее склонны к нисходящей мобильности.

Меняющиеся представления об альтернативных и массовых образовательных траекториях, увеличение горизонта образовательных усилий населения, особенно в части постдипломного образования, расширение институциональных возможностей и социальных практик по овладению профессией привело к формированию нескольких концептов в социологии образования, приоритетных в анализе социальной мобильности и редуцирования неравенства в профессиональном образовании: непрерывное образование, образование взрослых и образование второго шанса.

В широком смысле непрерывное образование трактуется как процесс, который длится всю жизнь человека; приводит к систематическому приобретению, обновлению знаний, навыков и умений [Knapper, Cropley 1991].

Под образованием взрослых понимается такая система обучения, когда «целевой аудиторией являются взрослые трудящиеся, которые в силу своих трудовых обязанностей не могут выделить на образование полноценную трудовую неделю. Тем не менее дальнейшая социальная мобильность для них связана именно с расширением знаний в сфере их деятельности и/или других сферах» [Латова, Латов 2010: 64]. Образование взрослых зачастую формально описывается как «образование второго шанса», предлагающее взрослым возможность повторно получить доступ к образованию или переобучиться новым образовательным навыкам и знаниям [Grummell 2007: 183].

Образование второго шанса, образование взрослых и дополнительное профессиональное образование приводит к минимизации влияния социального происхождения на социальную мобильность. Образование второго шанса по результатам исследований профессиональных и жизненных траекторий подтвердило свой значимый потенциал в минимизации социального неравенства [Попова 2019]. Тем не менее, как было показано Дж. Нельсоном, с позиции не только деятельностного, но конфликтологического и классового подходов, особенно в эгалитарных обществах, необходимо понимать, что таких проактивных людей будет меньшинство, так как требуется мотивация и самоорганизация совершенно иного уровня; при этом частота внутриклассовой мобильности (в сравнении с межклассовой) будет значимо выше, оказывая позитивное влияние на достижение более высокого профессионального статуса [Neelsen 1975: 141].

Как одно из актуальных направлений изучения образовательной реальности, в рамках деятельностного подхода есть перспективы выхода на теоретические основания, которые помогут объяснить произошед-

шие в образовании перемены за последние 20 лет, однако исследования подобной теоретико-методологической направленности чаще будут обладать объяснительным потенциалом индивидуальной, нежели коллективной мобильности.

Ускоряющиеся темпы социальных изменений, многомерность и поливариативность реализации образовательных и профессиональных траекторий в современном обществе приводят к значимости многомерного измерения социальной мобильности.

Концепция многомерной социальной мобильности, в которой мобильность понимается как взаимосвязанные перемещения индивида в нескольких социальных измерениях (сфера занятости, образования, отраслевая, территориальная, жилищная, субъективная мобильность), открывает перспективы анализа в единстве объективной и субъективной мобильности [Социальная мобильность... 2019: 8–12].

В серии исследовательских проектов под руководством М. Ф. Черныша показано, что применительно к образовательной тематике и в анализе реализации профессиональных траекторий, профессиональное образование выступает важным условием и необходимой предпосылкой осуществления социальной мобильности индивидом как в объективных, так и в субъективных координатах мобильности, что в плане методики и методологии исследования требует синтеза количественной и качественной стратегии исследования, и, соответственно, открывает новые перспективы интерпретации результатов и понимания социальной реальности [Многомерная социальная... 2018; Социальная мобильность... 2019].

Динамический подход рассматривает социальную мобильность как перемещение людей между стратами в контексте меняющихся структур и критериев стратификации. В рамках данного подхода профессиональное образование является средством социальной мобильности: связь между образованием, занимаемой профессиональной позицией и уровнем доходов позволяет заключить, что именно профессиональное образование является необходимым предварительным условием социальной мобильности. Однако идеально типическое равенство образовательных возможностей не означает будущего равенства шансов на трудоустройство.

Даже если предположить полное равенство образовательных возможностей, только меньшинство способно на восходящую мобильность. При этом ни одно общество ещё не достигло 100% равенства образовательных возможностей. Многие исследования по мобильности свидетельствуют, что социальная мобильность понимается существенно шире, чем представления о восходящей или нисходящей мобильности, особенно в связи и в контексте профессионального образования. Социологи склонны преувеличивать значение образования в процессах социальной мобильности. Анализ в динамике лет показывает, что её масштаб не сильно изменился, несмотря на существенные изменения в профессиональном образовании и экспансию высшего образования. Более того, анализ социальной мобильности в индустриальных обществах показал, что

почти половина её участников никак не связана с формальным уровнем профессионального образования, а значит, есть какие-то альтернативные образовательные пути её осуществления [Richardson 1977: 422].

Заключение

Социальная мобильность связана с поведением и адаптацией индивидов. Она определяет существование модели, присущей тому или иному социальному статусу, в основании которого лежит (или не лежит) профессиональное образование. Процессы индивидуальной мобильности никогда не происходят в изоляции, скорее они являются индикатором сопутствующих перемен в социальной структуре, однако анализ социальной мобильности необходимо вести под углом зрения всего общества, нежели отдельных индивидов, институтов или страт.

Социальная стратификация является неотъемлемой частью концепта структуры более общей социальной системы, выступающей в этом случае концептуальной схемой, а не эмпирическим феноменом [Parsons 1940: 844]. Различные стратификационные модели не могут оцениваться в терминах верности или ошибочности; напротив, следует рассматривать их релевантность и широту охвата тех или иных социальных фактов. Так или иначе многие модели исходят из теоретических предпосылок социального неравенства.

Экспансия и изменения в профессиональном образовании тем не менее не привели к увеличению равенства возможностей в образовании или ко вкладу в человеческий капитал, как его понимают экономисты (например, Беккер). Эти изменения привели к своего рода инфляции профессионального образования, как обозначил Ж. Карабел [Karabel 1972]. Инфляция образования является процессом, при котором расширение образовательной системы не приносит изменений в равенстве образовательных шансов между различными социальными группами.

Другое важное замечание в отношении профессионального образования и социальной мобильности сводится к тому, что институт образования состоит из иерархически организованных подсистем, предлагающих дипломы и квалификации различной символической ценности в терминах профессионального и социального статуса. Иными словами, когда малоресурсные социальные группы начинают получать доступ к определённым образовательным институтам и дипломам, они сталкиваются с тем, что так называемая инфляция профессионального образования ослабляет социальное влияние экспансии образовательных возможностей следующего уровня.

Происходящие социальные перемены ведут к изменению как объективной, так и субъективной мобильности. Профессиональное образование, которое в традиционной социологической концепции понимается как основа, кирпич, фундамент социальной мобильности, претерпевает значимые изменения. Так, расширились социальные практики

участия в нём, применительно к России меняется отношение и к его сигнальной функции. Подобные трансформации приводят к изменению понимания и самой социальной мобильности. Если раньше координаты социальной мобильности задавались индивиду извне, а её модели определялись социальным статусом, то сегодня в плане профессионального образования и жизненной карьеры зачастую координаты порождаются субъективной мобильностью, что и ведёт к переосмыслению социального статуса. В отечественных социологических исследованиях показано, что социальные практики и ресурсы адаптации, как и модели социальной мобильности в российском обществе, в каком-то смысле уникальны, даже если не опровергают стандартные схемы социальной мобильности [Козырева и др. 2013; Социальная мобильность... 2019: 6].

Многомерность социальной реальности неизбежно приводит к многомерности теоретико-методологических подходов её изучения и широте интерпретации социальных фактов и процессов. В целях обеспечения глубины понимания происходящих явлений, особенно в анализе влияния профессионального образования на социальную стратификацию, приоритетной становится задача поиска такой метафоры и исследовательской оптики, которая в наибольшей мере будет охватывать социальную мобильность в текущей реальности образования.

Библиографический список

Ильин В. И. 2019. Социальный сёрфинг как модель молодёжного образа жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 28–48. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.02>. (Дата посещения: 21.04.2020).

Козырева П. М., Низамова А. Э., Смирнов А. И. 2013. Ресурсы и практики социально-экономической адаптации населения России. М.: Новый хронограф. 328 с.

Константиновский Д. Л. 2008. Неравенство и образование. Опыт социологических исследований жизненного старта российской молодежи (1960-е годы – начало 2000-х). М.: ЦСО. 551 с.

Латова Н. В., Латов Ю. В. 2010. Методология институционального анализа социального неравенства в доступе к андрагогическому образованию // Terra Economicus. Т. 8. № 3. С. 64–81.

Многомерная социальная мобильность в современной России: монография / [Ю. Б. Епихина и др.]. М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН, 2018. 112 с. 1 электрон.-опт. диск 12 см. (CD-ROM) ISBN 978-5-89697-306-5, DOI 10.19181/monograph.2019.3

Попова Е. С. 2019. «Образование второго шанса» и альтернативные траектории как механизм накопления человеческого капитала // Образование и наука в России: состояние и потенциал развития: Ежегодник. Вып. 4. С. 372–387.

Социальная мобильность в усложняющемся обществе: объективные и субъективные аспекты: [монография] / [В. В. Семенова и др.]. М.: ФНИСЦ РАН, 2019. 512 с.

Ballarino G., Bernardi F., Requena M., Schadee H. 2008. Persistent Inequalities? Expansion of Education and Class Inequality in Italy and Spain // *European Sociological Review*. Vol. 25. № 1. P. 123–138.

Bar Haim E., Shavit Y. 2013. Expansion and inequality of educational opportunity: A comparative study // *Research in Social Stratification and Mobility*. Vol. 31. P. 22–31.

Bauman Z. 2005. *Liquid Life*. Cambridge, UK ; Malden, MA: Polity. 1st edition. 224 p.

Blau P. M. 1978. *American Occupational Structure*. New York: Free Press. Illustrated edition. 544 p.

Breen R., Luijkx R., Muller W., Pollak R. 2009. Nonpersistent Inequality in Educational Attainment: Evidence from Eight European Countries // *American Journal of Sociology*. Vol. 114. № 5. P. 1475–1521.

Collins R. 1971. Functional and conflict theories of educational stratification // *American Sociological Review*. Vol. 36. P. 1002–1019.

Goldthorpe J. H., Hope K. 1974. *The Social Grading of Occupations: A New Approach and Scale*: Clarendon Press. 216 p.

Grummell B. 2007. The «second chance» myth: Equality of opportunity in Irish adult education policie // *British Journal of Educational Studies*. Vol. 55. № 2. P. 182–201.

Grusky D. B., Van Rompaey S. E. 1992. The Vertical Scaling of Occupations: Some Cautionary Comments and Reflections // *American Journal of Sociology*. Vol. 97. № 6. P. 1712–1728.

Haveman R., Smeeding T. 2006. The Role of Higher Education in Social Mobility // *The Future of Children*. Vol. 16. № 2. P. 125–150.

Hope K. 1982. A Liberal Theory of Prestige // *American Journal of Sociology*. Vol. 87. № 5. P. 1011–1031.

Karabel J. 1972. Community Colleges and Social Stratification // *Harvard Educational Review*. Vol. 42. № 4. P. 521–562.

Knapper C., Cropley A. 1991. *Lifelong learning and higher education* (2nd edn.). London. Kogan page.

Nash P. 1961. *The Rise of the Meritocracy, 1870–2033: An Essay on Education and Equality*. Michael Young (London: Thames and Hudson, 1958. Pp. 160. 15 s.) // *History of Education Quarterly*. Vol. 1. № 4. P. 40–42.

Neelsen J. P. 1975. Education and Social Mobility // *Comparative Education Review*. Vol. 19. № 1. P. 129–143.

Parsons T. 1940. An Analytical Approach to the Theory of Social Stratification // *American Journal of Sociology*. Vol. 45. № 6. P. 841–862.

Richardson C. J. 1977. Education and Social Mobility: Changing Conceptions of the Role of the Educational Systems // *The Canadian Journal of Sociology / Cahiers canadiens de sociologie*. Vol. 2. № 4. P. 417–433.

Tuijnman A. 1990. Adult education and the quality of life // *Int Rev Educ*. Vol. 36. № 3. P. 283–298.

Tuijnman A. 1989. Recurrent Education, Earnings and Well-being: A Fifty-year Longitudinal Study of a Cohort of Swedish Men: Almqvist & Wiksell International. 294 p.

Young M. D. 1961. *The Rise of the Meritocracy, 1870–2033: An Essay on Education and Equality*: Penguin Books. 198 p.

Статья поступила 01.09.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Попова Екатерина Сергеевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН, Москва, Россия.

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.660

On the Theoretical-Methodological Aspects of Studying the Influence of Professional Education on Social Stratification

Ekaterina S. Popova

Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: espopova@isras.ru

ORCIDID: 0000-0002-9808-3152

For citation: Popova E. S. On the theoretical-methodological aspects of studying the influence of professional education on social stratification. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 14–27. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.660

Abstract. This article presents an attempt to define the framework and the possible guidelines for analyzing the influence of professional education on social stratification given the current conditions of social reality.

The author points out that the structural changes in all social institutions (including professional education and the labor market), the fluidity and dynamism of modern social reality, and conserving a dichotomy of fluidity when speaking of the Russian context – rigidity, the expansion and inflation of professional education combined with the preservation of inequality when it comes to implementing educational trajectories – all of this makes studying the connection between social stratification, professional education and social mobility ever the more relevant.

Researchers face the following acute questions: what sort of role is played by professional education in promoting or restricting an individual's social mobility? How has the expansion and inflation of education redefined the selection and allocation of human capital? In which way does the connection change between social stratification, professional education and social mobility, what are the foundations, the sociological study tradition and the theoretical-methodological prospects for the future?

In order to find answers, the author examines both traditional theoretical-methodological approaches, and ones that are new to sociology of education.

The article substantiates the notion that structural-functional theory does not possess a comprehensive explanatory potential in the study of the socio-structural role of professional education in regards to social mobility. The author substantiates the following thesis from a conflict analysis standpoint: democratizing access to professional education does not mean the reduction of class inequality or the emergence of a society of equal opportunity. Within the paradigm of an activity-related approach in sociology of education, where education is viewed not just as a separate social institution, but as part of a larger system of social action and social inequality, the definitive role of motivation and proactiveness is emphasized, with them producing a positive effect when it comes to attaining higher professional status.

The accelerating rate of change in society, the multidimensionality and polyvariance in implementing educational and professional trajectories in modern society indicate the need for a multidimensional evaluation of social mobility. In regards to the topic of education, and when it comes to analyzing the implementation of educational trajectories, professional education represents a vital condition and a necessary prerequisite for an individual to exercise social mobility both in terms of objective and subjective coordinates of mobility, and in regards to research methods and methodology, this demands synthesizing quantitative and qualitative research strategies, and, consequently, opens up new opportunities for interpreting results and perceiving social reality.

Keywords: sociology, social stratification, professional education, social mobility, education, labour market

References

Il'in V.I. Sotsial'ny siorfing kak model' molodiozhnogo obraza zhizni. Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskkiye i sotsial'nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes Journal, 2019: 1: 28–48 (In Russ.). DOI: [10.14515/monitoring.2019.1.02](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.02).

Konstantinovskiy D.L. Inequality and Education. Attempt of sociological research on the life starts of the Russian youth (1960th – beginning of 2000th). Moscow, TSSO, 2008: 551 (In Russ.).

Kozyreva P.M., Nizamova A.E., Smirnov A.I. Resources and practices of socio-economic adaptation of the population of Russia. Moscow, Novy khronograf, 2013: 328 (In Russ.).

Latova N.V., Latov Y.V. Methodology of institutional analysis of social inequality in access to andragogic education. Terra Economicus = Terra Economicus, 2010: vol. 8: 3: 64–81 (In Russ.).

Multidimensional social mobility in modern Russia. Ed. by M.F. Chernysh, J.B. Epikhina. Moscow, FCTAS RAS publ., 2018: 112 (In Russ.).

Popova E.S. “Second Chance Education” and Alternative Trajectories as a Mechanism for the Accumulation of Human Capital. Obrazovaniye I nauka v Rossii: sostoyaniye I potentsial razvitiya: Yezhegodnik: vol. 4. Moscow, 2019: 372–387 (In Russ.).

Social mobility in an increasingly complex society: objective and subjective aspects. Ed. by V.V. Semionova, M.F. Chernysh, P.E. Sushko. Moscow, FCTAS RAS publ., 2019: 512 (In Russ.).

Ballarino G., Bernardi F., Requena M., Schadee H. Persistent Inequalities? Expansion of Education and Class Inequality in Italy and Spain. European Sociological Review. 2008: vol. 25: 1: 123–138.

Bar Haim E., Shavit Y. Expansion and inequality of educational opportunity: A comparative study. Research in Social Stratification and Mobility. 2013: 31: 22–31.

Bauman Z. Liquid Life. Cambridge (UK); Malden (Ma), Polity, 2005: 224.

Blau P.M. American Occupational Structure. New York, Free Press, 1978: 544.

Breen R., Luijkx R., Muller W., Pollak R. Nonpersistent Inequality in Educational Attainment: Evidence from Eight European Countries. American Journal of Sociology, 2009: vol. 114: 5: 1475–1521.

Collins R. Functional and conflict theories of educational stratification. American Sociological Review. 1971: vol. 36: 1002–1019.

Goldthorpe J.H., Hope K. The Social Grading of Occupations: A New Approach and Scale, Clarendon Press, 1974: 216.

Grummell B. The «second chance» myth: Equality of opportunity in Irish adult education policie. British Journal of Educational Studies, 2007: vol. 55: 2: 182–201.

Grusky D.B., Van Rompaey S.E. The Vertical Scaling of Occupations: Some Cautionary Comments and Reflections. American Journal of Sociology, 1992: vol. 97: 6: 1712–1728.

Haveman R., Smeeding T. The Role of Higher Education in Social Mobility. The Future of Children, 2006: vol. 16: 2: 125–150.

Hope K. A Liberal Theory of Prestige. American Journal of Sociology, 1982: vol. 87: 5: 1011–1031.

Karabel J. Community Colleges and Social Stratification: Harvard Educational Review. 1972: vol. 42: 4: 521–562.

Knapper, C., Cropley, A. Lifelong learning and higher education. London, Kogan page, 1991.

Nash P. The Rise of the Meritocracy, 1870–2033: An Essay on Education and Equality. Michael Young. (London: Thames and Hudson, 1958. 160 p.). History of Education Quarterly, 1961: vol. 1: 4: 40–42. DOI: <https://doi.org/10.2307/367489>

Neelsen J.P. Education and Social Mobility. Comparative Education Review, 1975: vol. 19: 1: 129–143.

Parsons T. An Analytical Approach to the Theory of Social Stratification. American Journal of Sociology, 1940: vol. 45: 6: 841–862.

Richardson C.J. Education and Social Mobility: Changing Conceptions of the Role of the Educational Systems. The Canadian Journal of Sociology / Cahiers canadiens de sociologie, 1977: vol. 2: 4: 417–433.

Tuijnman A. Adult education and the quality of life. International Review of Education, 1990: vol. 36: 3: 283–298.

Tuijnman A. Recurrent Education, Earnings, and Well-being. A Fifty-Year Longitudinal Study of a Cohort of Swedish Men. Stockholm Studies in Educational Psychology. Stockholm: Almqvist and Wiksell International, 1989: 288.

Young M. D. The Rise of the Meritocracy, 1870–2033: An Essay on Education and Equality. L.: Penguin Books, 1961: 198.

The article was submitted on: September 01. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Popova Ekaterina Sergeevna, Candidate of Sociological Sciences, Leading Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS, Moscow, Russia

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ: ОБРАЗОВАНИЕ И ОБРАЗ БУДУЩЕГО

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.661

Социальное будущее в представлениях будущих российских юристов¹

Ссылка для цитирования: Ушкин С. Г., Коваль Е. А. Социальное будущее в представлениях будущих российских юристов // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3. С. 28–42. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.661

For citation: Ushkin S. G., Koval E. A. The future of society according to future Russian lawyers. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 28–42. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.661

Ушкин Сергей Геннадьевич

Научный центр социально-экономического мониторинга,
Саранск, Россия

ushkinsergey@gmail.com

AuthorID РИНЦ: [636470](#)

Коваль Екатерина Александровна

Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского
государственного университета юстиции (РПА Минюста России),
Саранск, Россия

nwifesc@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: [617487](#)

Аннотация. В статье показано, что изучение представлений будущих российских юристов о проективном социальном будущем является актуальной разработкой, поскольку данная социально-профессиональная группа не только предъявляет определённые требования к проективному субъективному социальному благополучию, но и обладает нормотворческим потенциалом для преобразования и нормативного конструирования российского общества. В статье анализируются результаты авторского исследования, проведённого в 2016 г. в 12 городах России (на базе Всероссийского государственного университета юстиции и его филиалов). Полученные данные, по мнению авторов, доказывают, что среди респондентов фиксируется достаточно высокий уровень субъективного благополучия, а ключевыми ценностями являются справедливость, свобода, поддержание законности и порядка, гражданская инициатива. Для измерения нормативных ожиданий опрашиваемым было предложено охарактери-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00082 «Нормотворчество в морали, праве, религии».

зовать при помощи ряда параметров три модели социального воображаемого: «лучшее общество» (утопия), «плохое общество» (антиутопия) и «хорошее общество» (достижимое, пригодное для жизни и развития). В результате были получены индексы проективных запросов на воплощение этих моделей в социальном будущем. Вопреки распространённому мнению о «потребительском» характере ценностных ориентаций современной молодёжи, материальное благополучие оказалось далеко не самым значимым параметром. Наиболее высокое значение получили индексы, коррелирующие с ценностями справедливости, равенства и законности, что свидетельствует об их существенном влиянии на уровень субъективного благополучия респондентов.

Авторами также зафиксировано наличие принципиального расхождения представлений будущих российских юристов о путях достижения справедливости. Индексы постоянно реформируемого общества и консервативного общества практически равны. Косвенно это указывает на наличие глубокого ценностного раскола, свидетельствующего о неуверенности в завтрашнем дне, что подтверждается рядом исследований других авторов.

Ключевые слова: социология, социальное будущее, социальное благополучие, нормативные ожидания, «хорошее общество», проективный социальный запрос, справедливость

Проблематика изучения образов социального будущего весьма остро стоит как перед западными [Урри 2018], так и перед российскими исследователями, и особенно – в преддверии политического транзита власти, который должен завершиться избранием нового президента в 2024 г. [Выборы... 2018]. Как отмечает Н. В. Романовский, наметившийся в последнее время всплеск интереса к ним представляет собой «характерную черту социологии и общественно-исторической панорамы мирового сообщества начала XXI в.» [Романовский 2015: 15]. По нашему мнению, исследования в данном направлении обладают высоким нормотворческим потенциалом, поскольку изучение динамики социальных практик позволяет перейти от диагноза к лечению, одним из вариантов которого выступает трансформация социальной нормативности [Коваль, Ушкин 2020: 162].

В то же время понимание образов социального будущего как в быденном, так и в научном ключе существенно затрудняется ввиду их приватизации, дерегуляции и фрагментации. Как замечает по этому поводу З. Бауман, «как и раньше, мы заняты решением проблем и устройством дел, но ни эти наши занятия, предпринятые в одиночку или коллективно, ни сами дела и проблемы не складываются во что-то целое» [Бауман 1994: 72]. Более того, как показывают результаты ряда российских исследований, из года в год уверенности в завтрашнем дне у наших соотечественников не прибавляется, а показатели социального оптимизма уходят в область негативных ожиданий, нередко подстёгиваемых всевозможными кризисами и ажиотажем вокруг них [Готово ли... 2010: 13; Осянин 2019: 133–134]. В свою очередь усиление чувства опасности и страха за своё будущее может стать причиной моральных паник, основанных на эмотивно-морализаторском дискурсе [Ефанов 2017: 90].

Представляется очевидной взаимосвязь между текущим уровнем благополучия и восприятием будущего. Можно предположить, что здесь действует следующее правило: чем выше расхождения между ними, тем выше поддержка решительных мер по выходу из сложившейся кризисной ситуации; напротив, относительная близость индикаторов указывает на то, что общество разделяет приоритеты стабильности. И, похоже, что дело здесь не в пресловутом социологическом градуснике, который определяет лишь «среднюю температуру по больнице», а в неоднозначном понимании представителями различных групп населения категории субъективного благополучия. Например, для молодёжи важнее материальное благополучие, деловой прагматизм, готовность идти на риск в достижении поставленных целей [Горшков 2019: 22], а для людей пенсионного возраста – здоровье [Алимова, Хизбуллина 2016: 21].

По нашему мнению, релевантным инструментом изучения субъективного благополучия во взаимосвязи с проективными ожиданиями от будущего, который может выступить в качестве «общего места» интересов различных социальных групп, является теоретическая модель «хорошего общества», предлагающая дистанцироваться от утопий и антиутопий, которые, как правило, либо усиливают общее чувство депривированности, либо способствуют формированию и развитию различного рода фобий. В её основе лежит ценностно-нормативная модель социального воображаемого, которая отвечает на вопрос, что необходимо человеку для того, чтобы удовлетворить свои минимальные потребности, позволяющие ему повысить качество своей жизни в дальнейшем. При этом учитываются как внутренние параметры субъективного благополучия, так и внешние, рассматриваемые в качестве своеобразных универсалий: семья, религия, признание, дружба, социальное доверие, социальный капитал и т. д. [Коваль, Ушкин 2018: 140].

Как отмечает В. А. Луков, термин «хорошее общество» появился в российской социальной науке (главным образом социальной философии и социологии) относительно недавно и представляет собой кальку с английского термина «Good Society» [Луков 2019: 4]. Впервые он был использован У. Липпманом в 1938 г. в работе «Исследование принципов “хорошего общества”», в которой американский исследователь попытался сформулировать новую общественную мораль, ориентированную на ценности свободы, гуманности и антиколлективизма [Lippmann 1937].

Первоначально научное сообщество не восприняло всерьёз попытки внедрения данного термина и относилось к нему с большой долей скептицизма. Но, по мере того, как становилось понятным, что идеалы общества благоденствия труднодостижимы, встал вопрос о том, что может заменить их в краткосрочной перспективе. Собственно, здесь и пригодились идеи, сформулированные теоретиками «хорошего общества», которые впоследствии были высоко оценены западной научной элитой поскольку провоцируют размышления, обсуждаемые на публичном уровне, как жизненно истинные, способные стать основой эффективных проектов [Федотова 2005: 457].

В первую очередь многих исследователей подкупало в «хорошем обществе» то, что оно изначально отталкивалось не от теоретических конструкций, а от эмпирических фактов, которые выявляли реальные потребности людей. По большому счёту, в нём был реализован предложенный Э. Дюркгеймом в работе «Правила социологического метода» принцип, сводящийся к тому, что самые распространённые нормы являются самыми выгодными и пригодными для проживания [Durkheim 1982: 93]. Более того, было убедительно доказано, что спектр значений, вкладываемых в понятия «хорошего» или «плохого», ограничен для повседневности и специализированных областей мышления и деятельности [Федотова 2005: 6–7].

Основные дискуссии вокруг «хорошего общества» и его ценностно-нормативных основ, обеспечивающих членам этого общества достойную жизнь, возможности развития, право на признание и т. д., на Западе развернулись между либералами и коммунитаристами. Представители этих течений стремились представить свой вариант социального воображаемого, принципиально отличный от большинства утопий или антиутопий, поэтому ребром встал вопрос о том, кто должен (и должен ли) обладать монополией на его конструирование [Коваль 2017: 41].

Либеральная модель «хорошего общества» предлагает ориентацию на верховенство закона, признание индивида и обеспечение его прав и свобод, развитые демократические институты, обеспечение достойного уровня жизни каждому члену общества [Lippmann 1937; Galbraith 1997; Ролз 1995; Дворкин 2004; Kenworthy 2017]. Коммунитаристская же характеризуется значимостью общих ценностей для членов сообществ, из которых состоит большое общество; самоуправлением, требующим особых нормативных регуляторов (например, «голос морали» у А. Этциони, «моральная экология» у Р. Беллы, Р. Мадсена и др.); созданием условий для открытых публичных диалогов по ключевым вопросам общественной жизни [Sandel 1982; Макинтайр 2000; Etzioni 2002; Bellah et al. 1992].

В отечественном научном дискурсе популяризацию термина «хорошее общество» предприняла В. Г. Федотова, отмечая особый духовный потенциал наших сограждан. Она подчёркивает, что в современных российских реалиях простая калька западных идей не представляется возможной, нужен их основательный анализ и синтез. Во главу угла, по её мнению, должны быть поставлены такие основные содержательные критерии «хорошего общества», как социальный капитал, межличностные связи и доверие, стабильность, безопасность и возможность развития. Только ориентация на традиционалистские ценности, характерные для нашего общества, может привести к отечественной версии капитализма «с человеческим лицом» без протестантской этики, на иных идеологических основаниях [Федотова 2005: 13].

Таким образом, модели «хорошего общества» сочетают в себе как элементы существующих представлений о том, каким является общество, в котором мы живём, так и элементы должного, проективные представления, интерпретации того, каким общество должно быть,

чтобы в нём можно было не выживать, но жить, и жить достойно. «Хорошее общество» не идеально, но принципиально достижимо, и конструируется, исходя из реальных потребностей людей.

Дизайн исследования

В рамках настоящей статьи мы обратимся к исследованию социального благополучия и нормативных ожиданий российских студентов юридических специальностей и направлений подготовки, которые, по нашему мнению, не только предъявляют определённые требования к проективному субъективному социальному благополучию, но и обладают нормотворческим потенциалом для преобразования и нормативного конструирования российского общества.

Для этого мы используем данные собственного социологического опроса, который был проведён на базе филиалов Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) в двенадцати городах – Ижевске, Иркутске, Казани, Калуге, Махачкале, Москве, Петрозаводске, Ростове-на-Дону, Санкт-Петербурге, Саранске, Туле и Хабаровске. Анкетирование проходило во время аудиторных занятий посредством электронного сервиса Google Forms. Оно проводилось в период с апреля по июль 2016 г. Всего в опросе приняли участие 374 чел. в возрасте от 16 до 46 лет (в т.ч. и те, кто получали второе высшее образование, но таких меньшинство). Выборка квотная, репрезентует будущих юристов по полу, форме обучения и территориальному признаку (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Структура генеральной и выборочной совокупности в филиалах
Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)
на 2015/16 уч. год, чел.

*Structure of general totality and sample at the All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia)
for the 2015/16 academic year, number of people*

Место обучения	Генеральная совокупность				Выборочная совокупность			
	Очная форма		Заочная форма		Очная форма		Заочная форма	
	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен	Муж	Жен
Ижевск	83	169	293	407	2	4	8	11
Иркутск	257	446	158	374	7	12	4	10
Казань	91	102	127	161	2	3	3	4
Калуга	175	244	142	278	5	6	4	7
Махачкала	483	256	1122	573	13	7	29	15
Москва	400	408	232	372	10	11	6	10
Петрозаводск	103	122	223	263	3	3	6	7
Ростов-на-Дону	83	102	519	632	2	3	14	16
Санкт-Петербург	193	220	348	480	5	6	9	12
Саранск	249	174	510	447	6	5	13	12
Тула	195	192	315	495	5	5	8	13
Хабаровск	58	88	482	529	2	2	13	14
Итого	14 375				374			

Погрешность, рассчитанная для аналогичных показателей случайных выборок, не превышает 5%. Ремонт выборочной совокупности осуществлён посредством разработки весовых коэффициентов для каждой независимой переменной.

Точка отсчёта: как будущие российские юристы оценивают своё текущее самочувствие?

Результаты проведённого исследования свидетельствуют о том, что в целом респонденты заявляют о достаточно высоком уровне субъективного благополучия, который не зависит от пола, формы обучения или возраста (см. таблицу 2). Впрочем, необходимо отметить, что более половины ответов приходится на тех, кто своей жизнью «скорее удовлетворён». При повышении возраста, вступлении в самостоятельную взрослую жизнь (что особенно заметно среди студентов, получающих второе высшее образование) баланс оценок может смещаться, причём, как показывает практика, в негативную сторону. Компромиссный характер данного индикатора указывает на следующую закономерность: социальное благополучие настанет уже тогда, когда людям удалось избежать несчастья, превозмочь страдания [Фрейд 1992: 75].

Таблица 2 (Table 2)

Как Вы в целом оцениваете ситуацию, сложившуюся конкретно в Вашей жизни?

In general, how do you evaluate your current life situation?

Вариант ответа	%
Полностью удовлетворён	28
Скорее удовлетворён	53
Скорее не удовлетворён	13
Не удовлетворён	3
Затрудняюсь ответить	3

Респонденты демонстрируют достаточно высокий уровень удовлетворённости различными параметрами социального самочувствия: так, 71% удовлетворены материальным положением, 78% – собственным здоровьем и здоровьем членов семьи, 66% – средой обитания, экологией в месте проживания, 66% – возможностями достижения поставленных целей, 76% – персональной свободой, 73% – терпимостью к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям, 80% – наличием доверительных отношений в месте проживания (см. таблицу 3). Необходимо отметить, что, как и при использовании прямого индикатора об уровне социального самочувствия, в ответах фиксируется заметное превалирование тех, кто удовлетворены различными сферами своей жизни не полностью, а лишь частично.

Таблица 3 (Table 3)

Насколько Вы удовлетворены следующими сторонами Вашей жизни? %

To what extent are you satisfied with the following aspects of your life? %

	Полностью удовлетворён	Скорее удовлетворён	Скорее не удовлетворён	Не удовлетворён	Затрудняюсь ответить
Материальное положение	18	53	21	8	1
Состояние Вашего здоровья и здоровья членов Вашей семьи	21	57	19	2	1
Среда обитания, экология в месте Вашего проживания	16	50	29	3	1
Возможности достижения поставленных целей	14	52	29	5	1
Персональная свобода (свобода слова, свобода вероиспо- ведания и т. д.)	23	53	14	9	2
Терпимость к иному мировоззрению, образу жизни, поведению и обычаям	21	52	14	9	3
Наличие доверительных отношений в месте Вашего проживания	25	55	14	3	3

Минимальные требования: что будущие российские юристы желают видеть в своём социальном будущем?

Для определения контуров минимально допустимого желаемого будущего респондентам был предложен вопрос о том, какие характеристики они соотносят с различными типами обществ («лучшим», «хорошим», «плохим»). Предварительно было дано пояснение о том, что представляет собой «хорошее общество» – общество, достижимое и пригодное для полноценной, плодотворной жизни [Galbraith 1997]. Несмотря на относительно высокий уровень социального самочувствия, фиксируются достаточно разнонаправленные тенденции в понимании признаков, характеризующих те или иные общества (см. таблицу 4).

Таблица 4 (Table 4)

Какие признаки, по Вашему мнению, в большей степени характеризуют различные типы обществ? %

In your opinion, which characteristics define various types of society to a greater extent? %

	«Лучшее» общество	«Хорошее» общество	«Плохое» общество
Общество равных возможностей	46	52	2
Общество разных возможностей	18	49	32
Общество, справедливое для всех	59	38	2
Общество, справедливое для большинства	14	52	34
Общество, справедливое для групп меньшинств	11	39	51
Общество богатых людей	16	45	39
Общество, где обеспечивается минимальный уровень достатка	17	57	26
Общество, в котором доминирует культура большинства	17	44	35
Общество, в котором доминируют культуры групп меньшинств	11	25	64
Общество, в котором все культуры имеют равную значимость (мультикультурное)	51	42	7
Многоязычное и многоконфессиональное общество	39	45	16
Общество, в котором установлена официальная религия	14	34	52
Общество, в котором политические, материальные и другие преимущества имеет титульная нация	13	27	61
Общество, в котором большинство соблюдает законы	52	43	6
Общество, в котором большинство следует нормам морали	46	40	9
Общество, в котором порядок обеспечивается силой государственного принуждения	13	55	32
Общество, в котором порядок обеспечивается гражданами	40	48	12
Общество, в котором постоянно проводятся реформы	19	52	29
Консервативное общество	17	46	36

На основании полученных данных можно описать следующий обобщённый образ ожидаемого «хорошего общества», сформированный среди будущих юристов и, по большому счёту, представляющий тот минимум макросоциальных параметров, которые требуются для достижения счастья. Базовыми его составляющими являются ориентация на справедливость, равенство возможностей, мультикультурность, многоязычность и многоконфессиональность, законность и активная позиция граждан в поддержании социального порядка.

Поскольку рассматриваемые индикаторы представляют собой проективный показатель, нами были составлены авторские индексы желательности в структуре социального воображаемого того или иного атрибута.

Для этого «плохому» обществу присвоен коэффициент 0,1, «хорошему» – 0,5, «лучшему» – 0,9. Индексы измеряются в пунктах и могут колебаться от 10 до 90. Чем выше значение индексов, тем выше желательность измеряемого ими критерия (см. рис. 1).

Рис. 1. Индексы желательности атрибутов социального воображаемого, пункты
 Figure 1. Desirability indexes for attributes of a supposed ideal society, items

Расположив рассматриваемые параметры по шкале «худшее общество – лучшее общество» мы получили получены индексы проективных социальных запросов на их воплощение. Наибольшую потребность респонденты испытывают в справедливости (здесь высокое значение имеют сразу

два индекса: 72,3 пункта – «общество, справедливое для всех» и 67,6 пункта – «общество равных возможностей») и законности (68,9 пункта). Если будет обеспечена достижимость справедливости для всех, равных возможностей и соблюдения законов большинством граждан, это повлечёт за собой рост уровня субъективного благополучия респондентов. Парадоксальным образом материальное благополучие отодвигается ими на второй или даже третий план (параметры, касающиеся материального благосостояния членов «хорошего общества», по значимости не превышают 50 пунктов: 40,8 пункта – «общество богатых людей» и 46,4 пункта – «общество, где обеспечивается минимальный уровень достатка»).

Несмотря на то, что ценность социальной справедливости не вызывает существенных разногласий среди респондентов, пути её достижения, по всей видимости, разнятся: в частности, индексы постоянно реформирующегося общества (46,0 пункта) и консервативного общества (41,9 пункта) сопоставимы по величине¹. При этом высокое значение имеют такие параметры, как мультикультурность (67,6 пункта), многонациональность и многоконфессиональность (59,2 пункта) и соблюдение большинством норм морали (62,3 пункта).

Примечательно, что контуры становления «хорошего общества» прослеживаются в нашей стране уже сейчас. Большая часть респондентов (62%) считают, что современную ситуацию пусть и нельзя назвать идеальной, но складывающиеся условия пригодны для жизни и способствуют соблюдению основных социальных норм. Каждый третий (31%) придерживается прямо противоположных взглядов, что обеспечивается преимущественно низкими оценками субъективного социального благополучия (см. таблицу 5). Относительно высокий уровень соответствия нашего общества представлениям о хорошем позволяет констатировать, что среди будущих российских юристов просматривается «горизонт ценностей», который в перспективе позволит им перешагнуть на следующую ступень пирамиды Маслоу [Maslow 1954]. Вполне очевидно, что опрошенные не являются специалистами в области философии или этики, чтобы свободно оперировать предлагаемой им терминологией, но тем ценнее представляются знания, «основанные на здравом смысле» [Бергер 2019: 43].

Таблица 5 (Table 5)

Соответствие современного российского общества определению «хорошее общество»
Modern Russian society's alignment with the definition of a "good society"

Вариант ответа	%
Полностью соответствует	12
Скорее соответствует	50
Скорее не соответствует	21
Не соответствует	10
Затрудняюсь ответить	7

¹ Подобный раскол относительно понимания справедливости фиксируется и в общероссийских исследованиях, выполненных под руководством специалистов ИС РАН [Российское ... 2017: 240]

Заключение

Проведённое исследование свидетельствует о том, что будущие российские юристы высоко оценивают уровень своего социального благополучия как в целом, так и в контексте его отдельных параметров (состояние здоровья и экологической ситуации, возможность личностного роста, материальный достаток, а также уровни свободы, доверия и толерантности). Однако, учитывая значительное количество тех, кто не уверен в своих ответах, в ближайшей перспективе возможны изменения социального воображаемого с далеко идущими последствиями. Наше исследование – это определённый срез, который позволяет только обозначить образы социального будущего в представлениях будущих российских юристов, но для детального исследования уровня удовлетворённости жизнью необходимы регулярные панельные (или хотя бы мониторинговые) замеры.

Тем не менее в контексте достижимых контуров социального будущего на первый план у респондентов выходят такие ценности и ориентиры, как справедливость, свобода, поддержание законности и порядка, гражданская инициатива, которые являются атрибутивными свойствами социального правового государства. С одной стороны, уход от простых вопросов усложняет интерпретацию полученных результатов, но, с другой стороны, изучение образов будущего позволяет абстрагироваться от ряда стереотипных представлений, например, о безусловном доминировании материального фактора над всеми остальными. В то же время полученные данные показывают, что спор о том, каким должно быть «хорошее общество», сегодня из области сугубо научного знания переносится в структуру повседневности, разделяя российское общество на условных либералов и коммуитаристов.

Срединный путь, который консолидировал бы и тех, и других, в ближайшей перспективе тяжело просматривается, несмотря на существующие попытки ценностного наполнения модели «хорошего общества» специфичными для нашей страны элементами. В частности, необходим реальный, а не декларируемый возврат в сферу политического идей гражданственности и общего блага, без реализации которых невозможны полноценное функционирование высокоорганизованных политических институтов и экономическое развитие [Бэнфилд 2019; Ивашковский 2017]. По большому счёту, требуется масштабное обсуждение того, куда нашей стране предстоит двигаться, которое бы затрагивало все без исключения социальные группы и позволило бы своевременно обновить и надстроить перечень базовых ценностей «хорошего общества» на ближайшую перспективу.

Библиографический список

Алимова О. В., Хизбуллина Р. Р. 2016. Особенности ценностных ориентаций и досуговой деятельности пенсионеров в современных условиях // Теория и практика современной науки. № 9 (15). С. 20–23.

Бауман З. 1994. Спор о постмодернизме // Социологический журнал. № 4. С. 69–80.

Бергер П. 2019. Священная завеса. Элементы социологической теории религии. М.: Новое литературное обозрение. 208 с.

Бэнфилд Э. 2019. Моральные основы отсталого общества. М.: Новое издательство. 216 с.

Выборы на фоне Крыма: электоральный цикл 2016–2018 гг. и перспективы политического транзита / Под ред. В. В. Фёдорова. М.: ВЦИОМ, 2018. 440 с.

Горшков М. К. 2019. Российская молодёжь: к истории и роли в современном обществе // Гуманитарий Юга России. Т. 8 (38). № 4. С. 16–25. DOI: <https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.1>

Готово ли российское общество к модернизации? / Под ред. М. К. Горшкова, Р. Крумма, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь Мир, 2010. 344 с.

Дворкин Р. 2004. О правах всерьёз. М.: РОССПЭН. 392 с.

Ефанов А. А. 2017. Эмотивно-морализаторский дискурс как технология конструирования моральных паник // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. № 3 (47). С. 88–93.

Ивашковский С. Н. 2017. Экономика как феномен культуры: теоретико-методологический анализ // Вестник МГИМО-Университета. № 3. С. 268–290. DOI: <https://doi.org/10.24833/2071-8160-2017-3-54-268-290>

Коваль Е. А. 2017. Модель современного российского «хорошего общества»: проблемы конструирования // Философия и общество. № 2. С. 40–51.

Коваль Е. А., Ушкин С. Г. 2018. Пути России в будущее: готово ли российское общество стать хорошим? // Социологические исследования. № 2. С. 136–145. DOI: <https://doi.org/10.7868/S0132162518020149>

Коваль Е. А., Ушкин С. Г. 2020. Будущее исследований будущего: от технократии к новым моделям социальности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Социология. Т. 20. № 1. С. 161–169. DOI: <https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-1-161-169>

Луков В. А. 2019. «Хорошее общество» и «цифровое общество» // Горизонты гуманитарного знания. № 3. С. 3–15. DOI: <https://doi.org/10.17805/ggz.2019.3.1>

Макинтайр А. 2000. После добродетели: Исследования теории морали. М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга. 384 с.

Осянин А. Н. 2019. Структура общественных настроений и ожиданий граждан как индикатор социального самочувствия: сравнительный анализ // Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки. № 2 (50). С. 130–140. DOI: <https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-2-13>

Ролз Дж. 1995. Теория справедливости. Новосибирск: Издательство Новосибирского университета. 535 с.

Романовский Н. В. 2015. Будущее как проблема современной социологии // Социологические исследования. № 11. С. 13–22.

- Российское общество и вызовы времени. Книга пятая / Под ред. М. К. Горшкова, В. В. Петухова. М.: Весь Мир, 2017. 427 с.
- Урри Дж. 2018. Как выглядит будущее? М.: Дело. 320 с.
- Федотова В. Г. 2005. Хорошее общество. М.: Прогресс–Традиция. 544 с.
- Фрейд З. 1992. Психоанализ. Религия. Культура / Пер. с нем., сост. и вступ. ст. А. М. Руткевича. М.: Ренессанс. 296 с.
- Bellah R. N., Madsen R., Tipton S. M., Sullivan W. M., Swidler A. 1992. *The Good Society*. NY: Vintage. 368 p.
- Durkheim E. 1982. *The Rules of Sociological Method*. N.Y., London, Toronto: Free Press. 272 p.
- Etzioni A. 2002. *The Good Society* // *Seattle Journal of Social Justice*. Vol. 1. № 1. P. 83–96.
- Galbraith J. K. 1997. *The Good Society: The Humane Agenda*. Boston, New York: Mariner Books. 152 p.
- Kenworthy L. 2017. Why the Surge in Income Inequality? // *Contemporary Sociology: A Journal of Reviews*. Vol. 46. № 1. Pp. 1–9. DOI: <https://doi.org/10.1177/0094306116681789>
- Lippmann W. 1937. *An Inquiry into the Principles of the Good Society*. Boston: Little, Brown & Co. 402 p.
- Maslow A. 1954. *Motivation and Personality*. New York: Harper & Brothers. 411 p.
- Sandel M. 1982. *Liberalism and the Limits of Justice*. Cambridge: Cambridge University Press. 252 p.

Статья поступила 17.02.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ушкин Сергей Геннадьевич, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник отдела мониторинга социальных процессов, Научный центр социально-экономического мониторинга, Саранск, Россия.

Коваль Екатерина Александровна, доктор философских наук, главный научный сотрудник отдела научных исследований, Средне-Волжский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Саранск, Россия.

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.661

The Future of Society According to Future Russian Lawyers

Sergey G. Ushkin

Scientific Center for Social and Economic Monitoring, Saransk, Russia

E-mail: ushkinsergey@gmail.com

ORCID ID: 0000000343176615

Ekaterina A. Koval

MidVolga Branch of the All-Russian State University of Justice (RLA of the Ministry of Justice of Russia), Saransk, Russia

E-mail: nwifesc@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0003-0069-5335

For citation: Ushkin S. G., Koval E. A. The future of society according to future Russian lawyers. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 28–42. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.661

Abstract. This article shows that studying the views of future Russian lawyers on the projective future of society is a relevant development, since this particular socio-professional group does not only put forward certain demands in regards to projective subjective social wellbeing, but also possesses the lawmaking potential necessary for the transformation and normative engineering of Russian society.

The article analyzes the results of the author's own research, conducted in 2016 in 12 cities of Russia (based on All-Russian State University of Justice and its subsidiaries). According to the author, the results of research in the field reveal a relatively high level of subjective wellbeing registered among the respondents, with their core values being justice, freedom, upholding law and order, public initiative.

In order to measure normative expectations, those surveyed were offered to characterize three models of a supposed society using an array of parameters: "the best society" (utopian), "a bad society" (dystopian) and "a good society" (one that's attainable and suitable for life and personal growth). As a result, certain projective requirement indexes were obtained for implementing these models in a future society. It came as somewhat of a surprise that, in spite of the widespread belief that the value orientations of modern youth have a "consumer" nature to them, material wellbeing turned out to be far from the most significant parameter. The highest values were shown by indexes which correlated with such virtues as justice, equality and lawfulness, which speaks to their considerable influence on the respondents' evaluation of their subjective wellbeing.

The authors also noticed a fundamental difference when it comes to future Russian lawyers' thoughts on the paths towards attaining justice. The indexes for a society constantly subject to reform and a conservative society were practically on the same level. This indirectly points to the existence of a deeply rooted divide when it comes to values, indicating that people are looking into the future with uncertainty, which is proven by a multitude of studies done by other authors.

Keywords: sociology, social future, social well-being, normativity expectations, «Good Society», projective social inquiry, justice

References

Alimova O.V., Khizbullina R.R. Features of Valuable Orientations and Leisure Activities of Pensioners in Modern Conditions. *Teoriya i praktika sovremennoy nauki = Theory and Practice of Modern Science*, 2016: 9 (15): 20–23 (In Russ.).

Bauman Z. Postmodern Controversy. *Sotsiologicheskii Zhurnal = Sociological Journal*, 1994: 4: 69–80 (In Russ.).

Bellah R.N., Madsen R., Tipton S.M., Sullivan W.M., Swidler A. *The Good Society*. N.Y., Vintage, 1992: 368.

Benfield E. *Moral Basis of a Backward Society*. Moscow, Novoe izdatel'stvo, 2019: 216 (In Russ.).

Berger P. *The Sacred Canopy: Elements of a Sociological Theory of Religion*. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie, 2019: 208 (In Russ.).

Durkheim E. *The Rules of Sociological Method*. New York; London; Toronto, Free Press, 1982: 272.

Dworkin R. Taking Rights Seriously. Moscow, ROSSPEN, 2004: 392 (In Russ.).

Efanov A.A. Emotive-moralistic Discourse as a Technology for Constructing Moral Panics. *Vestnik Nizhegorodskogo universiteta im. N.I. Lobachevskogo. Seriya: Sotsial'nye nauki = Vestnik of Lobachevsky State University of Nizhni Novgorod. Series: Social Science*, 2017: 3: 88–93 (In Russ.).

Elections against the Crimea Background the 2016–2018 Electoral Cycle and Prospects for Political Transit. Ed. by V.V. Fiodorov. Moscow, WCIOM publ., 2018: 440 (In Russ.).

Etzioni A. *The Good Society*. Seattle Journal of Social Justice, 2002: 1 (1): 83–96.

- Fedotova V.G. A Good Society. Moscow, Progress–Tradiciya, 2005: 544 (In Russ.).
- Freud S. Psychoanalysis. Religion. Culture. Moscow, Rennsant, 1992: 296 (In Russ.).
- Galbraith J.K. The Good Society: The Humane Agenda. Boston; New York, Mariner Books, 1997: 152.
- Gorshkov M.K. Russian Youth: to the History and Role in Modern Society. Gumanitariy Yuga Rossii = Humanities of the South of Russia, 2019: 4: 16–25 (In Russ.). DOI: [10.23683/2227-8656.2019.4.1](https://doi.org/10.23683/2227-8656.2019.4.1)
- Is Russian society ready for modernization? Ed. by M.K. Gorshkov, R. Krumm, V.V. Petukhov. Moscow, Ves' Mir, 2010: 344 (In Russ.).
- Ivashkovsky S.N. Economy as a phenomenon of culture: theoretical and methodological analysis. Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations, 2017: 3: 268–290 (In Russ.).
- Kenworthy L. Why the Surge in Income Inequality? Contemporary Sociology: A Journal of Reviews, 2017: 46 (1): 1–9. DOI: [10.1177/0094306116681789](https://doi.org/10.1177/0094306116681789)
- Koval E.A, Ushkin S.G. Future Research of the Future: from Technocracy to New Models of Sociality. Vestnik Rossiyskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Sotsiologiya = RUDN Journal of Sociology, 2020: 20 (1): 161–169. DOI: [10.22363/2313-2272-2020-20-1-161-169](https://doi.org/10.22363/2313-2272-2020-20-1-161-169) (In Russ.)
- Koval E.A, Ushkin S.G. Russia's Paths in the Future: is our Society Ready to become a «Good Society»? Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2018: 2: 136–145 (In Russ.)
- Koval E.A. Model of the Modern Russian «Good Society»: Construction Problems. Filosofija i Obschestvo = Philosophy and Society, 2017: 2: 40–51 (In Russ.)
- Lippmann W. An Inquiry into the Principles of the Good Society. Boston, Little, Brown & Co., 1937: 402.
- Lukov V.A. The «Good Society» and the «Digital Society». Gorizonty gumanitarnogo znaniya = The Horizons of Humanities Knowledge, 2019: 3: 3–15 (In Russ.). DOI: [10.17805/ggz.2019.3.1](https://doi.org/10.17805/ggz.2019.3.1)
- MacIntyre A. After Virtue: A Study in Moral Theory. Moscow, Akademicheskyy proekt; Ekaterinburg, Delovaya kniga, 2000: 384 (In Russ.).
- Maslow A. Motivation and Personality. New York, Harper & Brothers, 1954: 411.
- Osianin A.N. A Structure of Public Moods and Expectations of Citizens as an Indicator of Social Well-being: a Comparative Analysis. Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Povolzhskiy region. Obschestvennye nauki = University proceedings. Volga region. Social sciences, 2019: 2: 130–140 (In Russ.). DOI: [10.21685/2072-3016-2019-2-13](https://doi.org/10.21685/2072-3016-2019-2-13)
- Rawls J. A Theory of Justice. Novosibirsk, NSU publ., 1995: 535 (In Russ.)
- Romanovskiy N.V. Future as a Problem of Contemporary Sociology. Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies, 2015: 11: 13–22 (In Russ.).
- Russian society and challenges of the time. Book five. Ed. by M.K. Gorshkov, V.V. Petukhov. Moscow, Ves' Mir, 2017: 427 (In Russ.).
- Sandel M. Liberalism and the Limits of Justice. Cambridge, Cambridge University Press, 1992: 252.
- Urry J. What is the Future? Moscow, Delo, 2018: 320 (In Russ.)

The article was submitted on: February 17. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Ushkin Sergey Gennadievich, Candidate of Sociological Science,
 Leading Researcher of the Social Processes Monitoring Department of the Scientific
 Center of Social-Economic Monitoring State Institution, Saransk, Russia
 Koval Ekaterina Aleksandrovna, Doctor of Philosophical Science,
 Principal Researcher of the Research Department, Middle-Volga Institute –
 branch of All-Russian State University of Justice
 (RLA of the Ministry of Justice of Russia) in Saransk, Saransk, Russia

ТЕМА НОМЕРА

**СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ:
ОБРАЗОВАНИЕ И ОБРАЗ БУДУЩЕГО**

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.662

**Социально-гуманитарные профессии
в цифровом обществе:
восприятие и профессиональная адаптация
московских студентов**

Ссылка для цитирования: Пинчук А. Н., Кареева С. Г., Тихомиров Д. А. Социально-гуманитарные профессии в цифровом обществе: восприятие и профессиональная адаптация московских студентов // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3. С. 43–60. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.662

For citation: Pinchuk A. N., Kareeva S. G., Tikhomirov D. A. Social-humanitarian trades in a digital society: the perceptions and professional adaptation of Moscow's college students. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 43–60. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.662

**Пинчук
Антонина Николаевна**

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН;
Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

antonina.pinchuk27@bk.ru

AuthorID РИНЦ: [898003](#)**Кареева
Светлана Геннадьевна**

Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН,
Москва, Россия

SvetIran@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [717557](#)**Тихомиров
Дмитрий Андреевич**

Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова,
Москва, Россия

dat1983@yandex.ru

AuthorID РИНЦ: [560487](#)

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы развития социально-гуманитарных профессий в формирующемся «цифровом обществе» с точки зрения современных студентов, которым предстоит в ближайшее время трудоустроиться и, следовательно, адаптироваться к динамично меняющимся условиям на рынке труда. С опорой на материалы социологического исследования, проведённого авторами в 2019 г., показано, как воспринимают и оценивают студенты, осваивающие профессиональные социально-гуманитарные знания, роль и значимость своей профессии в цифровом мире, проанализированы их ожидания, опасения и способы профессиональной адаптации. Основой для анализа субъективных представлений послужили 26 полуструктурированных интервью с московскими студентами, осваивающими образовательные программы по социально-гуманитарным направлениям профессиональной подготовки. Респонденты признали, что мир стремительно меняется, и в цифровом обществе следует ожидать реструктуризации профессиональной сферы. Молодые люди полагают, что социально-гуманитарные профессии будут востребованы в будущем, но могут приобрести новое содержание в результате интенсивного освоения в профессиональных практиках цифровых технологий. Исследование позволило выявить представления обучающейся молодёжи о наиболее востребованных в цифровом обществе компетенциях специалистов социально-гуманитарного профиля. Первые позиции в выстраиваемой респондентами модели компетенций занимают когнитивные, коммуникативные и цифровые навыки. При этом студенты опасаются слишком завышенных требований работодателей к уровню цифровых компетенций выпускников гуманитарных вузов, с которыми, по их мнению, они могут столкнуться при трудоустройстве. Также в восприятии респондентов к востребованным характеристикам современных специалистов относятся адаптивность и способность постоянно учиться. Опрошенные студенты подчеркнули возрастающую роль профессиональной мобильности специалистов с социально-гуманитарным образованием, которые при необходимости могут переквалифицироваться в смежных направлениях профессиональной деятельности. Это отражается и на способах профессиональной адаптации респондентов, в которой сформированы ориентиры на непрерывное образование, связанное с переквалификацией, самостоятельным приобретением новых компетенций, усилением цифровой составляющей профессиональных знаний и навыков.

Ключевые слова: социология, социально-гуманитарные профессии, цифровые технологии, профессиональная адаптация, студенты

В последнее время зарубежные и отечественные учёные уделяют особое внимание освоению цифровых технологий в профессиональной деятельности человека, обсуждая автоматизацию рабочих мест [Autor 2015], возрастание роли цифровых компетенций, деструктурирующие и трансформирующие эффекты цифровизации в различных сферах занятости [Fossen, Sorgner 2019]. Широкое использование цифровых технологий влияет и на состояние социально-гуманитарных профессий. Как указывает профессор Р. Китчин, доступ к большим данным открывает новые горизонты развития социальных и гуманитарных наук, порождая дискуссии об эпистемологических основаниях обновлённых исследовательских практик социальных аналитиков и учёных [Китчин 2017: 119]. Трансформация данных и изменение методов их обработки и анализа углубляет цифровую составляющую современного социально-гуманитар-

ного образования, требуя высокого уровня владения математическими методами для профессионального использования цифровых инструментов [Дудина 2015]. Современные эксперты отмечают, что в контексте цифровых трансформаций владение продвинутыми цифровыми навыками становится востребованным в среде работников нетехнического профиля, для которых актуальны IT-инструменты и навыки программирования в целях автоматизации анализа материалов и прогнозирования [Что такое цифровая... 2019: 51].

Важно отметить, что перспективы развития социально-гуманитарных профессий в цифровом обществе приобретают особую смысловую нагрузку в контексте выстраивания реальных профессиональных ориентиров в жизненных стратегиях. Особое внимание следует уделить современной студенческой молодёжи, которой предстоит в ближайшее время трудоустроиться и адаптироваться к динамично меняющимся условиям общественной жизни. Вопрос в том, как воспринимают и оценивают современные студенты, осваивающие профессиональные социально-гуманитарные знания, роль и значимость своей профессии в цифровом мире? Какие опасения и ожидания у них возникают при осмыслении будущего трудоустройства? Осознают ли обучающиеся гуманитарных вузов необходимость оперативного и своевременного обновления цифровых компетенций на протяжении всей жизни? Какие образовательные практики воспроизводят в механизмах профессиональной адаптации? Нельзя не признать, что в таком исследовательском ракурсе на передний план выдвигаются социально сконструированные представления, артикулируемые в повседневном дискурсе. Проблема в том, что данные представления могут быть неоднозначными и отражать как положительное, так и отрицательное отношение к цифровым трансформациям в профессионально-трудовой сфере; более того, они могут в чём-то совпадать, а в чём-то не совпадать с социальными проектами, оформившимися в различных направлениях государственной политики. Всё это следует прояснить и своевременно проанализировать, особенно когда речь идёт о подготовке молодого поколения профессионалов, которым предстоит реализовывать себя в социально-трудовой сфере в ситуации неопределённости.

Цель настоящей статьи – выявить представления студентов вузов о роли и значимости социально-гуманитарных профессий в цифровом обществе, артикулировать их ожидания, опасения и способы профессиональной адаптации.

Цифровые трансформации в профессиональной сфере: ракурсы анализа

Цифровые трансформации в профессиональной сфере рассматриваются на фоне так называемой «четвёртой промышленной революции» (Industry 4.0), к которой привели фундаментальные изменения

систем производства, основанных на прорывных технологиях [Шваб 2019]. Основные тренды цифровизации на рынке труда прежде всего раскрываются в аспекте анализа уровня занятости и безработицы, которые могут существенно измениться в ходе автоматизации рабочих мест. Возникающие риски объясняют повышенный интерес учёных к колоссальным возможностям инновационных технологий на основе искусственного интеллекта, способных занять центральное место в профессиональных областях, относящихся к обрабатывающему производству, логистике, к сфере услуг, медицине, маркетинговой деятельности, к индустрии развлечений и финансовому сектору [Kergroach 2017].

Как видно, риски автоматизации становятся реальными не только для физического или ручного труда, где предполагаются опасные или рутинные операции. Под угрозой ликвидации оказываются многие виды деятельности, связанные с интеллектуальными задачами. Более того, с введением «новых технологий, влияющих на занятость», появляются идеи о постоянном сокращении человеческого участия в трудовой деятельности и расширении автоматизации и роботизации производственных систем вплоть до тотальной [Seidl da Fonseca 2017].

Однако предполагаемые сценарии об устаревании и исчезновении традиционных профессий в связи с интенсивным освоением новых технологий вызывают немало дискуссий. Так, особое внимание привлекает получивший в своё время широкое распространение прогноз, осуществлённый К.-Б. Фреем и М. Осборном, согласно которому 47% общей численности занятых в США подвергаются высокому риску компьютеризации [Frey, Osborne 2013]. Данный прогноз был в дальнейшем пересмотрен как зарубежными, так и отечественными авторами. В частности, М. Арнтц и её коллеги замечают, что автоматизации подвергаются не те или иные группы профессий, а некоторые трудовые функции. Исходя из этого, авторы показывают, что в ближайшие 10–20 лет, согласно усреднённой оценке по 21 стране, могут быть автоматизированы 9% рабочих мест, причём в каждой стране данный показатель варьируется в зависимости от экономического состояния [Arntz et al. 2016]. Как пишет Р. И. Капелюшников, «современный технологический прогресс ориентирован не столько на ликвидацию, сколько на реновацию рабочих мест» [Капелюшников 2017: 20].

Можно сказать, что неоднозначные оценки, алармистские теории технологической безработицы и их критика отражают сложность социально-экономических процессов и текущих изменений, которые сейчас чрезвычайно актуальны. Собственно, в российском контексте профессионально-трудовые трансформации оцениваются экспертами неоднозначно, что связано с состоянием экономики, социально-экономическими, демографическими и социокультурными особенностями страны [Россия 2025... 2017]. Но обсуждение данных вопросов не исчерпывается в поле научных дискуссий, а приобретает особую остроту в пространстве жизненных смыслов. Неизвестно, как воспринимается ситуация на рынке труда современными студентами, которым предстоит трудоустроиться

и работать в условиях неопределённости. В нашем исследовании рассматриваются представления студентов социально-гуманитарного профиля подготовки о различных профессиональных направлениях, которые могут появиться, исчезнуть, либо приобрести новое содержание в ближайшем будущем. Также анализируется мнение студентов о том, какие изменения могут затронуть социально-гуманитарные профессии в связи с распространением цифровых технологий.

Следующий важный аспект анализа цифровых трансформаций в профессиональной области относится к профессиональным компетенциям современных сотрудников. В экономическом плане артикулируется тесная связь между развитием производственных моделей и особенностями организации труда, требующими определённых профессиональных навыков и умений, что, как указывает И. Краузе, демонстрирует переход от фордизма к постфордизму и, наконец, к уберизации [Krause 2019]. Автор отмечает, что в условиях распространения концепции экономики совместного пользования, меняющей структуру производства, потребления и создания стоимости, формируются гибкие модели трудовой занятости, в частности, коворкинг. Для коворкинга характерны высокие требования к навыкам управления проектами, адаптивности работников, способности эффективно функционировать и выстраивать межкультурные коммуникации в командной работе, успешно трудиться в постоянно меняющихся рабочих группах. Тем самым необходимость адаптироваться в предельно сжатые сроки к краткосрочным профессионально-трудовым связям для выполнения проекта становится важной компетенцией на протяжении всей жизни человека [Krause 2019: 58].

Следует заметить, что компетентностный профиль специалистов цифровой экономики в достаточно развёрнутой форме представлен в докладе, подготовленном в 2019 г. ИСИЭЗ НИУ ВШЭ при участии Всемирного банка [Что такое цифровая... 2019]. В данном докладе прежде всего фиксируется рост спроса работодателей на работников с продвинутыми цифровыми навыками, владеющими IT-инструментами и языками программирования. Среди прочих значимых компетенций отмечаются «цифровая ловкость», владение навыками работы с большими данными и инструментами визуализации, системное мышление, развитый эмоциональный интеллект и, что характерно для интенсивно обновляющегося информационного пространства, способность непрерывно обучаться, а также успешно адаптироваться и функционировать в нестабильных ситуациях [Что такое цифровая... 2019: 51].

Близкий по характеристикам компетентностный профиль в контексте экономики знаний отражает модель компетенций, представленная компанией BCG (The Boston Consulting Group) [Россия 2025... 2017]. Предложенная модель включает в себя когнитивные, социально-поведенческие и цифровые навыки. Вместе с тем адаптивность и образование также определяются в приоритетах личностного и профессионального становления индивида, которому в течение всей жизни необходимо учиться и «адаптироваться к непрерывным, быстрым и неожиданным изменениям» [Россия 2025... 2017: 35]. Здесь возникают вопросы, тре-

бующие эмпирической проверки. Осознают ли современные студенты значимость рассмотренных выше компетенций? Входит ли в их представления о наиболее востребованных компетенциях умение адаптироваться к динамичной среде и постоянно учиться? В проведённом исследовании анализируется мнение респондентов о том, какие компетенции работников, занятых в социально-гуманитарной сфере, отвечают новым условиям цифрового общества.

Следует заметить, что оценка сложившейся ситуации на рынке труда и представление об актуальных требованиях работодателей к компетенциям современных специалистов создают особый контекст для восприятия своего положения в профессионально-трудовой сфере жизни. В этом аспекте привлекает внимание профессиональная адаптация современных студентов, способных воспроизводить различные модели адаптивного поведения во время обучения в вузе. В социологической литературе профессиональная адаптация на этапе получения формального образования остаётся, как правило, за рамками исследовательского интереса, в большей мере направленного на учебную адаптацию. Необходимо уточнить, что под профессиональной адаптацией подразумевается приспособление к профессиональным требованиям и нормам трудовой деятельности, приобщение к профессиональной роли, целям, ценностям и образцам поведения в осваиваемой профессиональной области, и начинается данный процесс с профессиональной подготовки в образовательных организациях [Безюлёва 2008].

В широком смысле профессиональная адаптация является частью социальной адаптации, артикулируемой в профессионально-трудовой сфере. Социальная адаптация – многосоставное и сложное явление, которое предполагает согласование требований и ожиданий участников социальных отношений, самооценки и притязаний индивида с возможностями их реализации в актуальных условиях социальной среды, освоение норм и ценностей среды, приспособление к выполнению роли, преобразование среды в ответ на новые требования и условия [Козырева 2004: 11–12]. С опорой на теории идеалистического подхода Л. В. Корель выделяет следующие стадии адаптивного процесса: констатация адаптивной ситуации, артикуляция пространства потенциальных адаптивных стратегий, выбор модели адаптивного поведения [Корель 2005: 67]. По мнению А. С. Готлиб, методологически корректно изучать процесс адаптации в актуальных на текущий момент условиях социальной реальности, которая воспринимается во всей её многоплановости, противоречивости и обусловленности культурным, историческим и прочими контекстами [Готлиб 2000: 8]. Тем самым в рамках изучения механизма адаптации следует особое внимание обратить на восприятие и понимание субъектом сложившихся условий в окружающем мире, что характеризует субъективную вовлечённость в адаптивную ситуацию, проанализировать самооценку индивидом собственных возможностей и доступных ресурсов в выборе способов адаптации. Здесь важно также учитывать усвоенные в процессе социализации нормы, ценностные ориентиры, релевантный адаптивный опыт [Пинчук 2020]. Достижение

адаптивных целей связывают с результативностью адаптации, но, как справедливо отмечает Л. В. Корель, «целесообразно использовать понятие «адаптивный механизм», когда имеет место приспособительный процесс, отвлекаясь при этом от конкретного исхода: адаптивного поражения (антиадаптации) или успеха» [Корель 2005: 260].

В теоретико-методологическом аспекте в профессиональной адаптации можно выделить субъективные показатели, которые выражаются в социальных представлениях и ценностно-ориентационном компоненте, а также поведенческие характеристики, которые раскрываются через адаптивные действия, воспроизводимые для удовлетворения адаптивной потребности. Применительно к области социально-трудовых отношений, восприятие состояния рынка труда, меняющихся профессиональных практик и требований служит контуром для артикуляции адаптивной ситуации в профессиональной среде. Механизм профессиональной адаптации активизируется, если возникает определённая адаптивная цель (допустим, освоить новые трудовые практики с применением цифровых технологий), и индивид, испытывая адаптивную потребность, использует доступные ему адаптивные ресурсы (например, повышая квалификацию посредством дополнительного образования). В этом случае ориентация на непрерывное образование рассматривается как стратегия активной профессиональной адаптации. В рамках проведённого исследования были сформулированы вопросы, направленные на анализ некоторых аспектов профессиональной адаптации в вузе. Но здесь следует учитывать ряд ограничений. В частности, аналитически конструируя концепт профессиональной адаптации, мы репрезентируем данное явление в рамках процесса профессионального развития, который длится всю жизнь, но приобретает те или иные характеристики в определённых ситуациях, условиях и времени. Так, профессиональная адаптация, протекающая в вузе, интегрирована в учебный процесс и в более широком контексте связана с учебной адаптацией к вузу, а профессиональная адаптация на рабочем месте сопряжена с адаптацией к организации, её нормам и коллективу. Углублённый анализ профессиональной адаптации, по существу, требует самостоятельного комплексного изучения. Мы же затрагиваем на уровне субъективных показателей отдельные аспекты, связанные с ориентацией на непрерывное образование, а на поведенческом уровне – с воспроизводством образовательных практик вне системы формального образования как стратегии активной профессиональной адаптации.

Итак, обозначив основные ракурсы анализа, перейдём к результатам исследования и содержательно раскроем ответы на вопросы, изложенные выше.

Дизайн и эмпирическая основа исследования

Социологическое исследование осуществлялось в рамках качественной стратегии. Исходя из того, что затрагивался обыденный уровень восприятия, выдвигалась задача проанализировать описание различных сторон профессиональной сферы жизни, выраженное своими словами,

что тем более важно при анализе ожиданий и опасений, когда следует зафиксировать субъективно значимые интерпретации социальной реальности и эмоциональную составляющую. Более того, изначально не было понимания, насколько хорошо информированы студенты о теме цифровых технологий в профессионально-трудовой сфере, поэтому ставилась задача зафиксировать актуальную картину мира, наполненную возможно смутными и нечёткими представлениями о затрагиваемой проблематике, либо, напротив, ясным пониманием сложившейся ситуации на рынке труда, обогащённым сведениями об актуальных трендах цифровизации.

На основе разработанного авторами инструментария было проведено 26 полуструктурированных интервью со студентами (6 юношей, 20 девушек) московского вуза¹, реализующего образовательные программы по социально-гуманитарным направлениям подготовки. Респонденты отбирались на основе целевой выборки. Фильтрующими показателями в формировании выборки выступили профиль получаемого образования (социально-гуманитарные направления подготовки), курс обучения (4 курс бакалавриата) и наличие опыта работы. Выбор студентов, обучающихся на последнем курсе бакалавриата, обусловлен активным периодом профессиональной адаптации, когда на начальных курсах обучения пройдены первые этапы учебной адаптации к вузу и коллективу, и на передний план выдвигается приспособление к профессиональным требованиям. Кроме того учитывался полученный студентами опыт учебной и практической деятельности в рамках освоения дисциплин по специальности, способствующий формированию представлений о целях, нормах, содержании и общих трендах развития выбранной профессиональной области, что важно при рассмотрении темы, связанной с цифровизацией профессионально-трудовых направлений. Также в этот период актуальна тема трудоустройства либо дальнейшего обучения в магистратуре, что может придавать особую ценность рефлексии по поводу будущих профессиональных ориентиров.

Следует отметить, что в исследовании приняли участие студенты, которые параллельно учёбе работают или уже имеют опыт работы, в частности, в таких отраслях, как финансы (3 человека), маркетинг (3 человека), продажи (2 человека) и подбор персонала (1 человек). Беседа с данной группой студентов позволила проанализировать определённые внешние и внутренние аспекты механизма профессиональной адаптации.

Гайд интервью включал три обширных тематических блока, посвящённых: 1) обсуждению трансформации различных профессий в цифровом обществе и анализу в этом контексте изменений социально-гуманитарных отраслей специализации; 2) выявлению наиболее востребованных

¹ В силу первоначально заявленной анонимности исследования название вуза не раскрывается. Безусловно, здесь следует учитывать специфику организации образовательного процесса в конкретном учебном заведении, что накладывает ограничения на обобщение результатов. Однако полученные данные позволяют отразить характеристики исследуемых явлений в ситуации обучения в вузе, реализующем образовательные программы социально-гуманитарного профиля, и сделать определённые выводы.

компетенций специалистов социально-гуманитарного профиля; 3) изучению образовательных практик в механизмах профессиональной адаптации респондентов.

Профессии в цифровом обществе: возникновение новых отраслей, исчезновение или трансформация?

Первый тематический блок интервью был направлен на обсуждение вопросов, связанных с изменением профессиональной структуры в ходе внедрения цифровых технологий в различные секторы экономики. Как отметили все опрошенные, сегодня общество и технологии стремительно развиваются, возникают и приобретают всё большую популярность новые профессии, характерные для цифровой экономики, однако какие конкретно это профессии, респонденты чаще всего затруднялись ответить. В основном говорилось о том, что будут распространяться профессии в сфере IT-индустрии. В единичных случаях упоминались профессии, связанные с SMM, блогерством, кибербезопасностью, «product manager», аналитики Big Data, digital-дизайнер.

В отличие от вопроса о возникновении новых специальностей, вопрос о возможном исчезновении определённых профессий вызвал более оживлённый отклик. Большинство информантов (20 человек) в первую очередь отметили рабочие профессии. Как пояснила одна из студенток: *«Сейчас появляются такие машины, которые без помощи рабочих могут выполнять их трудовые обязанности. А непосредственно сами рабочие могут переквалифицироваться, допустим, в тех, кто обслуживает эти аппараты. Мне кажется, что именно тех, кто работают руками, могут заменить машины»* (Светлана, 21 год, интервью № 20). Также опрошенные студенты считают, что высокому риску сокращения подвергаются бухгалтеры, операторы баз данных, специалисты в сфере продаж, которых заменят чат-боты. Кроме того, могут исчезнуть секретари, консультанты, *«потому что искусственный интеллект будет способен ответить на звонок по горячей линии и обработать обращение человека»* (Камилла, 21 год, интервью № 19).

Тем не менее трое информантов полагают, что профессии не исчезают, а приобретают новое содержание, меняя своё название. Показательно в этом аспекте следующее высказывание: *«Профессии скорее не исчезают, а разветвляются, становятся узконаправленными ... Они просто будут нести в себе немного другой смысл и функции исполнения»* (Ирина, 22 года, интервью № 16). Иными словами, специальности, которые давно существуют на рынке труда по-прежнему будут занимать характерную для них нишу, обновляясь в контексте интеграции в цифровую среду.

Стоит сказать, что респонденты с уверенностью отмечали, что в новых культурных и общественных условиях профессии, основанные на социально-гуманитарном знании, значительно изменятся и приобретут прикладной характер. Согласно мнению опрошенной моло-

дѣжи, в социально-гуманитарных профессиональных направлениях увеличится работа, направленная на аналитику данных, произойдѣт «переход на онлайн-платформы», значительно расширятся границы общения с людьми в рамках международных профессиональных сообществ.

На этом фоне проявляется достаточно оптимистичное отношение опрошенных студентов к востребованности менеджеров, политологов, лингвистов, социологов и других работников нетехнического профиля на рынке труда. Так, 15 информантов ссылались на то, что поиск смыслов, интерпретация данных, присущи только человеку, поэтому от профессий, связанных со взаимодействием с людьми, отказаться нельзя, тем более когда требуется осмысление социально-культурных процессов и общественных проблем, чем может заниматься только специалист с соответствующим образованием. Некоторые респонденты полагают, что специалисты социально-гуманитарного профиля будут достаточно востребованы, так как они могут работать в разных, порой смежных ответвлениях, например, в маркетинге, HR и политике. Однако одна из девушек указала на то, что сегодня *«рынок перенасыщен «мультиспециалистами», и чтобы стать востребованным, нужно освоить правовое поле, знать пару языков и основы программирования, а это уже те навыки, которыми не каждый практикующий специалист может похвастаться»* (Дарья, 21 год, интервью № 1). Это демонстрирует возможные сложности, с которыми могут столкнуться молодые люди на рынке труда.

Компетенции специалистов социально-гуманитарного профиля в цифровом обществе

Внешние условия профессиональной адаптации молодых специалистов во многом опосредуют требования работодателей к профессиональным знаниям и навыкам выпускников современных гуманитарных вузов. В то же время ожидания и представления молодых людей о том, какие компетенции будут наиболее востребованы в современном мире, также играют определённую роль, и далеко не последнюю, когда речь идёт о выстраивании жизненных ориентиров на профессиональном поприще. Это побудило изучить мнение участников исследования о наиболее значимых компетенциях специалистов социально-гуманитарного профиля в цифровом обществе.

В ходе интервью чаще всего опрошенные подчёркивали конкурентоспособное преимущество тех сотрудников, которые обладают креативным мышлением, аналитическим складом ума, умеют выстраивать прогнозные модели, собирать информацию, обрабатывать и интерпретировать данные. Как отметило двое информантов, у человека, получающего образование в области общественных наук, должно быть развито воображение в гуманитарном и общественном плане. Эти и подобные характеристики в обобщённом варианте были отнесены к когнитивным навыкам.

Некоторые опрошенные студенты прежде всего говорили о значимости коммуникативных навыков, а в некоторых случаях придавали им решающее значение. Умение работать в группе, общительность, сотрудничество воспринимаются как неотъемлемые характеристики профессионализма людей, которые трудятся в социально-гуманитарных отраслях.

Довольно часто студенты акцентировали цифровые навыки специалистов социально-гуманитарного профиля подготовки, которые должны уметь работать с цифровыми и различными статистическими программами, IT-системами, знать языки программирования (Python, R и др.).

В высказываниях респондентов также упоминались гибкость, адаптивность, умение работать в изменяющихся условиях. Причём данные компетенции, которые получили общее название «адаптивность», воспринимаются в расширенном контексте, вне зависимости от направления специальности: *«Я считаю, что сегодня умение быстро реагировать на изменчивость среды – это самое важное качество профессионала в любой сфере»* (Ольга, 21 год, интервью № 14).

Нередко юноши и девушки указывали на стремление к саморазвитию и обновлению знаний. Актуализацию идеи непрерывного образования иллюстрирует следующая цитата: *«Важно умение переобучаться. Сегодня будут выпускаться люди, которые все-таки привыкли к этому ритму и понимают этот тренд обучения через всю жизнь»* (Надежда, 21 год, интервью № 4).

Некоторые участники интервью выделяли личностные характеристики: ответственность, умение взять себя в руки в определённой стрессовой ситуации, дисциплинированность. Помимо этого в транскриптах встречались ссылки на лидерские качества. В обобщённом виде модель компетенций специалистов с социально-гуманитарным образованием представлена на рисунке 1.

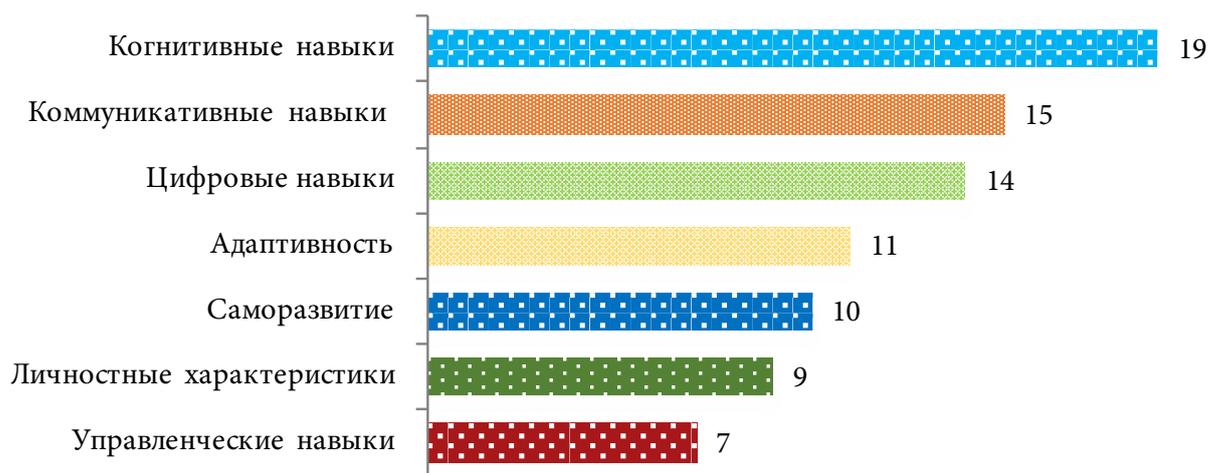

Рис. 1. Компетенции специалистов социально-гуманитарного профиля, количество упоминаний

Figure 1. Competencies of specialists in the socio-humanitarian field, number of references

В ходе интервью были выявлены определённые опасения, связанные с повышенными требованиями работодателей к уровню цифровых компетенций выпускников гуманитарных вузов. Практически все респон-

денты (24 человека), говоря о потенциальных сложностях с трудоустройством по специальности, указывали на слишком завышенные требования работодателей к цифровым навыкам соискателей на вакантные должности.

Другую проблему респонденты видят в том, что у студентов данного профиля гуманитарный склад ума, поэтому им трудно осваивать технические знания, столь востребованные сегодня: *«Люди с гуманитарным складом ума предпочитают историю, литературу, им легко даются иностранные языки. Но они плохо справляются с решением логических задач или уравнений, поэтому я уверена, что сложнее всего работать в IT, заниматься статистикой, работать с большим количеством цифр, в которых гуманитарии просто теряются»* (Анна, 21 год, интервью № 11).

Некоторые молодые люди опасаются остаться невостребованными из-за недостаточного времени для освоения цифровых компетенций. Одна из студенток подчеркнула, что *«временной промежуток усвоения знаний о различных цифровых технологиях у гуманитариев больше, поэтому они могут отставать от других специалистов и не успеют занять высокие должности»* (Анастасия, 22 года, интервью № 25).

В этом плане возникает интерес к особенностям профессиональной адаптации студентов вузов, которая преимущественно направляется и реализуется в рамках формально организованного образовательного процесса, однако не ограничивается только им.

Образовательные практики в способах профессиональной адаптации студентов

В условиях интенсивного развития различных направлений дополнительного образования (ДПО), расширения открытых образовательных онлайн-платформ увеличивается вариативность способов профессиональной адаптации современной обучающейся молодёжи. Так, нынешние студенты могут параллельно учёбе в вузе осваивать программы ДПО либо заниматься самообразованием, чтобы приспособиться к профессиональным требованиям. Как было показано ранее, респонденты признают, что профессии меняются, и современные специалисты должны быть «достаточно открытыми» для освоения новых технологий, быстро реагировать и адаптироваться к динамично меняющемуся контексту социально-профессиональной среды. Характер взаимодействия субъекта с социальной средой может быть разным, что актуально и для нынешних студентов, которые могут испытывать адаптивную потребность в приспособлении к меняющимся условиям рынка труда.

Следует напомнить, что тематический блок, посвящённый профессиональной адаптации, обсуждался со студентами, которые параллельно учёбе работают сейчас либо работали ранее. Беседа с данной группой информантов позволила реконструировать индивидуальные смыслы с опорой на опыт реальных социально-трудовых отношений и изучить способы адаптивного поведения молодёжи с использованием доступных образовательных ресурсов.

Сначала отметим, что все студенты, которые уже получили опыт работы, демонстрируют ориентиры на модель непрерывного образования в механизмах профессиональной адаптации. Ярким примером тому послужит следующий отрывок из интервью: *«Я уже сейчас получила большой опыт работы в крупной компании и знаю, какими компетенциями необходимо обладать, чтобы заинтересовать работодателя. В целом уровень профессиональной подготовки в вузе, я бы сказала, очень высок, однако я уверена, что в ближайшие 5 лет придётся освоить курсы повышения квалификации, чтобы мои знания постоянно обновлялись»* (Мария, 21 год, интервью № 18).

Для опрошенных студентов важно постоянно учиться, чтобы оставаться востребованным специалистом, иметь возможность получать высокую заработную плату, повышать конкурентоспособность на рынке труда, что в расширенном контексте артикулирует различные аспекты адаптации в социально-трудовой сфере. По словам одного из информантов, *«сегодня высока конкуренция при поиске работы, даже когда ты приходишь на собеседование, есть люди, которые потенциально лучше тебя, хотя ты думал, что скорее всего тебя возьмут на эту работу»* (Александр, 21 год, интервью № 7).

Транскрипты интервью показывают сформированные ориентиры на получение знаний и навыков в различных видах обучения. Несколько раз студенты ссылались на самообразование посредством онлайн-курсов в качестве источника профессиональных знаний. В этом случае самообразование становится значимым адаптивным ресурсом: *«В вузе обучают очень хорошо, но никогда не нужно останавливаться. Как я уже говорила, в интернете есть много ресурсов для дополнительного образования и развития»* (Елена, 20 лет, интервью № 24).

К дополнительному образованию обращаются не так часто, однако оно играет существенную роль в способах профессиональной адаптации: *«Я сейчас получаю дополнительное образование по специальности, связанной с цифровой экономикой, поэтому осваиваю новые компетенции для себя, о которых говорила ранее, то есть: понимание цифровых технологий, как это всё работает изнутри, изучение языков программирования. Я думаю, что у меня есть шанс быть востребованной на рынке труда»* (Юлия, 21 год, интервью № 10).

Иногда дополнительное образование рассматривается как «запасной вариант», который позволяет лучше приспособиться к новым условиям: *«Если моя специальность окажется невостребованной на рынке труда, то переквалифицируюсь. Хотя я уже закончила программу ДПО и думаю, что начала бы двигаться в этом направлении. Собственно, за этим я туда и пошла. Как говорится, всегда должен быть запасной аэропорт»* (София, 21 год, интервью № 9).

В целом информанты демонстрируют ориентиры на активную модель профессиональной адаптации и не исключают возможности переквалификации, получения второго высшего образования, поиска себя в новой сфере, чтобы «оставаться на плаву». В этом плане особую роль играет многопрофильность социально-гуманитарного образования, что, по мнению опрошенной молодёжи, позволяет развиваться в смежных профессиональных

направлениях: *«В принципе постоянно нужно осваивать что-то новое и не обязательно при этом отказываться от предыдущего опыта, можно совмещать развитие в различных областях»* (Татьяна, 20 лет, интервью № 12).

Заключение

В контексте обсуждения цифровизации различных сфер занятости привлекает внимание мнение молодёжи, обучающейся по социально-гуманитарным направлениям подготовки, о развитии их профессиональной сферы деятельности. Судя по данным проведённых интервью, респонденты признают, что сегодня возникают и приобретают всё большую популярность новые профессии, характерные для цифровой экономики, однако фиксируется слабая осведомлённость о конкретных их видах. В то же время, по мнению опрошенных, в контексте цифровизации могут исчезнуть рабочие профессии, а также такие специальности, как бухгалтеры, операторы баз данных, секретари, консультанты. Между тем информанты достаточно оптимистично оценивают роль и значимость социально-гуманитарных профессий в цифровом обществе. По их мнению, от профессий, связанных со взаимодействием с людьми, отказаться нельзя, и они будут востребованы в будущем, хотя некоторые профессиональные возможности могут модифицироваться в ходе освоения технологических новшеств.

В результате анализа материалов интервью были выделены наиболее важные компетенции специалистов социально-гуманитарного профиля. К ним в первую очередь относятся когнитивные, коммуникативные и цифровые навыки. Также в представлении респондентов не менее значимы адаптивность и саморазвитие в рамках непрерывного образования, что свидетельствует о понимании возрастающей роли гибких и адаптивных профессиональных ориентиров в современном мире. Надо заметить, что данные ожидания студентов отвечают актуальным трендам, на которые указывают эксперты. Согласно их оценкам, сегодня трансформируется само понятие профессии, так как набор компетенций, которыми должен обладать современный работник, получивший профессиональную подготовку в определённой области, перестаёт быть фиксированным и статичным, профили компетенций превращаются в «динамические портфели» [Что такое цифровая... 2019]. Опрошенные студенты подчёркивают мобильность профессиональных траекторий, которые могут меняться в течение жизни, что сопряжено с переквалификацией, приобретением новых компетенций, усилением цифровой составляющей профессиональных знаний и навыков. Это отражается и на способах профессиональной адаптации респондентов, в которой, как показало исследование, сформированы ориентиры на непрерывное образование.

Представленные в работе результаты имеют свои ограничения, но в то же время могут служить основой для изучения профессиональной адаптации как особого социокультурного феномена. В частности, необходимы данные, которые позволят ответить на вопросы о проблемах и механизмах профессиональной адаптации молодых специалистов соци-

ально-гуманитарного профиля, когда они выйдут на рынок труда и могут столкнуться с различными трудностями в динамично меняющихся условиях современной реальности.

Библиографический список

Безюлёва Г. В. 2008. Психолого-педагогическое сопровождение профессиональной адаптации учащихся и студентов. М.: НОУ ВПО Московский психолого-социальный институт. 320 с.

Готлиб А. С. 2000. Социально-экономическая адаптация россиян: опыт сочетания количественной и качественной методологии в одном отдельно взятом исследовании // Социология: методология, методы, математическое моделирование (4М). № 12. С. 5–24.

Дудина В. И. 2015. Социологическое знание в контексте развития информационных технологий // Социологические исследования. № 6. С. 13–22.

Капелюшников Р. И. 2017. Технологический прогресс – пожиратель рабочих мест? М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 39 с.

Китчин Р. 2017. Большие данные, новые эпистемологии и смена парадигм // Социология: методология, методы, математическое моделирование (Социология 4М). № 44. С. 111–152.

Козырева П. М. 2004. Процессы адаптации и эволюция социального самочувствия россиян на рубеже XX–XXI веков. М.: Центр общечеловеческих ценностей. 320 с.

Корель Л. В. 2005. Социология адаптаций: Вопросы теории, методологии и методики. Новосибирск: Наука. 424 с.

Пинчук А. Н. 2020. Образовательные практики в механизмах адаптации к цифровым трансформациям: концептуальные идеи и методологические подходы // Горизонты гуманитарного знания. № 1. С. 95–114. URL: <http://journals.mosgu.ru/ggz/article/view/1165> DOI: [10.17805/ggz.2020.1.7](https://doi.org/10.17805/ggz.2020.1.7) (Дата посещения: 29.06.2020).

Россия 2025: от кадров к талантам. 2017 // The Boston Consulting Group. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/perspectives/188095> (Дата посещения: 29.06.2020).

Что такое цифровая экономика? Тренды, компетенции, измерение: доклад. // XX Апрельская междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества, Москва, 9–12 апр. 2019 г. / Г. И. Абдрахманова, К. О. Вишневецкий, Л. М. Гохберг и др. М.: Изд. дом Высшей школы экономики. 82, [2]. С. 1–82.

Шваб К. 2019. Четвертая промышленная революция. М.: Эксмо. 288 с.

Arntz M., Gregory T., Zierahn U. 2016. The Risk of Automation for Jobs in OECD Countries: A Comparative Analysis, OECD Social, Employment and Migration Working Papers. No 189. Paris. OECD Publishing. <http://dx.doi.org/10.1787/5j1z9h56dvq7-en>

Autor D. H. 2015. Why Are There Still So Many Jobs? The History and Future of Work-place Automation // Journal of Economic Perspectives. Vol. 29. no. 3. pp. 3–30. doi=10.1257/jep.29.3.3

Fossen F., Sorgner A. 2019. Mapping the Future of Occupations: Transformative and Destructive Effects of New Digital Technologies on Jobs. Foresight and STI Governance. Vol. 13. No 2. P. 10–18. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.10.18.

Frey C. B., Osborne M. A. 2013. The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation? // Oxford, UK: University of Oxford. URL: https://www.oxfordmartin.ox.ac.uk/downloads/academic/The_Future_of_Employment.pdf (Дата посещения: 29.06.2020).

Kergroach S. 2017. Industry 4.0: New Challenges and Opportunities for the Labour Market. Foresight and STI Governance // Vol. 11. No 4. pp. 6–8. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.4.6.8

Krause I. 2019. Coworking Space: A Window to the Future of Work? // Foresight and STI Governance. Vol. 13. No 2. P. 52–60. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.52.60

Seidl da Fonseca R. 2017. The Future of Employment: Evaluating the Impact of STI Foresight Exercises // Foresight and STI Governance. Vol. 11. No 4. P. 9–22. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.4.9.22.

Статья поступила: 29.08.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Пинчук Антонина Николаевна, кандидат социологических наук, научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН; ассистент кафедры политологии и социологии, РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

Кареева Светлана Геннадьевна, кандидат социологических наук, ведущий научный сотрудник, Институт социально-политических исследований ФНИСЦ РАН, Москва, Россия

Тихомиров Дмитрий Андреевич, кандидат социологических наук, доцент кафедры политологии и социологии, РЭУ им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.662

Social-Humanitarian Trades in a Digital Society: The Perceptions and Professional Adaptation of Moscow's College Students

Antonina N. Pinchuk

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS; Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

E-mail: antonina.pinchuk27@bk.ru

ORCID ID: 0000-0001-7842-7141

Svetlana G. Kareeva

Institute of Socio-Political Research of FCTAS RAS, Moscow, Russia

E-mail: Svetlran@inbox.ru

ORCID ID: 0000-0002-0472-0924

Dmitry A. Tikhomirov

Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

E-mail: dat1983@yandex.ru

ORCID ID: 0000-0002-1872-6788

For citation: Pinchuk A. N., Karepova S. G., Tikhomirov D. A. Social-humanitarian trades in a digital society: the perceptions and professional adaptation of Moscow's college students. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 43–60. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.662

Abstract. This article examines matters associated with social-humanitarian professions in the emerging “digital society” as regarded by current college students, who are slated to look for jobs in the near future and, consequently, to adapt to swiftly changing conditions on the labor market. Based on material from a sociological study conducted by the authors in 2019, it is shown how students who are absorbing professional social-humanitarian knowledge perceive and assess the role and significance of their own profession in a digital world, with their expectations, apprehensions and methods of social adaptation being subject to analysis. The basis for analyzing subjective representations was 26 semi-structured interviews with Moscow students mastering educational programs of social-humanitarian professional training orientation. The respondents admitted that the world is quickly changing, and that in a digital society we should expect a restructuring of the professional realm. Young people assume that social-humanitarian professions will be in demand in the future, though they could gain new substance as a result of the extensive adoption of digital technologies in professional practices. The study allowed for determining young students' views on what sort of competences will be the most demanded of specialists in the social-humanitarian field once we build a digital society.

Within the model of competencies formulated by the respondents, the highest ranking turned out to be skills of the cognitive, communicative and digital variety. However, students are concerned with potentially excessive demands for qualification on behalf of employers when it comes to the “digital” competencies of humanitarian college graduates. According to respondents, encountering such demands will be the most serious risk when the time comes to find a job. Also, in the minds of respondents, the traits required of modern specialists also include adaptability and the ability to continuously learn. Surveyed students emphasized the growing role of professional mobility among specialists with a social-humanitarian education, with them having to be able to attain qualification in neighboring professional fields if the situation calls for it. This affects the means of respondents' professional adaptation, within which guidelines are shaped for continuous education, which is in turn linked to retraining, and independently attaining new competencies, reinforcing the digital component of one's professional knowledge and skills.

Keywords: social and liberal professions, digital technology, vocational adaptation, students

References

Abdrakhmanova G.I., Vishnevsky K.O., Gohberg L. M. and oth. What is The Gigital Economy? Trends, Competencies, Measurement. Moscow, NRU HSE publ., 2019: 82 (In Russ.).

Arntz M., Gregory T., Zierahn U. The Risk of Automation for Jobs in OECD Countries: A Comparative Analysis, OECD Social, Employment and Migration Working Papers. Paris, OECD publ., 2016: 189. DOI: [10.1787/5j1z9h56dvq7-en](https://doi.org/10.1787/5j1z9h56dvq7-en)

Autor D.H. Why Are There Still So Many Jobs? The History and Future of Work-place Automation. *Journal of Economic Perspectives*, 2015: vol. 29: 3: 3–30. DOI: 10.1257/jep.29.3.3

Beziuliova G.V. Psychological and pedagogical support of professional adaptation of students. Moscow, MPSU publ., 2008: 320 (In Russ.).

Dudina V.I. Sociological knowledge in the context of information technology development. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2015: 6: 13–22 (In Russ.).

Fossen F., Sorgner A. Mapping the Future of Occupations: Transformative and Destructive Effects of New Digital Technologies on Jobs. *Foresight and STI Governance*. 2019: vol. 13: 2: 10–18. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.10.18.

Frey C.B., Osborne M.A. *The Future of Employment: How Susceptible are Jobs to Computerisation?* University of Oxford publ., 2013.

Gothlieb A.S. Sotsio-economic adaptation of Russians: experience of combining quantitative and qualitative methodology in a single study. *Sotsiologija 4M: metodologija, metody, matematicheskoe modelirovanie = Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling*, 2000: 12: 5–24 (In Russ.).

Kapeliushnikov R.I. Technological Progress – Is It a Job Eater? Moscow, NRU HSE publ., 2017: 39 (In Russ.).

Kergroach S. Industry 4.0: New Challenges and Opportunities for the Labour Market. Foresight and STI Governance, 2017: vol. 11: 4: 6–8. DOI: 10.17323/2500-2597.2017.4.6.8

Kitchin R. Big Data, new epistemologies and paradigm shifts. Sotsiologija 4M: metodologija, metody, matematicheskoe modelirovanie = Sociology: Methodology, Methods, Mathematical Modeling, 2017: 44: 111–152 (In Russ.).

Korel L.V. Sociology of adaptations: Questions of theory, methodology and methodology. Novosibirsk, Nauka, 2005: 424 (In Russ.).

Kozyreva P.M. Adaptation processes and evolution of social well-being of Russians at the turn of the XX-XXI centuries. Moscow, Human Values Center, 2004: 320 (In Russ.).

Krause I. Coworking Space: A Window to the Future of Work? Foresight and STI Governance, 2019: vol. 13: 2: 52–60. DOI: 10.17323/2500-2597.2019.2.52.60

Pinchuk A.N. Educational Practices in Mechanisms of Adaptation to Digital Transformations: Conceptual Ideas and Methodological Approaches. Gorizonty gumanitarnogo znaniya = Horizons of humanities knowledge, 2020: 1: 95–114 (In Russ.). DOI: 10.17805/ggz.2020.1.7

Russia 2025: From Cadres to Talents (Analytical Report). 2017. The Boston Consulting Group Official website. URL: <https://www.bcg.com/ru-ru/perspectives/188095> [accessed: 29.06.20] (In Russ.).

Schwab K. The Fourth Industrial Revolution. Moscow, Exmo, 2019: 288 (In Russ.).

Seidl da Fonseca R. The Future of Employment: Evaluating the Impact of STI Foresight Exercises. Foresight and STI Governance, 2017: vol. 11: 4: 9–22. DOI: 10.17323/1995-459X.2016.4.9.22.

The article was submitted on: July 29, 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Pinchuk Antonina Nikolaevna, Candidate of Sociological Science, Research Associate, Institute of Socio-Political Research of Theoretical & Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences; assistant lecturer, Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

Karepova Svetlana Gennadievna, Candidate of Sociological Science, Leading Research Associate, Institute of Socio-Political Research of Theoretical & Applied Sociology of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

Tikhomirov Dmitry Andreevich, Candidate of Sociological Science, Associate Professor, Department of Political Science and Sociology, Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia

ТЕМА НОМЕРА

СОЦИОЛОГИЯ МОЛОДЁЖИ: ОБРАЗОВАНИЕ И ОБРАЗ БУДУЩЕГО

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.663

Производственная практика в университете как стратегия трудоустройства молодёжи

Ссылка для цитирования: Бирюкова А. В. Производственная практика в университете как стратегия трудоустройства молодёжи // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3. С. 61–77. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.663

For citation: Biryukova A. V. Practical training in universities as a strategy for employing youth. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 61–77. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.663

Бирюкова Алла Владимировна

Санкт-Петербургский государственный университет
гражданской авиации, Санкт-Петербург, Россия

allabir07@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: [625013](#)

Аннотация. В статье представлены результаты исследования вовлечения студенческой молодёжи в производственную практику как способа дальнейшего трудоустройства. Автор опирается на работы российских социологов, анализирующих проблемы трудоустройства, стратегии поиска работы, образовательные траектории молодёжи. Цель статьи заключается в рассмотрении процессов прохождения производственной практики студентами, выявлении ожиданий от практики, трудностей при взаимодействии с работодателями, а также в формулировании методических рекомендаций для организации производственной практики в вузе.

С целью изучения мнения студентов об особенностях прохождения производственной практики было проведено два этапа интервью. Всего было опрошено 43 студента. Первый этап интервью состоялся в 2018 г. до прохождения практики, в котором было выявлено, что респонденты ожидают от практики обучения и трудоустройства. Второй этап интервью был осуществлён после прохождения производственной практики в 2019 г. Автором было установлено, что требования студентов возросли, они ожидают от практики обучения новым навыкам, внимания со стороны работодателей, а также материального вознаграждения. В ходе интервьюирования были выявлены следующие стратегии: трудоустройство, образовательная, карьерная, компенсационная, личностного развития, стратегия ожидания; в два блока стратегий прохождения производственной практики объединены активная и пассивная стратегии. Студенты высказались о тех трудностях, с которыми они столкнулись в период прохождения практики, связанных с недостаточным вниманием и заинтересованностью со стороны работодателей. По мнению студентов, для работодателей характерна низкая степень заинтересованности, а их внимание выражается лишь в контроле посещаемости, строгом выполнении обязанностей, которые они поручают студентам.

В статье также рассматривается зарубежный опыт решения проблемы, выражающийся в идее платы работодателям за трудоустройство молодых. В российских вузах работодателей приглашают на работу в университеты, оплата производится за обучение студентов. Автор рекомендует приглашать работодателей в вуз для проведения мастер-классов и организации производственной практики студентов с учётом специфики отрасли, мотивируя и заинтересовывая потенциальных работодателей финансово. Также предлагается проводить семинарские занятия, подготавливая молодёжь к прохождению собеседования, формированию резюме, портфолио для будущего трудоустройства. Таким образом, по мнению автора, производственная практика будет способствовать не только будущему трудоустройству, но и освоению компетенций, социализации, развитию личности, конкурентоспособности и приобщению молодёжи к труду.

Ключевые слова: производственная практика, трудоустройство, образование, стратегии трудоустройства, экономика внимания, студенческая молодёжь

Трудоустройство молодёжи является одним из важных показателей эффективной работы системы высшего образования, направленной на формирование необходимых компетенций, способствующих адаптации молодёжи на рынке труда для обеспечения её благосостояния и самореализации в будущем. Значительная часть научных работ социологов и экономистов раскрывает проблемы трудоустройства выпускников вузов, но меньшее внимание уделяется прохождению ими различных видов практики, которая является важным элементом обучения студентов. На практике студенты знакомятся с организацией, осваивают основные трудовые функции, получают определённый опыт работы. Целью статьи является выявление основных предпочтений и ожиданий студентов при прохождении производственной практики, а также рассмотрение некоторых трудностей, возникающих в её организации. Большинство просмотренных автором работ показывает различные модели проведения практики, такие как организация кафедры на базе профильного предприятия, проведение практики в форме стажировок, написание и защита проектов по месту проведения практики, открытие лабораторий на производстве и т. д.

В данной статье будет рассмотрена система взаимодействия университета с работодателями, а также стратегии, лежащие в основе поведения студентов Гуманитарного факультета Санкт-Петербургского Государственного университета гражданской авиации (ГУГА) по направлению подготовки «Сервис». Студенты в абсолютном большинстве ориентированы нахождение практики, так как связывают её с дальнейшим трудоустройством. Особенностью сервисного профиля в университете является то, что все студенты учатся на коммерческой основе, ведущим мотивом при поступлении является интерес к профессии, основная мечта – работа в аэропорту и на воздушном судне. При поступлении в вуз абитуриенты рассчитывают в будущем работать в аэропорту, но из-за высокой конкуренции не все могут пройти отбор и оказаться на практике, а затем и на желаемой работе в силу различных причин.

Рассмотрим особенности прохождения практики обучающимися, сформируем основные направления ожиданий и предпочтений молодёжи, а также разработаем ряд предложений и рекомендаций, направленных на совершенствование системы организации производственной практики в университете с целью будущего трудоустройства.

Изучению процесса трудоустройства молодёжи посвящены многочисленные работы отечественных авторов. Так, Г. А. Чередниченко проанализировала процессы первого трудоустройства молодёжи и проблемы, связанные с её занятостью, показатели эффективности подготовки и использования кадров на рынке труда, каналы трудоустройства [Чередниченко 2019]. А. Л. Темницкий, применяя социокультурный подход, исследовал проблему самостоятельности в организации трудовой деятельности [Темницкий 2019]. Самостоятельность является ключевой ценностью при прохождении практики и последующем устройстве на работу.

Е. Я. Варшавская на материалах социологического исследования выявила стратегии трудоустройства, позволяющие достижению эффективного поиска места работы. Так, одной из ведущих стратегий является трудоустройство с помощью образовательных организаций (71,7%), которая обеспечивает самый прямой путь в поиске работы и максимальные показатели вертикального и горизонтального соответствия [Варшавская 2019: 62]. Ю. А. Зубок и В. И. Чупров исследовали ценности молодёжи, их проявление в культурном пространстве по мере её взросления. Около 42,2% молодых людей смысл жизни видят в спокойной, безбедной жизни. Авторы связывают подобное суждение с реализацией гедонистических установок [Зубок, Чупров 2019: 6]. В сознании молодёжи выстраивается следующая логика: чтобы жить безбедной жизнью, нужно работать, но для этого требуется образование, прохождение практики в интересующей организации, чтобы было интересно, интерактивно и приносило пользу. В. И. Ильин проанализировал поведение на рынке труда некоторой части молодёжи, обосновав модель молодёжного образа жизни как «социальный сёрфинг» [Ильин 2019: 28]. Молодым сёрферам свойственно покорение рынка труда посредством частой смены рабочих мест, смены трудовой деятельности и трудовых функций. В нашем исследовании также были выявлены сёрферы. Для них практика означает возможность познакомиться с организацией, чему-нибудь научиться (если представится такая возможность) и договориться с работодателем, чтобы он поставил печати и отпустил их на каникулы. Каждый год они проходят практику в разных местах, критикуют организации и находятся в постоянном «поиске хорошего места».

Молодёжь – довольно уязвимая социальная группа, поэтому требуется особое внимание к вопросам её адаптации на рынке труда. Реформы современного этапа развития системы высшего образования подразумевают использование инновационных стратегий социализации и побуждают её к постоянному преобразованию [Артюхов и др. 2019: 37].

В последние годы Правительство РФ уделяет особое внимание вопросам подготовки востребованных выпускников на рынке труда в соответствии с потребностями отраслей экономики. Министерством науки и высшего образования проводится мониторинг эффективности государственных вузов. Оценка эффективности производится по таким показателям, как образовательная, научно-исследовательская, международная, финансово-экономическая, инфраструктурная деятельность. В 2013 г. к этим критериям добавился показатель, характеризующийся трудоустройством выпускников в течение одного года после выпуска [Трудоустройство выпускников... 2015: 13].

В связи с данными требованиями в вузах пристальное внимание уделяется организации практики обучающихся с целью повышения качества образования и конкурентоспособности выпускников. Производственная практика, организованная образовательной организацией, направлена на профессионально-трудовую социализацию студентов, овладение знаниями, умениями, навыками в рамках образовательных стандартов, а также гибкими навыками (soft skills): внимательностью, вежливостью, доброжелательностью, что очень высоко ценится работодателями.

В качестве эмпирической базы нами будут использоваться результаты полуструктурированного интервью, проведённого автором в два этапа в период 2018–19 гг. в СПб ГУГА среди студентов Гуманитарного факультета, проходящих практику под руководством автора. Особенностью практики является то, что студенты проходят её в различных отделах аэропорта, таких как пассажирские перевозки, служба розыска багажа, информационное обеспечение, служба досмотра, а также в авиакомпаниях, гостиницах, турфирмах, туристических базах отдыха, торговых предприятиях.

Согласно нашей гипотезе, производственная практика для студентов означает не только освоение трудовых операций, а рассматривается молодёжью в качестве рабочей площадки, где можно напрямую встретиться с работодателями, узнать о должностных обязанностях и наличии вакансий.

Гайд интервью состоял из нескольких блоков: 1) ожидания молодёжи от практики; 2) трудности, возникающие во время прохождения производственной практики; 3) открытость/закрытость работодателей, их помощь в обучении; 4) способы решения проблем, связанных с организацией производственной практики.

Для удобства интерпретации мы сгруппировали материалы интервью в две центральные темы: 1) ожидания молодёжи от практики, их цели, мотивация; 2) трудности, возникающие в процессе прохождения практики. Вопросы строились таким образом, чтобы дать возможность информанту достаточно подробно описать желаемую модель практики, свой опыт её прохождения. Далее была осуществлена подготовка студентов к проведению интервью. Основная часть интервью была проведена в Санкт-Петербурге, но в выборке присутствовали студенты

из различных городов России. Общее количество информантов составило 43 человека, обучающихся в университете гражданской авиации. Исследование носило лонгитюдный характер. Первый этап интервью проводился в 2018 г. на первом курсе, когда были выявлены ожидания молодёжи от практики и их ориентации на трудоустройство. Вторым этапом проведён с этими же студентами уже второго курса осенью 2019 г. после прохождения ими производственной практики. На первом курсе было опрошено 23 студента и спустя год – 20, так как трое студентов были отчислены из университета. Во время интервьюирования студенты делились трудностями, с которыми они столкнулись на практике, предлагали способы их разрешения. Наблюдения и анализ полученных результатов записывались. Они приводятся в тексте статьи в виде цитат или кратких выводов. В скобках указывается код интервью: первая цифра – порядковый номер респондента, вторая – год интервью, далее пол и возраст (например, 12/19-ж-20 л).

Модель практики в 2018 г.

Большинство опрошенных студентов высказали своё мнение, что практика является неотъемлемой частью образовательного процесса в университете, поэтому она должна быть пройдена в любом случае. Основной целью является трудоустройство и обучение. В начале интервью все студенты высказывались о трудоустройстве, а уже потом вспоминали о самом процессе обучения: *«Мне кажется, что практика в вузе должна быть направлена на трудоустройство студентов в определённые фирмы, потому что это даёт гарантии фирмам, что после практики их будущие новые кадры будут знать, что делать на работе, а студенты будут ответственнее относиться к месту практики и выполнять работу с большим интересом и старанием»* (30/18-ж-18 л); *«Моё мнение – что практика может дать толчок к дальнейшей работе в фирме, зацепиться и с ещё большим интересом включиться, поэтому стоит идти туда, где ты будешь ожидать трудоустройства, дальнейшего развития как личности работника, опытного профессионала»* (27/18-ж-18 л).

После нацеленности на трудоустройство, обучающиеся задумываются о самом процессе обучения на предприятии, считая, что именно в организации они смогут обрести необходимый опыт работы, а также знания, умения, навыки при выполнении тех или иных производственных операций: *«Практика должна быть частью полученного образования»* (24/18-ж-18 л); *«Я считаю, что практика может быть направлена на обучение, так как это будет интересно студенту, способствует расширению кругозора и профессиональных навыков и умений. Дальнейшее устройство в этой фирме необязательно, так как если тебя что-то не устраивает, ты сможешь найти место лучше»* (21/18-ж-18 л).

В ответах информантов проявляется интерес к обучению в организации работодателя, что подтверждается данными интервью. Следующим важным фактором для молодёжи выступает заинтересованность и ответственность работодателей. По мнению обучающихся, работодатели должны быть заинтересованы в практикантах как в будущих специалистах: *«Предприятие должно нести ответственность за практику учеников, так как студенты приходят непосредственно в фирму, и работодатели должны дать навыки практиканту, и только они могут это сделать, потому что после окончания вуза на работу пойдут ученики именно в эту фирму. Работодатели могут дать больше опыта, так как они связаны с этой сферой деятельности»* (33/18-ж-18 л).

Важным элементом практики является и создание благоприятного психологического климата, настроая на практику. Студенты перед выходом на практику волнуются, переживают: кто их встретит, что они будут делать в организации; что нужно уже знать и уметь; какие требования предъявит работодатель, справятся ли они и т. д. Поэтому место практики рассматривается в качестве тренажёрной площадки, которая поможет молодым людям преодолеть страх, связанный с дальнейшей работой: *«Считаю, что по мере набора опыта получаешь знания, которые помогут уверенно чувствовать себя на рабочем месте и не испытывать чувства потерянности»* (28/18-ж-18 л).

Студенты готовы бороться за лучшие места в организации, поэтому практика рассматривается ими как средство построения карьеры и самореализации в рамках предприятия: *«И если я буду проходить практику и при этом получать знания и опыт, то я буду считаться ценным кандидатом на устройство в другие предприятия, а не только в то, где я проходила практику»* (22/18-ж-18 л).

Резюмируя интервью, можно сделать несколько выводов. Обучающиеся первого курса от практики ожидают трудоустройства по выбранной специальности, чтобы по окончании университета не искать работу, а уже сразу прийти туда, где выпускника знают и обязательно возьмут. Студенты считают, что университет должен для практики предоставить место, где бы они смогли реализовать свой потенциал, поэтому каких-либо усилий не предпринимают к поиску места проведения практики. Так, на первом курсе 88% студентов устраиваются на практику, используя связи университета с работодателями, на втором курсе – 67, на третьем – 60 и на четвёртом 39% (приводятся данные статистики устройства студентов на практику по сервисным направлениям подготовки за 4 года, рассчитанные автором по среднему значению распределения 2016–19 гг.).

По результатам интервью, практика должна обеспечивать необходимый объём знаний, умений, навыков; обучить студентов так, чтобы по окончании они не боялись работы, а были готовы решать поставленные организацией задачи и продвигаться по карьерной лестнице. Предприятие должно содействовать в обретении опыта работы, который можно будет указать в резюме при поиске места работы. В свою очередь

работодателям следует ответственно относиться к практике, быть заинтересованными в квалифицированной рабочей силе, в будущих работниках, и поэтому предлагать многообразные места практики, чтобы обучающиеся выбрали то, что им более всего подходит.

Таким образом, можно выделить несколько **основных направлений ожидания** студентов от практики в организациях:

1. Трудоустройство после окончания вуза.
2. Обучение навыкам на предприятии.
3. Самореализация и личностное развитие.
4. Будущий карьерный рост.
5. Помощь при устройстве на практику от руководителей университета.

Представленные стратегии указаны в порядке частоты упоминания студентами.

Желаемая модель производственной практики в 2019 г.

После прохождения производственной практики было проведено повторное интервью с теми же студентами с целью выявления их отношения к практике, оправдавшихся и неоправдавшихся ожиданий, новых взглядов на работу для успешной организации практики. Согласно полученным данным, можно отметить положительную тенденцию: молодёжь по-прежнему, как и в 2018 г., нацелена на трудоустройство, считая идеальным прохождением практики на том месте, где по окончании вуза можно трудоустроиться. Стратегия обучения также прозвучала во всех интервью, только приобрела более содержательное наполнение, а именно: *«Практика – это рабочий процесс, который должен быть не рутинным, монотонным, а нести за собой выполнение интересных задач, приобретение опыта, обучение новым программам, необходимым для профессии»* (10/19-ж-20 л); *«Практика должна быть информативной. Знания, которые дают практикантам в организациях, должны быть чёткие, конкретные»* (1/19-ж-19 л).

Студенты столкнулись с дефицитом внимания со стороны работодателей, что можно объяснить с позиции теории «экономики внимания» («the attention economy») Г. Франка [Franck 2002: 3], согласно которой «экономика внимания» характеризуется возрастающим потоком информации и данных, включающих естественное желание человека получить некоторую степень внимания, а также взаимосвязь между вниманием и деньгами. Внимание становится формой капитала, когда оно способствует заработку [Van Krieken 2018: 3]. Посредством такой экономики звёзды шоу-бизнеса зарабатывают деньги на внимании своих слушателей и зрителей на концертах и you-tube канале, оформляющих платную подписку. Учёные, публикующие статьи в различных журналах, нацелены привлечь внимание к своим научным работам, чтобы

аудитория их читала, ссылалась на их научные труды, применяла их теории на практике и т. д. [Van Krieken 2018: 4]. Студенты хотят от работодателей внимания, чтобы научиться работать и после практики остаться в организации.

Однако нередко работодатели в основном уделяют внимание выполнению своих непосредственных производственных функций, и времени для обучения студентов остаётся мало. Если опыт от практики оказался неудовлетворительным, то студенты устремляют свой взгляд на другие предприятия или же стремятся устроиться в другие отделы, службы. Данное утверждение наглядно демонстрирует следующий информант: *«Практика должна быть интересной и познавательной, полезной для студента. Было бы хорошо, если бы обучающиеся смогли попробовать себя в разных отраслях, разных службах, чтобы оценить специфику практики в других отделах»* (2/19-ж-19 л).

Такое желание объясняется активной саморегуляцией, которая задаётся соотношением того, *что* личность берёт от общества и *что* вносит в его развитие, и проявляется в индивидуалистских и коллективистских установках, диктующих молодёжи образ образованного, конкурентоспособного, успешного человека в организации [Зубок, Чупров 2019: 167].

Если на первом и втором курсах студенты от менеджеров ожидали ответственности и заинтересованности, то на старших курсах они ожидают внимания, обучения, демонстрации выполнения трудовых функций и операций, а также хорошего отношения, распределения заданий по силам, исключая большой объём работы и «сверхзадач»: *«... на практике всегда должен быть человек, к которому можно было бы подойти даже с глупым вопросом»* (4/19-ж-19 л); *«должен быть опытный, лояльный наставник, который поддержит, подскажет, как лучше справиться с тем или иным вопросом, другими словами – наличие обратной связи, адекватная оценка работы»* (10/19-ж-20 л); *«практикантов не должны перегружать и давать задания, которые не входят в их обязанности»* (40/19-ж-20 л).

По мнению студентов, практика должна знакомить и вовлекать обучающихся в корпоративную жизнь предприятия. К сожалению, это не всегда происходит так. По мнению работодателей, поскольку практика длится недолго (один месяц), у них отсутствует уверенность в том, что студент, в которого они вложили свой труд и время, к ним вернётся, и ограничивают своё внимание к практикантам.

Поскольку во время производственной практики выполняется определённая работа, многие студенты считают справедливым получить за неё денежное вознаграждение, и только несколько информантов допускают возможность практики без оплаты при условии, что работодатели действительно будут ими заниматься и обучать их необходимым навыкам.

Все студенты Гуманитарного факультета учатся на коммерческой основе, некоторые из них работают для оплаты своего обучения. Даже те, кто учатся на бюджетной основе, нацелены на подработку из-за

довольно высоких потребительских предпочтений молодежи. Исследование Б. С. Павлова и Е. И. Прониной о предпочтениях уральских студентов подтверждает полученные нами данные. Так, в Екатеринбурге родители студентов оплачивают обучение, питание, одежду, организацию досуга. При этом от 22 до 42% уральских студентов сами зарабатывают, не отказываясь от материальной помощи родителей [Павлов и др. 2018: 306].

При выборе места практики работающие студенты выражают желание пройти её по месту своей работы. Во время производственной практики, являющейся частью обучения, оплата за неё не производится, следовательно, студент может потерять место временной подработки. В связи с этим от практики он ждёт обучения навыкам по специальности с дальнейшей перспективой трудоустройства.

Определяясь с местом будущей практики, студенты начинают анализировать свои слабые и сильные стороны, намечают план дальнейшего обучения тем навыкам, которые были затребованы в организации. Если студент выяснил, что в гостинице необходимо знание английского языка, а он им владеет на недостаточном уровне, он принимает решение об обучении языку на курсах или с помощью репетитора.

По результатам интервью можно выделить *несколько направлений ожиданий* студентов старших курсов от практики в 2019 г.:

1. Трудоустройство во время обучения в вузе.
2. Обучение различным навыкам.
3. Построение карьеры в организации.
4. Получение опыта работы в организации.
5. Получение практической пользы, налаживание связей с работодателями.
6. Ожидание внимания и заинтересованности от работодателей.
7. Компенсирование личного времени, выражающееся в оплате за практику.
8. Определение вузом места практики по специальности студента.
9. Формирование мотивации для получения требуемых компетенций.
10. Консультация с руководителем вуза по поводу правильного выбора места практики для дальнейшего успешного трудоустройства.

Сформируем ряд стратегий, характерных для студентов при прохождении практики:

- стратегия будущего трудоустройства,
- образовательная стратегия,
- карьерная стратегия,
- компенсационная стратегия,
- стратегия ожидания,
- стратегия личностного развития.

Стратегия *будущего трудоустройства* фиксирует нацеленность молодёжи на труд, занятость и работу. Студенты готовы приступить к работе, находясь ещё в стенах вуза. *Образовательная стратегия* включает в себя желание молодёжи получить знания, навыки, новый опыт работы, освоить прикладные информационные программы и технологии. Трудоустраиваясь, молодёжь нацелена продвигаться по карьерной лестнице, осваивая новые технологии работы, о чём свидетельствует *карьерная стратегия*. Поскольку подавляющее большинство молодёжи учится на коммерческой основе, поэтому для студентов важна материальная поддержка, лежащая в основе *компенсационной стратегии*. Ещё одной является *стратегия ожидания*. Молодёжь рассчитывает на помощь вузовских руководителей практики устроиться в «хорошую», на их взгляд, организацию, где работодатели заинтересованы в студентах, обучают на практике, а после прохождения приглашают на работу. Стратегия *личностного развития* отражает потребность молодёжи к консультированию у экспертов, преподавателей кафедры. Молодёжь, ищущая разные варианты практик и стажировок, обращается за консультацией к преподавателям, чтобы выбрать наиболее подходящее место практики, где была бы возможность узнать что-то новое, пройти повышение квалификации или получить сертификаты участия в программах, вебинарах, освоении компьютерных программ обслуживания клиентов. Таким образом, можно сгруппировать два блока стратегий: активная и пассивная (см. рис. 1.). Представленные стратегии демонстрируют поведение студентов на производственной практике.

Рис. 1. Стратегии поведения молодёжи на производственной практике

Figure 1. Behavior strategies of young people going through practical training

Анализируя полученные данные интервью, можно сделать вывод, что при приобретении опыта прохождения производственной практики в организациях у студентов формируется установка на трудоустройство, обучение, приобретение опыта работы, построение карьеры, появляется вполне материализованное желание получить оплату за практику, а также внимание со стороны работодателей.

По мере взросления студентов и приобретения ими опыта прохождения производственной практики, их требования к её организации повышаются. Студенты нацеливаются как на обучение, так и на трудоустройство. Если во время производственной практики работодатели уделяли студентам недостаточно внимания, то решение о её прохожде-

нии в этой организации в следующем году будет приниматься в зависимости от желания там работать. Если решение о трудоустройстве принято несмотря на неудовлетворённость практикой, студенты в следующем году могут снова выбрать практику в той же организации, что связано с высокой заработной платой, работой по специальности, дополнительными льготами и другими преимуществами. В случае принятия решения об отказе трудоустроиваться в организацию, где им не понравилось, и они не видят для себя перспектив трудоустройства или обучения, студенты категорически отказываются проходить там производственную практику в следующем году.

Во время прохождения практики студенты мотивированы рекомендовать себя с наилучшей стороны, поэтому им важно продемонстрировать освоенные в вузе компетенции. Некоторые студенты применяют тактику «спрашивание заданий», которая заключается в том, что студенты предлагают работодателям справиться с какой-то конкретной задачей. В этом случае они рассчитывают, с одной стороны, что работодатели научат их выполнять задание, а с другой, – показывают свою активность и трудолюбие.

Ещё одной из тактик является «самопрезентация опыта работы». Студенты делятся с работодателями своим опытом работы или прохождения производственной практики в другой организации, рассказывая, что они умеют делать (*«регистрировать зарубежного туриста и работать в информационной системе, и ещё получил сертификат по перевозкам»* (9/19-м-20 л).

Зарубежный опыт организации практики и трудоустройства молодежи

В Италии была разработана программа, направленная на повышение карьерных возможностей для неработающих выпускников вузов. Программа затрагивала несколько звеньев: переход молодежи из школы в университет и далее на работу. Результаты программы показали, что она была успешной среди женщин младше 30 лет и иммигрантов. Было выявлено, что мужчины, участвовавшие в программе, быстрее устраивались на рынке труда, чем женщины. Сравнивая разные типы контрактов, социологи выяснили, что контракты с элементами ученичества наиболее эффективны для обеспечения рабочих постоянным местом работы, особенно, если организация сама проводит обучение. Данная система эффективна для больших организаций. По результатам итальянских социологов, молодежь, усвоившая более основательный научный багаж естественнонаучных знаний, обладает большими возможностями для трудоустройства на постоянную работу, чем гуманитарии. Итальянцы разработали систему оплаты для работодателей в случае заключения трудовых контрактов с молодежью. Сначала молодежь проходит тренинг в течение 6 месяцев, а по результатам тренинга устраивается на работу. Оплата производилась работодателям в зависимости от длитель-

ности заключения контрактов (на постоянную работу; временную – до 6 месяцев; работу с длительным сроком на 7 лет). В итальянском проекте принимали участие различные организации сферы сервиса, туризма, финансов, информационных технологий, розничной торговли, образования, строительства, сельского хозяйства, транспорта, государственного управления, недвижимости и т. д. В результате программы из 682 заявок было отобрано 574 человека и из них трудоустроено 98 человек с различными типами контрактов [Ghirelli 2019: 506].

Данный опыт является важным, так как с целью обучения практическим навыкам российские вузы приглашают работодателей в университеты, обговаривают с ними удобный график работы.

Как показали результаты интервью со студентами, работодатели предлагают места, не требующие серьёзной подготовки, каких-либо особых навыков, считая, что практика помогает освоить первичные трудовые навыки: умение общаться с клиентами, демонстрировать товары/услуги, проводить простейшие операции, выполнять начальные трудовые функции, осваивать компьютерные программы, изучать нормативно-правовые акты организации, регистрировать документы и т. д. При запросах на более высокие позиции работодатели повышают свои требования, выражающиеся в тестировании на английском языке, проверке на стрессоустойчивость, компьютерных навыках работы с программами на английском языке и т. д.

Методические рекомендации

При организации любых видов студенческой практики следует пройти ряд этапов. Предварительно нужно ознакомить студентов с рабочей программой производственной практики, чётко поставить цель практического обучения; обратить внимание на профессиональные компетенции, которые должны быть освоены в период прохождения практики; подготовить студентов к прохождению собеседования с отделом кадров и выполнению заданий руководителя практики от предприятия.

Руководителям образовательной организации стоит поощрять студентов на самостоятельный поиск места практики, но в то же время контролировать данный процесс. Студенты, обучающиеся на коммерческой основе, считают, что вуз обязан предоставить им место практики. Поэтому основная нагрузка по её организации ложится на профессорско-преподавательский состав. Студенты, которые самостоятельно ищут место практики, быстрее устраиваются на работу и после окончания вуза продолжают работать.

На основании опыта работы в качестве рекомендаций была создана программа «Ступени карьеры» в СПб ГУГА, по которой проводятся семинары о том, как грамотно писать резюме, какими цифровыми ресурсами пользоваться при поиске работы, как следует проходить интервью и собеседование с работодателями, а самое главное – нацеливать моло-

дѣжь на гибкое отношение к рынку труда, чтобы студенты не опускали руки в случае отказа, а продолжали поиск работы, так как причины отказа в работе могут быть различными. Обучаясь в университете, студенты проходят интервью в разных организациях, делятся приобретѣнным опытом на семинаре «Ступени карьеры», где анализируют ошибки, допущенные при прохождении собеседования.

Производственная практика является эффективным механизмом социализации студентов. Студент погружается в рабочую среду предприятия, наблюдает за тем, как люди работают, общаются, ведут переговоры, решают поставленные задачи. Молодѣжь вырабатывает ответственность, осваивает новые трудовые функции. Руководитель практики должен фиксировать выполнение заданий студентами.

Всеобщей проблемой для вузов является нежелание некоторых работодателей брать на практику студентов по ряду причин: нет свободных специалистов, которые бы обучали студентов требуемым навыкам из-за высокой загруженности персонала работой, нет желания уделять своё внимание студентам, отсутствует потребность в кадрах, все задачи распределены и т. д. Согласно авторскому опыту общения с работодателями, ведущей проблемой является отсутствие у них мотивации, т. к. вуз не оплачивает им работу со студентами. В крупных организациях (например, в аэропорту, гостинице) существует оплачиваемая должность руководителя практики. На сегодняшний день вузы руководствуются приказом Министерства образования и науки¹, где руководителем практики от вуза должен быть представитель профессорско-преподавательского состава, а работодатель может организовывать практику в своей профильной организации. В качестве предложения можно рассмотреть возможность участия работодателей в организации практики в вузе, поскольку у работодателей больше возможностей для трудоустройства студентов на предприятие по сравнению с преподавателями.

Сейчас вузы активно привлекают на работу работодателей, выделяя им часы для проведения лекционных и семинарских занятий. Некоторые работодатели ограничены опытом работы в своей организации, а рабочая программа диктует им вести лекционные и семинарские занятия, раскрывая различные темы для освоения компетенций. Поэтому работодатели подготавливаются к занятиям, используя учебные пособия, методические материалы, опубликованные преподавателями. Порой у преподавателя и работодателя происходит дублирование лекций, что вызывает негативные отзывы студентов. Будет более эффективно, если работодатель ограничится мастер-классами, на которых можно рассмотреть интересные темы. Очень важным условием трудоустройства работодателя в вуз должна стать его возможность устроить студентов на практику для обучения *практическим навыкам работы*.

¹ Приказ Министерства образования и науки РФ от 27 ноября 2015 г. № 1383 «Об утверждении Положения о практике обучающихся, осваивающих основные профессиональные образовательные программы высшего образования».

На рис. 2 представлена система эффективного взаимодействия вуза с работодателями и студентами.

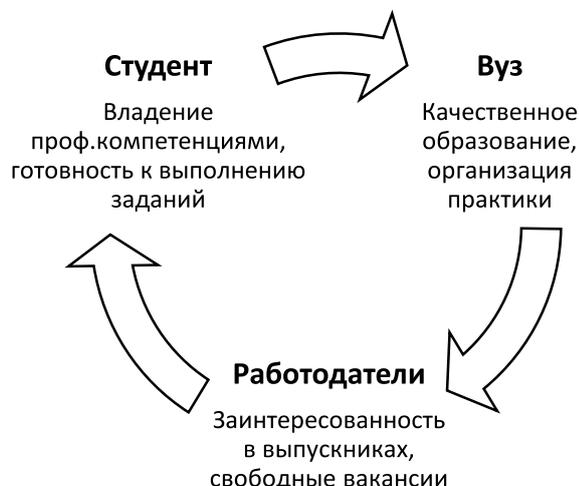

Рис. 2. Система эффективного взаимодействия вуза с работодателями и студентами

Figure 2. Effective system of cooperation between universities and employers, students

Заключение

Эффективное трудоустройство молодёжи зависит от ряда факторов, таких как качественное образование, степень освоения компетенций, включая soft skills (мягкие навыки), инициативность и целеустремлённость в поиске места практики, а также готовность работодателей организовать прохождение практики и в дальнейшем способствовать трудоустройству выпускников. Практика является одним из механизмов социализации обучающихся и способствует пониманию важности труда, коммуникации с окружающими (работодателями, клиентами), выработке стратегии дальнейшего саморазвития, усилению мотивации к обучению в вузе. В результате после окончания вуза за плечами выпускника остаётся багаж знаний, освоенных компетенций, осмысления будущей работы, а также понимание, на какую позицию и заработную плату можно рассчитывать.

Вузовским руководителям практики стоит поощрять студентов самостоятельно искать место её проведения, поскольку молодёжь рассматривает практику в качестве стратегии дальнейшего трудоустройства. Студенты чаще всего обращаются к ресурсам вуза для прохождения практики и готовы покинуть места временной подработки для прохождения практики в профильных организациях, от которых ожидают трудоустройства. Необходимо поддерживать отношения с работодателями, активно приглашать их в вуз с целью проведения мастер-классов, авторских курсов, разработанных работодателями на основе федеральных государственных образовательных стандартов (ФГОС) с учётом специфики отрасли и прикладных направлений подготовки. Задача системы выс-

шего образования – организовать производственную практику от вузов с учётом мотивации студенческой молодёжи, а задача работодателей – учитывать компетенции, заложенные в образовательных программах.

Библиографический список

Артюхов А. В., Ребышева Л. В., Савицкая Ю. П. 2019. Жизненное пространство молодёжи: проблемы и их решения // Известия высших учебных заведений. Социология. Экономика. Политика. № 4. С. 36–45.

Варшавская Е. Я. 2019. Стратегии поиска работы выпускниками вузов: распространённость и эффективность // Социологические исследования. № 7. С. 56–66.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. 2019. Саморегуляция смысложизненных ценностей в культурном пространстве молодёжи // Вестник Института социологии. № 4. С. 164–186.

Зубок Ю. А., Чупров В. И. 2018. Смысложизненные ценности в культурном пространстве российской молодёжи // Научный результат. Социология и управление. № 3. С. 3–13.

Ильин В. И. 2019. Социальный сёрфинг как модель молодёжного образа жизни // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1. С. 28–48.

Павлов Б. С., Пронина Е. И., Павлов Д. Б. 2018. Учёба студента в ВУЗе как непростой старт во взрослую трудовую жизнь // Не расстанусь с молодёжью, буду...: сб. науч. статей к 80-летию проф. Ю. Р. Вишневого. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та. С. 299–308.

Темницкий А. Л. 2019. Социокультурный феномен самостоятельности в работе россиян в межстрановом сравнении // Социологические исследования. № 6. С. 37–49.

Трудоустройство выпускников: методология, мониторинг и анализ / Под ред. А. В. Воронина, В. А. Гуртова, Л. М. Серовой. М.: Экономика, 2015.

Чередниченко Г. А. 2019. Трудоустройство и положение на рынке труда выпускников среднего профессионального образования // Социологические исследования. № 7. С. 67–77.

Franck G. 2002. The scientific economy of attention: a novel approach to the collective rationality of science // Scientometrics. No 1 (55). P. 3–26.

Ghirelli C. 2019. Does on-the-job training help graduates find a job? Evidence from an Italian region // International Journal Manpower. No. 3 (40). P. 500–524.

Van Krieken R. 2018. George Franck's 'The Economy of Attention': Mental capitalism and the struggle for attention // Journal of Sociology. No 1. P. 1–5.

Статья поступила 12.05.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Бирюкова Алла Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры «Социально-экономических дисциплин и сервиса», руководитель производственной практики по направлению подготовки «Сервис на транспорте», Санкт-Петербургский государственный университет гражданской авиации, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.663

Practical Training in Universities as a Strategy for Employing Youth

Alla V. Biryukova

Saint Petersburg state university of Civil Aviation, Saint Petersburg, Russia

E-mail: allabir07@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8168-830X

For citation: Biryukova A. V. Practical training in universities as a strategy for employing youth. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 61–77. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.663

Abstract. This article presents the results of a study of how getting young students engaged in practical training can be a means of job placement in the future. The author relies on the work of those Russian sociologists who study issues such as employment, strategies for finding a job, young people's educational trajectories. The aim of this article is to examine the process of how students go through practical training, to identify their expectations from such practices, difficulties in their interaction with employers, as well as to formulate methodological recommendations for organizing practical training in universities.

In order to examine students' opinions on the specifics of going through practical training, interviews were conducted in two stages. 43 students were surveyed in total. The first stage took place in 2018, prior to going through practical training, during which respondents' expectations from practical training and employment were determined. The second round of interviews was carried out in 2019 – after they had completed their practical training. The authors found out that students have become more demanding: they expect practical training to help them acquire new skills, grab the attention of potential employers, as well as receive a monetary reward. The following strategies were identified during interviewing: employment, educational, career-based, compensational, personal development focused, the anticipation strategy; strategies for going through practical training were included into one of two categories – active or passive.

Students expressed their thoughts on the difficulties they encountered while going through practical training which involved a lack of attention and interest on behalf of employers. According to students, employers showed a low degree of interest, while their attention was focused on keeping track of attendance, and on students strictly fulfilling the obligations that they put upon them.

The article also considers foreign practice in resolving the issue, manifested in the idea of paying employers for providing young people with jobs. In Russian universities, employers are invited to work at said universities, with payment being issued for training students. The author recommends inviting employers to universities for them to conduct master-classes and organize students' practical training while taking into account the specifics of their field, motivating and attracting the interest of potential employers by putting money on the table. Another suggestion is to conduct seminars, in preparing young people for job interviews, for putting together a resume and a portfolio for future employment. Hence, according to the author, practical training can not only promote future employment, but also help in developing competencies, in socialization, a person's personal growth, enhancing competitive capacity and familiarizing youth with labor.

Keywords: traineeship, employment, education, strategies of employment, attention economy, students

References

Artiukhov A.V., Rebisheva L.V., Savitskaya J.P Youth life space: problems and their solutions. Proceedings of higher educational institutions. *Izvestiya vysshikh uchebnykh zavedeniy. Sotsiologiya. Ekonomika. Politika = Higher Schools Bulletin. Sociology. Economics. Policy*, 2019: 4: 56–66 (In Russ.).

Cherednichenko G.A. Employment and the Situation of SVO' Graduates on the Labor Market. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2019: 7: 67–77 (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250005794-6

Employment of graduates: methodology, monitoring and analysis. Ed. by A.V. Voronina, V.A. Gurtova, L.M. Serova. Moscow, Economics, 2015 (In Russ.).

Franck G. The scientific economy of attention: a novel approach to the collective rationality of science. *Scientometrics*, 2002: 1 (55): 3–26.

Ghirelli C. Does on-the-job training help graduates find a job? Evidence from an Italian region. *International Journal Manpower*, 2019: 3 (40): 500–524.

Il'in V.I. Social surfing as a model of youth lifestyle. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsialnye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Changes*, 2019: 1: 28–48 (In Russ.). DOI: [10.14515/monitoring.2019.1.02](https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.02)

Pavlov B.S., Pronina E.I., Pavlov D.B. Studying of student at the university as a difficult start in an adult working life. *Ne rasstanus' s molodiozh'yu, budu.. = I will not part with young people, I will...: Sat. scientific articles for the 80th anniversary of prof. Y. R. Vishnevsky*. Ekaterinburg: UFU publ., 2018: 299–308 (In Russ.)

Temnitsky A.L. The Sociocultural Phenomenon of Self-dependence in Russian Citizens' Work in an International Comparison. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2019: 6: 37–49 (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250005480-1

Van Krieken R. Georg Franck's "The Economy of Attention": Mental capitalism and the struggle for attention. *Journal of Sociology*, 2018: 1: 1–5.

Varshavskaya E.Y. Job Search Strategies of University Graduates: Prevalence and Effectiveness. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2019: 7: 56–66 (In Russ.). DOI: 10.31857/S013216250005793-5

Zubok J.A., Chuprov V.I. Life values in the cultural space of the Russian youth. *Nauchny Resultat. Sotsiologiya i upravlenie = Research result. Sociology and Management*, 2018: vol. 4: 3: 3–13 (In Russ.). DOI: 10.18413/2408-9338-2018-4-3-0-1

Zubok J.A., Chuprov V.I. Self-regulation of life purpose values in youth cultural space. *Vestnik instituta sotziologii = Institute of Sociology Bulletin*, 2019: vol. 10: 4: 164–186 (In Russ.). DOI: 10.19181/vis.2019.31.4.614

The article was submitted on May: 12. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Biryukova Alla Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Department of the Social-economic discipline and service, Head of the Department of Traineeship of the Transport service course, Lecturer of the Saint Petersburg state university of Civil Aviation, Saint Petersburg, Russia.

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664

Монетарное неравенство в России в социологическом измерении

Ссылка для цитирования: *Мареева С. В.* Монетарное неравенство в России в социологическом измерении // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3. С. 78–98. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664

For citation: *Mareeva S. V.* Monetary inequality in Russia in the sociological dimension. *Vestnik instituta sotziologii.* 2020. Vol. 11. No. 3. P. 78–98. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664

Мареева Светлана Владимировна

Институт социологии ФНИСЦ РАН; НИУ ВШЭ,
Москва, Россия

s.mareeva@gmail.com

AuthorID ПИНЦ: [526217](#)

Аннотация. В представленной статье рассматриваются особенности конфигурации доходного неравенства в современном российском обществе и тенденции его изменений в постсоветский период развития страны. Показано, что на фоне других стран мира традиционные экономические показатели неравенства доходов (децильный коэффициент, индекс Джини) позиционируют РФ как страну с высоким уровнем неравенства в массовых слоях населения по сравнению с европейскими странами, хотя и относительно более низким неравенством сравнительно с иными странами БРИКС. При использовании шкал эквивалентности, корректирующих доходы населения с учётом экономии на масштабе потребления, показатели неравенства для России на международном фоне улучшаются. С точки зрения распределения доходов по квинтилям и концентрации доходов в верхнем из них, Россия также занимает промежуточные позиции, опережая большую часть европейских стран, но не страны БРИКС. Однако верхний квинтиль характеризуется очень высокой дифференциацией – при переходе от 20% наиболее благополучного по доходам населения к 1–5%, позиционирование России на общемировом фоне значительно изменяется: по отрыву «верхушки» от массовых слоёв населения страна выступает одним из мировых лидеров.

Также установлено, что на другом полюсе доходного распределения, в нижних слоях населения, в последние годы происходило «подтягивание» части низкодоходных слоёв к середине, проявившееся в более высоких темпах роста благосостояния у нижних 40% населения по сравнению с населением в целом, а также в заметном снижении уровня бедности в 2000-е гг. Оставшиеся в нижней части распределения граждане сформировали более чёткий портрет бедности, отличающийся от «среднего россиянина» и подчёркивающий важность не только низкого уровня доходов, но и ряда немонетарных измерений неравенства. Этот процесс «усреднения» привел к увеличению численности групп с меди-

анными и средними доходами, которые являются сегодня наиболее массовыми в структуре современного российского общества. Однако увеличение их численности в последние годы происходило не только за счёт улучшения положения части низкодоходного населения, но и в силу «усреднения» уровня доходов более благополучных массовых слоёв.

Ключевые слова: социология, неравенство доходов, неравенство богатства, бедность, среднедоходная группа, доходная стратификация

Проблема неравенства в современных обществах

Обсуждение растущего неравенства как в масштабах всего мира, так и в рамках отдельных стран заметно усилилось в последние годы, что отразилось, в частности, в выходе целого ряда крупных работ ведущих мировых исследователей этой проблемы [Stiglitz 2012, Piketty 2014, Atkinson 2015, Milanovic 2016, Alvaredo et al. 2018, EBRD 2017 и др.]. Неравенство выступает одним из ключевых вызовов современного этапа социально-экономического развития, причём этот вопрос остро стоит не только для развивающихся стран (где острой остается ещё и проблема бедности), но и развитых стран. В фокусе дискуссий вокруг неравенства и возможных подходов к его сокращению обычно находится в первую очередь именно монетарное неравенство – т. е. неравенство доходов или богатства. На первый взгляд, монетарное неравенство проще для измерения и оценки, чем различные типы немонетарных неравенств, и эффекты принимаемых мер социально-экономической политики также легче отслеживать на изменениях его масштабов. Однако нельзя всё-таки не сказать и о том, что немонетарные неравенства приобретают в современных обществах всё большее значение, причём к традиционным их типам, при сохранении их остроты и значимости, добавляются новые [Grusky 2011]. Однако в данной статье мы оставим немонетарные неравенства за рамками рассмотрения и обратимся к проблеме монетарного неравенства в современном российском обществе. Опираясь на данные официальной статистики ФСГС РФ, оценки международных исследовательских центров, а также результаты социологических исследований, мы попробуем представить общую картину неравенства доходов и богатства, сложившуюся в стране к настоящему моменту.

Вопросы неравенства в российском обществе также привлекают в последние годы повышенный интерес исследователей [Аврамова, Малева 2014; Овчарова и др. 2016, Григорьев, Павлюшина 2017, Тихонова и др. 2018]. Чаще с этой тематикой работают экономисты, хотя встречаются и работы, интегрирующие экономические и социологические подходы к анализу. При оценках дифференциации доходов используются не только различные меры неравенства, позволяющие, в частности, придавать больший вес неравенству в нижней или верхней частях доходного распределения, но и различные показатели, для которых

оно оценивается, а также различные методы оценки этих показателей, поскольку и данные статистики, и данные социологических исследований имеют в этом отношении ряд ограничений. При оценке неравенства доходов такими показателями могут выступать, например, доходы *до* или *после* налогообложения; расходы или потребление; неравенство богатства вызывает ещё большие споры, поскольку всегда связано с неоднозначными процедурами их косвенной оценки. Всё это порождает дискуссии о методике и методологии получения наиболее корректной картины монетарного неравенства и оценки его масштабов [Капелюшников 2017]. Однако в данном случае мы не ставим цели внести вклад в методологический дискурс об измерении неравенства – для нас представляет интерес вопрос о том, *как характер монетарного неравенства отражает специфику современного российского общества, что говорит о его социальной структуре?* Поэтому главным акцентом в данной статье станут не столько сами по себе оценки доходного неравенства, сколько те особенности модели российского общества, которые определяются этим неравенством.

Общая характеристика монетарных неравенств в современной России

Для общей характеристики денежных неравенств чаще всего используются коэффициент фондов, индекс Джини, а также распределение общих денежных доходов по процентным группам населения (децилям, квинтилям). Привлекаются в этой связи и показатели, характеризующие уровень и глубину бедности, хотя монетарное неравенство, безусловно, к ней не сводится: не менее важно и то, что происходит в середине и верхней части доходного распределения. Существует и ряд альтернативных методик оценки неравенства (например, индекс Пальма, использующийся для оценки соотношения доходов наиболее благополучной верхней группы населения и более массовых малообеспеченных слоёв; индекс Аткинсона, который позволяет учесть параметр восприятия неравенства; различные показатели энтропии, использующиеся для декомпозиции неравенства), которые, однако, пока не получили достаточного распространения в российской практике [Салмина 2019].

В целом картина динамики доходного неравенства в постсоветской России, которую дают данные о распределении общего объёма денежных доходов по квинтилям (20% -м группам населения), характеризуется происшедшим с 1990-х до середины 2000-х гг. снижением долей доходов, приходящихся на два нижних квинтиля и последующей стабилизацией этой ситуации; в меньшей степени, но всё же это снижение коснулось и третьего квинтиля (часто рассматриваемого в качестве «экономического среднего класса» как находящегося в середине распределения [Dallinger 2013]). Доля доходов, приходящихся на четвёртый квинтиль, оставалась и продолжает оставаться наиболее стабильной, а доля пятого квинтиля

резко возросла в начале 1990-х гг. и сохраняется на высоком уровне и сегодня – на его представителей приходится более 45% всех денежных доходов населения (см. таблицу 1).

В целом такие данные говорят о возросшем в 1990-е гг. неравенстве в массовых слоях населения и всё большем расхождении между нижними 40% и верхними 20% населения. Однако дифференциация верхнего доходного квинтиля очень высока, и его отрыв от остального населения может обеспечиваться динамикой ситуации лишь небольшой доли в его составе – той «верхушки», разрыв между которой и остальным населением очень велик и, судя по данным исследований, не сокращается. При этом в составе верхнего квинтиля присутствуют и россияне, чьё положение выглядит относительно благоприятно на общем фоне, но по факту это благополучие оказывается достаточно скромным и неустойчивым.

Таблица 1 (Table 1)

**Распределение общего объёма денежных доходов
и характеристики дифференциации денежных доходов населения, 1970–2019 гг.**

*Distribution of the overall volume of cash income
and indicators of the cash income differentiation, 1970–2019*

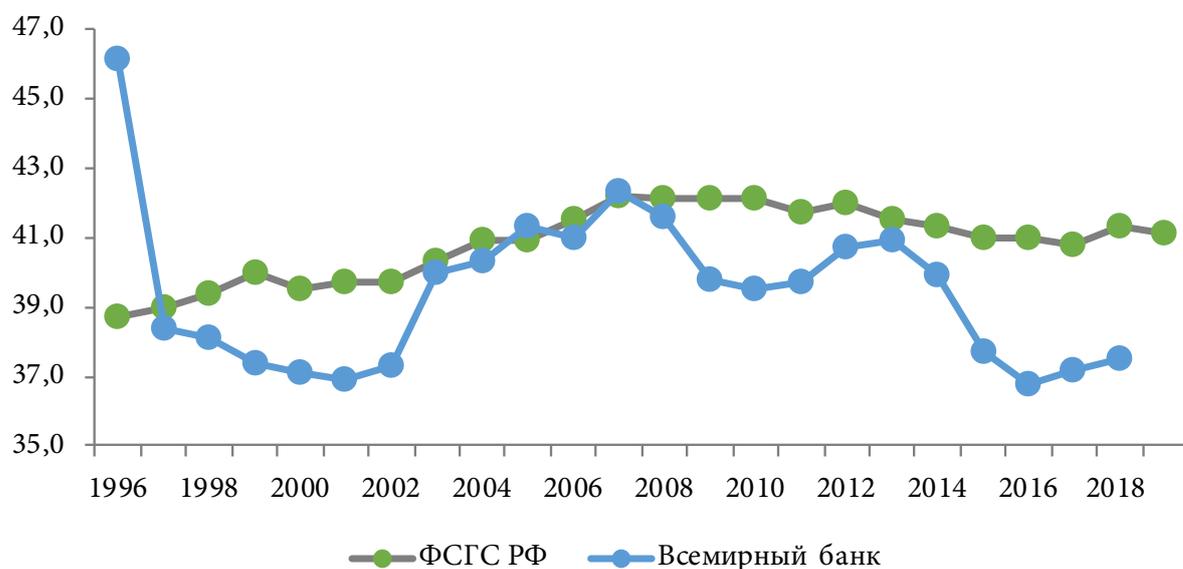
Год	Денежные доходы – всего	В том числе по 20-процентным группам населения, %					Децильный коэффициент фондов, в раз	Индекс Джини
		Первая (с наименьшими доходами)	Вторая	Третья	Четвёртая	Пятая (с наибольшими доходами)		
1970	100	7,8	14,8	18,0	22,6	36,8	...	...
1980	100	10,1	14,8	18,6	23,1	33,4	...	...
1990	100	9,8	14,9	18,8	23,8	32,7	...	...
1995	100	6,1	10,8	15,2	21,6	46,3	13,5	38,7
2000	100	5,9	10,4	15,1	21,9	46,7	13,9	39,5
2005	100	5,4	10,1	15,1	22,7	46,7	15,2	40,9
2010	100	5,2	9,8	14,8	22,5	47,7	16,6	42,1
2015	100	5,4	10,1	15,0	22,6	46,9	14,8	41,0
2016	100	5,4	10,1	15,0	22,6	46,9	14,8	41,0
2017	100	5,5	10,1	15,1	22,6	46,7	14,6	40,8
2018	100	5,3	10,0	15,0	22,6	47,1	15,6	41,3
2019	100	5,3	10,1	15,1	22,6	46,9	15,4	41,1

Источник: данные ФСГС РФ // URL: https://www.gks.ru/storage/mediabank/urov_32g.doc, обновлено 29.04.2020; 2019 г. – предварительные данные (Дата посещения: 18.06.2020).

Данные официальной статистики оперируют также и другими характеристиками дифференциации доходов, например, децильный коэффициент фондов и индекс Джини. Начиная с 1995 г., децильный коэффициент фондов (характеризующий соотношение между средними уровнями денежных доходов 10% населения с самыми высокими и 10% населения с самыми низкими доходами) постепенно возрастал – вплоть

до периода экономического спада 2008–10 гг., после которого он стал снижаться; новый этап его роста демонстрируют данные 2018–19 гг. Схожа и динамика индекса Джини, отражающего отклонение линии фактического распределения общего объёма денежных доходов населения от линии их равномерного распределения. Даже при снижении в последнюю декаду, индекс Джини остаётся достаточно высоким по меркам европейских стран. Так, в 2019 г., по предварительным данным, он составлял 41,1 (см. таблицу 1).

Всемирный банк оценивает уровень денежного неравенства в России с использованием тех же показателей для его оценки, что и ФСГС РФ, но сами оценки различаются, поскольку ФСГС РФ проводит дополнительные расчётные процедуры на основании аппроксимации доходного распределения. Так, сравнение двух версий оценок индекса Джини в динамике показывает, что корректировка доходов приводит к более сглаженной картине его изменений, в то время как оценки Всемирного банка демонстрируют «скачки» неравенства, особенно проявляющиеся в кризисные годы, и более заметное его снижение в период 2013–15 гг. В итоге расхождения между оценками ФСГС РФ и Всемирного банка оказываются наиболее высоки в посткризисные годы (см. рис. 1).

Источник: данные ФСГС РФ и Всемирного банка // URL: <https://data.worldbank.org> и https://www.gks.ru/storage/mediabank/urov_32g.doc. Обновлено 29.04.2020 (Дата посещения: 18.06.2020).

Рис. 1. Динамика индекса Джини в России, 1995–2018 гг.

Figure 1. Gini index dynamic in Russia, 1995–2018

Как эти данные позиционируют Россию на фоне других стран? Судя по данным Всемирного банка, положение страны по неравенству, измеренному с помощью индекса Джини, скорее срединное: хотя неравенство в стране и заметно выше континентальных европейских стран, оно ниже мировых максимальных границ, которые задают развиваю-

щиеся страны. На фоне стран БРИКС Россия характеризуется наиболее низким индексом Джини. Однако на фоне европейских стран его скорее можно охарактеризовать как высокий (см. таблицу 2).

Что касается распределения доходов по квинтилям и концентрации доходов в верхнем из них, о чём говорилось выше, то интересно, что и здесь Россия занимает промежуточные позиции, опережая большую часть европейских стран, но не являясь при этом лидером в группе БРИКС. Однако ещё раз нужно подчеркнуть высокую дифференциацию внутри верхнего квинтиля – как мы покажем далее, при переходе от верхних 20% населения по доходам к верхним 1–5%, позиционирование России на общемировом фоне значительно изменяется.

Таблица 2 (Table 2)

Показатели неравенства доходов в выборочных странах, 2011–18 гг.,
Всемирный банк

Income inequality indicators in different countries, 2011–2018, World Bank data

Страны	Индекс Джини	Доля дохода нижнего квинтиля	Доля дохода верхнего квинтиля	Доля дохода нижнего дециля	Доля дохода верхнего дециля
Россия	37,5	7,1	45,1	2,9	29,9
Бразилия	53,9	3,1	58,4	1,0	42,5
Индия	37,8	7,7	46,2	3,3	31,7
Китай	38,5	6,5	45,3	2,7	29,3
Великобритания	34,8	7,1	42,1	2,8	26,8
США	41,4	5,1	46,8	1,7	30,5
Германия	31,9	7,6	39,6	2,9	24,6
Венгрия	30,6	7,9	38,5	3,0	23,9
Польша	29,7	8,3	38,2	3,2	23,5
Швеция	28,8	8,3	37,1	3,0	22,3

Источник: данные Всемирного банка // URL: <https://data.worldbank.org> (Дата посещения: 23.06.2020). Приведены данные за последний доступный год для каждой страны по состоянию на 23.06.2020.

Провести позиционирование страны на международном фоне можно также с помощью данных Люксембургского исследования доходов¹. Данные о доходах собираются в этом исследовании на микроуровне, однако они имеют одно важное отличие – для оценок показателей неравенства используется шкала эквивалентности, которая позволяет учесть экономию на масштабе потребления. В данном случае доходы корректируются на квадратный корень от количества членов домохозяйства. Однако эмпирические исследования показывают, что такая шкала может являться достаточно жёсткой для ситуации в российском обществе, поскольку в условиях высокой доли расходов домохозяйств, направлен-

¹ LIS Cross-National Data Center – некоммерческая организация, которая поддерживает сравнительную базу международных микроданных о доходах (Luxembourg Income Study Database) для исследований в области социальных наук.

ной на обеспечение базовых потребностей в питании, одежде и обуви, экономия от масштаба оказывается менее значима, чем это предполагается при использовании такой шкалы [Корчагина 2007].

Согласно оценкам Люксембургского исследования доходов, индекс Джини в России оказывается заметно ниже и составляет 31,8. На фоне других стран этот показатель не представляется завышенным – он сопоставим с индексом Джини в Германии, Польше и Венгрии, и заметно ниже показателей в других странах БРИКС, а также США (см. таблицу 3). Такое же позиционирование России на международном фоне показывают и оценки децильного коэффициента – соотношения нижней границы дохода верхнего, наиболее благополучного по доходам дециля, и верхней границы дохода нижнего дециля¹. По оценкам Люксембургского исследования доходов, этот разрыв для России составлял в 2017 г. только 4,4 раза, снизившись с показателя 6,5 в 2000 г. Однако эти данные ещё раз ставят вопрос о корректности использования стандартных шкал эквивалентности для России.

Таблица 3 (Table 3)

Показатели неравенства доходов в выборочных странах, 2011–18 гг.,
Люксембургское исследование доходов
*Income inequality indicators in different countries, 2011–2018,
Luxembourg Income Study data*

Страны	Индекс Джини	Децильный коэффициент
Россия	31,8	4,4
Бразилия	46,2	8,7
Индия	47,9	9,8
Китай	39,6	7,0
Великобритания	33,7	4,1
США	38,4	5,9
Германия	29,6	3,8
Венгрия	26,8	3,2
Польша	28,8	3,5

Источник: данные Люксембургского исследования доходов // URL: <http://www.lisdatacenter.org> (Дата посещения: 23.06.2020).

Приведены данные за последний доступный год для каждой страны по состоянию на 23.06.2020. Последние доступные данные для Швеции представлены за 2005 г., поэтому эта страна была исключена из анализа. Данные по России – на 2017 г.; для расчётов аналитиками LIS используются данные ФСГС РФ.

Неравенство и бедность

С точки зрения неравенства, относящегося к нижней части доходного распределения, – разрыву между наиболее неблагополучной по доходам части населения и остальными, – ситуация в России в последние

¹ В отличие от децильного коэффициента фондов, о котором шла речь выше, здесь используются нижние/верхние границы децилей, а не средний доход децилей.

годы улучшалась, о чём свидетельствуют данные из разных источников. В частности, об этом говорят результаты, представленные в тематических докладах Всемирного банка 2016 и 2018 гг. [World Bank 2016; 2018]. Исследователи подчёркивают, что задача поддержания темпов сокращения бедности, характерных для последних 25 лет, при наблюдающемся снижении темпов экономического роста подразумевает сокращение неравенства и более равномерное распределение доходов в глобальном масштабе. При этом динамика неравенства оценивается через изменение доли доходов/потребления¹, приходящейся на 40% беднейшего населения. Эта граница установлена на основании экспертных оценок.

В России, согласно оценкам исследователей, нижние 40% населения с точки зрения доходного распределения показали более высокие темпы роста потребления в 2008–13 гг., чем население в целом, и таким образом Россия оказалась в числе стран, где степень «всеобщего процветания», выступающего в противовес неравенству, в этот период увеличилась. Для России среднегодовые темпы роста потребления составили в период с 2008 по 2013 г. 5,86% для нижних 40% населения при 5,27% для населения в целом.

По оценкам специалистов организации, снижение неравенства в России за счёт роста благосостояния нижних 40% в период с 2008 по 2013 г. явилось следствием прежде всего роста пенсий и зарплат бюджетного сектора, которые являются важными источниками доходов именно для низкодоходного населения. Меры социальной поддержки играли при этом ограниченную роль, поскольку многие из них не являются адресными и их получателями выступают представители разных слоёв населения. Обновлённые оценки Всемирного банка, опирающиеся на данные 2012–17 гг., показывают продолжение тенденции снижения неравенства в России (см. таблицу 4), хотя темпы роста потребления как среди 40% наиболее низкодоходного населения, так и среди населения в целом в этот период оказались отрицательными в результате развернувшегося в 2014 г. экономического кризиса.

О той же тенденции – сокращении разрыва между нижними по доходам слоями населения и средними группами – свидетельствует и динамика бедности. Выше уже отмечалось, что проблема неравенства по доходам несводима к бедности, однако в социально-политической повестке они часто озвучиваются в единой связке. Однако снижение уровня бедности не означает автоматического сокращения неравенства, хотя может внести в него свой вклад за счёт сближения низших и нижних средних слоёв населения.

В России официально принят абсолютный подход к определению бедности – бедным считается население, имеющее доходы ниже официально установленного в каждом регионе прожиточного минимума. Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума по состоянию на 2019 г. составила 12,3% населения (18,1 млн чел.).

¹ В зависимости от особенностей имеющихся эмпирических данных для разных стран используется либо показатель дохода, либо показатель потребления.

Таблица 4 (Table 4)

Темпы роста средних доходов/потребления нижних 40% населения и населения в целом, 2012–17 гг., Всемирный банк
Annualized growth in mean consumption or income per capita, bottom 40% of the population and the population in general, 2012–2017, World Bank data

Страна	Период	Тип: доход/ потребление	Среднегодовые темпы роста среднего дохода/потребления на душу населения, %	
			Нижние 40%	Всё население
Россия	2013–2018	Потребление	-0,44	-2,27
Бразилия	2013–2018	Доход	-0,43	0,66
Китай	2013–2016	Потребление	8,38	7,12
Великобритания	2011–2016	Доход	1,76	2,42
США	2010–2016	Доход	1,31	1,66
Германия	2011–2016	Доход	-0,20	0,80
Венгрия	2012–2017	Доход	4,84	4,60
Польша	2012–2017	Доход	6,01	4,02
Швеция	2012–2017	Доход	1,39	1,98

Источник: Global Database of Shared Prosperity, circa 2010–2015. World Bank 2018 //URL: <http://pubdocs.worldbank.org/en/280281524500540582/GDSP-circa-2010-2015-Apr-12-2018.pdf>. (Дата посещения: 20.06.2020).

Приведены выборочные данные. Серым фоном выделены страны, где степень неравенства по методике оценки Всемирного банка сокращалась.

В Указе Президента РФ «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 г.», подписанном в 2018 г., была поставлена задача сокращения бедности в два раза. Эта же задача затем была продублирована и в новом Указе «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 г.», подписанном в июле 2020 г. Снижения уровня бедности в два раза по сравнению с показателем 2017 г. предполагается теперь достичь к 2030 г. В сложных социально-экономических условиях, сложившихся в стране в настоящий момент, эта задача представляется достаточно амбициозной. Однако нужно сказать, что за последние три декады проблема бедности в российском обществе качественно изменилась – в частности, в постсоветский период Россия уже добивалась двукратного снижения бедности.

Социально-экономические преобразования 1990-х гг. привели к значительному ухудшению качества и уровня жизни населения и отразились в массовой бедности в этот период, включая бедность среди образованных и квалифицированных работников. Треть населения оказалась в числе бедных в 1992 г., поэтому в тот период бедность выступала для российского общества социальной нормой. Однако по мере того, как экономика и население страны адаптировались к новой реальности, ситуация с бедностью также начала меняться. На достижение цели двукратного сокращения бедности в 2000-х гг. сработал экономический подъём, рост заработных плат в бюджетном секторе и повышение пенсий. В итоге в 2012 г. доля бедных в стране достигла исторического мини-

му за весь период новейшей истории России, составив 10,7%. После этого тренд на снижение численности бедных изменил своё направление, и к 2015 г. доля бедных достигла 13,4%; в следующие годы опять последовало небольшое снижение, однако несмотря на него доля бедных остаётся выше исторического минимума (см. таблицу 5). Отметим, что за этот период неоднократно изменялась методика оценки бедности: в 2000 и 2013 гг. была изменена методология расчёта величины прожиточного минимума, в 2005 г. – состав потребительской корзины.

Тем не менее сегодня массовая бедность уже не является нормой для населения России, а доли имеющих бедных в своём окружении заметно сократились, что определило и изменившееся общественное восприятие этой проблемы [Мареева, Тихонова 2016]. Более того, изменился портрет бедности – в этой зоне в большей степени концентрируются низкообразованные и низкоквалифицированные россияне, характеризующиеся слабыми позициями на рынке труда [Слободенюк, Аникин 2018]. С другой стороны, важный вклад в бедность продолжают вносить демографические факторы (в частности, наличие детей) [Семьи... 2019].

Таблица 5 (Table 5)

Численность и доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума и дефицит денежного дохода, 1992–2018 гг.

Population with income beneath the minimum subsistence level (number of people and share of population) and cash income deficit, 1992–2018

Год	Численность населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума, млн чел.	Доля населения с денежными доходами ниже величины прожиточного минимума от общей численности населения	Дефицит денежного дохода, в процентах от общего объёма денежных доходов населения
1992	49,3	33,5	6,2
1995	36,5	24,8	3,9
2000	42,3	29,0	5,0
2005	25,4	17,8	2,1
2010	17,7	12,5	1,2
2015	19,6	13,4	1,3
2016	19,4	13,2	1,3
2017	18,9	12,9	1,3
2018	18,4	12,6	1,2
2019	18,1	12,3	1,2

Источник: данные ФСГС РФ // URL: [https://www.gks.ru/storage/mediabank/urov_51g\(1\).doc](https://www.gks.ru/storage/mediabank/urov_51g(1).doc), обновлено 29.04.2020; 2019 г. – предварительные данные (Дата посещения: 18.06.2020).

Таким образом, доходное неравенство в нижней части распределения изменилось по своей сути – произошло «подтягивание» доли нижних слоёв к нижней части середины, в то время как оставшиеся в нижней части распределения сформировали более чёткий портрет бедности, отличающийся от «среднего россиянина» и подчёркивающий важность не только низкого уровня доходов, но и ряда немонетарных измерений неравенства.

В целом можно говорить о том, что за последние три десятилетия российское общество массовой бедности трансформировалось в общество массовых средних слоёв (однако насколько при этом благополучен их уровень жизни – отдельный вопрос). Изменилось и восприятие доходного неравенства в общественном сознании. Как показывают исследования, подобная динамика объективной ситуации с бедностью и неравенством привела к вытеснению проблемы бедности на периферию общественного сознания, поскольку сегодня она касается лишь небольшой части населения, в то время как проблема неравенства в восприятии россиян лишь обостряется [Мареева, Тихонова 2016, Мареева 2018].

Анализ абсолютной бедности в соответствии с официально принятым в России подходом позволяет проследить некоторые особенности трансформации доходного неравенства в исторической перспективе, но не позволяет отпозиционировать российское общество на международном фоне. С этой целью могут использоваться международные линии границ бедности и среднего класса, или, иными словами, абсолютные подходы к доходной стратификации обществ. Так, например, в международной практике широко используются различные границы бедности и среднего класса Всемирного банка. Они существуют в разных версиях – так, в прошлом специалисты Всемирного банка использовали границу уровня доходов в \$1 в день по паритету покупательной способности (ППС) как линию абсолютной бедности и её удвоенное значение \$2 – как границу зоны уязвимости к бедности. Затем эти границы были подняты до \$1,9 и \$3,2 по ППС соответственно. При этом для разных стран и регионов, а также в разных публикациях используются и другие границы: например, для стран с уровнем дохода выше среднего граница бедности часто проводится на уровне \$5,5, верхняя граница уязвимости (она же – нижняя граница среднего класса) – на уровне \$11 по ППС в день.

В недавних публикациях по России используются границы бедности и уязвимости в \$5 и \$10 соответственно, при таких границах население с уровнем потребления более 10 долларов в день считается средним классом [World Bank 2014; 2015]. Однако при использовании такой версии абсолютного подхода к доходной стратификации около 90% российского населения попадает в состав среднего класса, в то время как бедные составляют не более 2–3% даже на разных этапах экономического цикла (см. таблицу 6).

Таблица 6 (Table 6)

Доходные группы по методике Всемирного банка, 2014–18 гг.
Income groups according to the World Bank's definition, 2014–2018

Доходные группы	Ежедневный доход/ потребление, \$ по ППС	Численность доходных групп по годам		
		2014	2015	2018
Бедные	5 и менее	2,4	1,5	2,1
Уязвимые	5–10	10,3	9,9	8,4
Средний класс	10 и более	87,3	88,6	89,5

Источник: данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, расчёты автора.

Массивы взвешены с использованием постстратификационных весов, приводящих показатели выборки к параметрам генеральной совокупности по полу, возрасту и типу поселения.

Официальная российская статистика показывает схожие цифры – доля населения с доходами ниже \$1.9 по ППС в день ещё с 2010 г. остаётся на нулевом уровне, с доходами ниже \$5.5 составляет только около 1%, а с доходами ниже \$10 в день снизилась с 8,6% в 2010 г. до 5,4% в 2019 г., также демонстрируя принадлежность подавляющего большинства населения к среднему классу, определённом по таким границам¹. Сам Всемирный банк даёт более сдержанные, но также достаточно высокие оценки – численность группы россиян с расходами на потребление свыше 11 долларов США по ППС в день оценивается ими на уровне более 70%, хотя её динамика в последние годы негативная (79% в 2014 г., 74 – в 2015, 72 – в 2017 и 2018 гг.) [World Bank 2019: 30].

Такая картина – результат качественных изменений, произошедших в российском обществе за последние три десятилетия. Расчёты Всемирного банка демонстрируют, что в 2000 г. к среднему классу относилось лишь чуть больше четверти (27%) российского населения, но к 2010 г. эта доля возросла до 60%. По данным Всемирного банка, в 2010 г. Россия занимала одно из первых мест среди стран со средним уровнем доходов в регионе Европы и Центральной Азии по доле среднего класса в общей численности населения. Так, «в странах региона ЕЦА на долю среднего класса приходится от 2–3% (Таджикистан и Армения) до 80% (Беларусь) от общей численности населения. В рамках этого диапазона лишь очень немногие страны превышают 50% уровень: это Россия, Латвия, Венгрия, Литва и Беларусь» [World Bank, 2014: 34]. Среди факторов роста среднего класса специалисты Всемирного банка назвали доступ к рабочим местам и рост заработных плат как в частном, так и государственном секторах, а также индексацию пенсий. Данные, приведённые выше, свидетельствуют, что рост определённого таким образом экономического среднего класса продолжился и далее, и сейчас уже подавляющее большинство населения страны можно отнести к этой категории.

Возвращаясь к проблеме неравенств, такая динамика демонстрирует и снижение остроты проблемы неравенства в нижней части доходного распределения, о чём мы уже говорили выше. В российском обществе проблему экстремальной бедности, связанной с физическим выживанием, можно считать решённой, что сближает Россию со странами западной Европы, в которой подавляющее большинство населения, согласно этим критериям, также оказывается в среднем классе. С другой стороны, это отличает Россию от стран БРИКС, где бедность, определённая в соответствии с международными линиями, продолжает быть значимым явлением (см. таблицу 7).

¹ ФСГС РФ. Доля населения, имеющего доходы ниже границы бедности, установленной на международном уровне с учётом паритета покупательной способности // URL: <https://www.gks.ru/storage/mediabank/2-6.doc>. Обновлено 29.04.2020 (Дата посещения: 15.06.2020).

Таблица 7 (Table 7)

Показатели монетарной бедности согласно международным линиям бедности, 2011–18 г., Всемирный банк, %
Monetary poverty according to international lines of poverty, 2011–2018, World Bank data, %

Страны	Доля бедных по линии \$1,9 в день (по ППС 2011)	Доля бедных по линии \$3,2 в день (по ППС 2011)	Доля бедных по линии \$5,5 в день (по ППС 2011)
Россия	0,0	0,2	2,3
Бразилия	4,4	9,2	19,9
Индия	21,2	60,4	86,8
Китай	0,5	5,4	23,9
Великобритания	0,2	0,3	0,5
США	1,2	1,5	2,0
Германия	0,0	0,0	0,5
Венгрия	0,6	1,2	3,0
Польша	0,3	0,6	1,4
Швеция	0,2	0,3	0,5

Источник: данные Всемирного банка // URL: <https://data.worldbank.org> (Дата посещения: 15.06.2020).

Приведены данные за последний доступный год для каждой страны по состоянию на 15.06.2020

Концентрация доходов и богатства

Что при этом происходит на другом полюсе доходного распределения? Для измерения неравенства, связанного с отрывом верхушки от остального населения, чаще всего используются показатели концентрации доходов или богатства. Эти данные характеризуются особенными сложностями в их получении, поэтому вокруг них чаще идут бурные методологические дискуссии. Однако даже при тех различиях, которые существуют в методах сбора и обработки данных у исследователей, занимающихся этой проблематикой, общие тенденции, которые высвечивает анализ относительно ситуации в России, сходятся – страна выступает одним из мировых лидеров по концентрации доходов (и в ещё большей степени – богатства) в руках верхних 1–5–10% населения. В частности, к такому выводу приходят аналитики Всемирной базы данных о неравенстве¹. Результаты, изложенные в последнем на данный момент Докладе о неравенстве в мире [Alvaredo et al. 2018], свидетельствуют о том, что в последние десятилетия неравенство в доходах росло практи-

¹ Проект, целью которого является обеспечение открытого доступа к данным об исторической эволюции распределения доходов и богатства в мире как в рамках отдельных стран, так и в международной сравнительной перспективе, и объединяющего целый ряд ведущих учёных, работающих с проблематикой монетарного неравенства в мире в последние годы (таких как Т. Пикетти, Э. Саец и др.). Подробнее см. на официальном сайте World Inequality Database // URL: <http://wid.world/wid-world>

чески во всех странах мира, но разными темпами. Выше всего неравенство в доходах на Ближнем Востоке, ниже всего – в Европе; Россия находится в этом отношении ближе к Европе, но опережает и её, и Китай. Так, по оценкам авторов, в 2016 г. доля национального дохода, приходящегося на 10% населения с наиболее высоким уровнем дохода, составляла 37% в Европе, 41% в Китае, 46% в России, 47% в США и Канаде.

Исследователи отмечают, что официальные оценки неравенства в России значительно недооценивают его рост с 1990-х гг. Доля доходов, приходящаяся на верхний процент населения, сейчас составляет около 20–22%, что примерно соответствует или оказывается даже выше, чем аналогичный показатель для США, и значительно выше, чем в Китае и других посткоммунистических странах Восточной Европы, где доли верхнего процента по доходам находятся в интервале 10–14% [Novokmet et al. 2017]. Ещё выше показатели концентрации богатства – в России доля верхнего 1% в общем богатстве всех домохозяйств увеличилась с 22% в 1995 г. до 43% в 2015 г. Эта доля выше, чем в США (39% в 2014-м), Китае (30% в 2015-м), Франции и Великобритании (в двух последних странах рост концентрации богатства был более умеренным за счёт роста недвижимого имущества среднего класса).

Широко цитируемым (хотя и критикуемым при этом за специфику методологии расчётов) источником, являются также ежегодные доклады Credit Suisse о распределении богатства в мире и по отдельным странам. По оценкам аналитиков Credit Suisse, по величине коэффициента Джини Россия по богатству оказывается в числе стран-лидеров: его значение в 2017 г. составило в ней 0,83, определив её на 20 место из 171 возможных¹. Более высокое значение коэффициента характерно для таких стран, как Венесуэла, Египет, ЮАР, Арабские Эмираты. Россия в этом отношении опережает практически все развитые страны, за исключением США. По концентрации богатства в руках 1–10% наиболее благополучных жителей Россия, по оценкам Credit Suisse, является мировым лидером. Так, у верхнего 1% российского населения находятся 56% совокупного богатства, и по этому показателю Россия разделяет лидирующую позицию в мире с Тайландом, опережая даже США.

Такие данные меняют позиционирование страны на международном фоне по сравнению с тем, о котором мы говорили выше, подчёркивая экстремальные неравенства в верхней части распределения.

Доходная стратификация массовых слоёв населения

Содержательный социологический взгляд на динамику неравенства доходов в середине распределения позволяет дать анализ доходной стратификации, одна из моделей которых, хорошо работающая в условиях современной России, была предложена рабочей группой под руко-

¹ Credit Suisse. Global Wealth Databook 2017. Credit Suisse group AG. Switzerland. P. 113–115.

водством Н. Е. Тихоновой [Тихонова и др. 2018]. Модель позволяет выделить в социальной структуре российского общества пять доходных групп, различающихся не просто уровнем дохода, но связанными с ним качественными особенностями своей повседневной жизни. Границы групп заданы относительно медианного значения дохода. По официальным данным ФСГС РФ, медианный доход составлял в 2018 г. 24755 руб., а в 2019 г. – 26365 руб. на человека в месяц, однако данные выборочных обследований показывают более скромные цифры: так, по данным РМЭЗ НИУ ВШЭ, которые мы используем далее, он составлял в этом году 16500 руб.

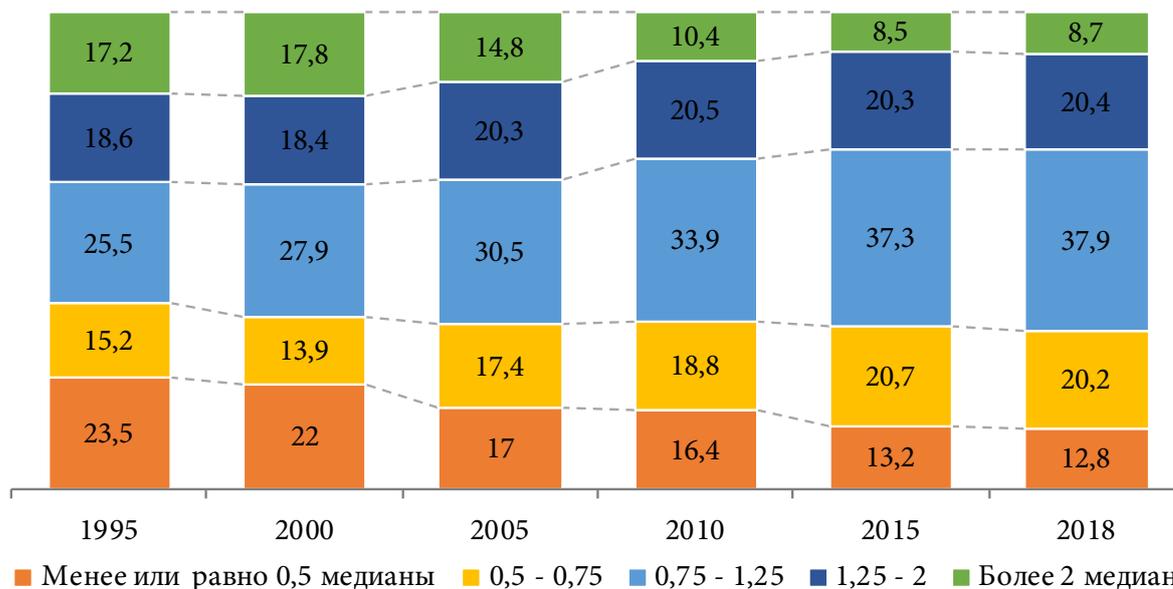
В предложенной классификации граница бедности задана на уровне 0,5 медианного дохода. Граница уязвимости к бедности определена на уровне 0,75 медианы (типичная нижняя граница при выделении среднего класса по доходам) – это те, кто балансируют на границе бедности и сталкиваются с высокими рисками, что их положение ухудшится, если личные обстоятельства или экономическая ситуация в стране изменятся. Бедные и уязвимые к бедности вместе составляют неблагополучную, низкодоходную часть общества. Эта группа оказывается более многочисленной, чем официально бедные с доходами ниже прожиточного минимума.

К «медианной группе» в рамках предложенной модели отнесено население с доходами вокруг медианного значения доходного распределения, т. е. не достигающими или превышающими его не более чем на четверть (0,75–1,25 медианы). В силу заданных таким образом границ, данная группа репрезентирует типичный стандарт жизни всего российского населения. Стандарт в целом очень скромный: лишь меньшинство удовлетворено своим материальным положением, возможности качественно улучшить потребление для представителей этой группы практически недоступны, а запас прочности (например, значимый объём сбережений) невысок. Однако стандарт их жизни уже далёк от стандарта выживания – так, например, они достаточно хорошо обеспечены товарами длительного пользования, а более половины имеют автомобили.

К «среднедоходной» группе относится достаточно благополучное население как с точки зрения уровня доходов (от 1,25 до 2-х медиан), так и соответствующих уровня и качества жизни. Наконец, к высокодоходным слоям населения отнесены имеющие более 2-х медиан доходного распределения. Поскольку в выборки опросов не попадают верхние 3–5% наиболее богатых, в этой группе представлена благополучная часть массового населения, а не та «верхушка», о которой мы говорили выше. Положение представителей этой группы более устойчиво, а стандарт жизни достаточно высок. Они могут выбирать, как расходовать средства, оставшиеся свободными после того, как базовые потребности удовлетворены, а также формировать «подушку безопасности». Им в большей степени доступны потребительские возможности, редкие для населения в целом (отдых за границей, наличие автомобилей-иномарок, покупка дорогих товаров длительного пользования и пр.).

Построенная в соответствии с приведёнными выше границами модель доходной стратификации современного российского общества демонстрирует, что её характеризует ряд особенностей, отражающих специфику монетарных неравенств. Среди этих особенностей – почти полное отсутствие нищеты, связанной с физическим выживанием, а также высокая численность медианной группы, в которой сосредоточена наиболее массовая часть населения. Результаты позволяют утверждать, что российское общество выглядит сейчас если и не как «общество массового среднего класса», но всё же относительно благополучно. В то же время преувеличивать степень благополучия россиян не стоит, учитывая, что уровень медианных доходов в стране не более чем в полтора раза превышает прожиточный минимум. Это определяет достаточно скромный стандарт жизни медианной группы, репрезентирующий типичное положение среднего россиянина (подробнее об уровне и качестве жизни разных групп см.: [Тихонова и др. 2018; Мареева 2017]).

Динамика численности доходных групп за последние два десятилетия показывает заметное увеличение «середины» при сокращении полярных групп – высоко- и низкодоходных. Сегодня наиболее массовой выступает медианная группа, численность которой возросла с 1995 г. с четверти до почти 40% населения; однако её формирование происходило не только за счёт сокращения низкодоходного населения, но и заметного сужения зоны благополучия (характеризующей массовое население, а не верхние 3–5% богатых, которые не попадают в выборки) (см. рис. 2).

Источник: данные РМЭЗ НИУ ВШЭ, расчёты автора

Рис. 2. Динамика численности различных доходных групп, 1995–2018, %

Figure 2. Dynamics of income groups, 1995–2018, %

Таким образом, в последние годы в России происходило нарастание уравнивательных тенденций в отношении доходов массовых слоёв населения – при одновременно всё большем отрыве «верхушки» от основной массы населения, о чём свидетельствуют данные о концентрации доходов и богатства у верхних 1–5% населения.

Заключение

Монетарное неравенство, на первый взгляд, проще для измерения и оценки, чем различные типы немонетарных неравенств, которые в совокупности формируют социальное пространство. Однако разные теоретико-методологические подходы, через которые оно может быть рассмотрено, демонстрируют разные его аспекты. Так, традиционные экономические показатели неравенства доходов (децильный коэффициент, индекс Джини и др.) позиционируют Россию на фоне других стран мира как характеризующуюся высокими, но не максимальными показателями неравенства в массовых слоях населения. Если говорить о неравенстве в нижней части доходного распределения, то оно в 2000-е гг. сокращалось, т. к. численность бедных в целом демонстрировала тенденцию к снижению, а доходы низкодоходного населения росли быстрее, чем доходы населения в целом. Эти тенденции привели к тому, что российское общество трансформировалось из общества массовой бедности в общество массовых средних групп. И хотя уровень их жизни остаётся достаточно скромным, он всё же заметно превышает стандарт физического выживания: можно говорить о массовой малообеспеченности россиян, но не о массовом их обеднении в последние годы.

В полярной части доходного распределения, наоборот, наблюдался значительный и несокращающийся отрыв между «верхушкой», по концентрации доходов и богатства в руках которой Россия является одним из мировых лидеров, и остальным массовым населением. Что же касается середины распределения, то динамика модели доходной стратификации характеризовалась в эти годы значительным ростом численности групп с медианными и средними доходами. Увеличение их численности происходило как за счёт подтягивания части низкодоходных слоёв к середине (что проявилось, в том числе, в заметном снижении уровня бедности в 2000-е гг.), так и за счёт «усреднения» уровня доходов более благополучных слоёв.

Представляется, что подобные тенденции должны были бы снижать социальную напряжённость в группах населения с низким и средним уровнем доходов, поскольку неравенство является одной из наиболее острых социальных проблем в общественном сознании. Однако на практике проблема неравенства не теряет своей остроты, оставаясь ключевой «болевым точкой» нынешнего развития страны [Мареева 2018]. Это связано с целым рядом причин. Ключевые из них: нелегитимность оснований неравенства в глазах населения; острое восприятие россия-

нами растущего «отрыва» немногочисленной «верхушки», а не масштабов неравенства между массовыми группами населения; несоответствие тенденций выравнивания доходов в массовых слоях населения и сокращения высокодоходной группы запросам наиболее образованных и квалифицированных россиян.

В этих условиях особенно важным является понимание необходимости формирования нового общественного договора между обществом и властью, которое пока отсутствует как среди населения, так и во властных элитах. Вопросы, на которые предстоит ответить при определении позиций этого договора в отношении проблемы неравенств, достаточно много, и среди них важное значение имеет вопрос о том, с неравенством между какими группами и какими методами предполагается бороться: идёт ли речь только о поддержании наиболее бедных, о сглаживании неравенств в срединных слоях населения или о сокращении отрыва верхушки от основной массы россиян. Ответы на этот вопрос (и даже его постановка) пока не звучат в социально-политической повестке дня, однако без его решения не может быть эффективно реализован ответ на серьёзный вызов неравенства.

Библиографический список

Авраамова Е. М., Малева Т. М. 2014. О причинах воспроизводства социально-экономического неравенства: что показывает ресурсный подход // Вопросы экономики. № 7. С. 144–160.

Григорьев Л. М., Павлюшина В. А. 2017. Социальное неравенство как проблема экономической стратегии России // Мир новой экономики. № 3. С. 58–71.

Капелюшников Р. И. 2017. Неравенство: как не примитизировать проблему // Вопросы экономики. № 4. С. 117–139.

Корчагина И. И. 2007. Разработка регионального инструментария измерения бедности для целей адресных социальных программ для бедных // Социальная политика: Реалии 21 века. Независимый институт социальной политики. Выпуск 3: GP3/2007. С. 3–31.

Мареева С. В. 2017. Потребительское поведение средних слоев в условиях кризиса // Журнал институциональных исследований. Т. 9. № 1. С. 88–104.

Мареева С. В. 2018. Социальные неравенства и социальная структура современной России в восприятии населения // Вестник Института социологии. № 26. С. 101–120.

Мареева С. В., Тихонова Н. Е. 2016. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. Т. 25. № 2. С. 37–67.

Тихонова Н. Е., Лежнина Ю. П., Мареева С. В., Аникин В. А., Каравай А. В., Слободенюк Е. Д. 2018. Модель доходной стратификации российского общества: динамика, факторы, межстрановые сравнения / Под общ. ред. Н. Е. Тихоновой. М.-СПб.: Нестор-История. 368 с.

Овчарова Л. Н., Попова Д. О., Рудберг А. М. 2016. Декомпозиция факторов неравенства доходов в современной России // Журнал Новой экономической ассоциации. № 3 (31). С. 170–186.

Салмина А. А. 2019. Индикатор неравенства Аткинсона как альтернатива Джини: оценки для России // Социальная политика и социология. Том 18. № 3. С. 83–92.

Семьи с детьми в России: уровень жизни и политика социальной поддержки. Доклад к XX Апрельской междунар. науч. конф. по проблемам развития экономики и общества. Москва, 9–12 апр. 2019 г. 2019 / Под ред. Л. Н. Овчаровой. М.: ИД НИУ ВШЭ. 153 с.

Слободенюк Е. Д., Аникин В. А. 2018. Где пролегает «черта бедности» в современной России? // Вопросы экономики. № 1. С. 104–127.

Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. 2018. World Inequality Report 2018. Executive Summary. World Inequality Lab. 16 p.

Atkinson A. B. 2015. Inequality: What can be done? Harvard University Press. 400 p.

Dallinger U. 2013. The endangered middle class? A comparative analysis of the role played by income redistribution // Journal of European Social Policy. Vol. 23. No 1. P. 83–101.

EBRD. Transition Report 2016–2017. Transition for All: Equal Opportunities in an Unequal World. European Bank for Reconstruction and Development. London, 2017. 104 p.

Grusky D. 2011. The Stories About Inequality That We Love to Tell // The Inequality Reader. Contemporary and Foundational Readings in Race, Class, and Gender. Westview Press. P. 1–13.

Milanovic B. 2016. Global inequality: A new approach for the age of globalization. Harvard University Press. 320 p.

Novokmet F., Piketty T., Zucman G. 2017. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016. National Bureau of Economic Research. No. W23712.

Piketty T. 2014. Capital in 21st century. Harvard University Press. 685 p.

Stiglitz J. 2012. The price of inequality: how today's divided society endangers our future. New York. 560 p.

World Bank. 2014. Russian Economic Report № 31. 47 p.

World Bank. 2015. Russian Economic Report № 33. 44 p.

World Bank. 2016. Poverty and Shared Prosperity 2016: Taking on Inequality. Washington, DC: World Bank. 170 p.

World Bank. 2018. Poverty and Shared Prosperity 2018: Piecing Together the Poverty Puzzle. Washington, DC: World Bank. 176 p.

World Bank. 2019. Russian Economic Report № 42. 63 p.

Статья поступила 14.07.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Мареева Светлана Владимировна, кандидат социологических наук,
ведущий научный сотрудник Института социологии ФНИСЦ РАН;
заведующая центром стратификационных исследований НИУ ВШЭ, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664

Monetary Inequality in Russia in the Sociological Dimension

Svetlana V. Mareeva

Institute of Sociology FCTAS RAS, NRU HSE, Moscow, Russia

E-mail: s.mareeva@gmail.com

ORCID ID: 0000-0002-2057-8518

For citation: Mareeva S. V. Monetary inequality in Russia in the sociological dimension. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 78–98. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.664

Abstract. This article examines the specifics of the income inequality structure in modern Russian society, as well as the tendencies for its change during the country's post-Soviet period of development. It is shown that, compared to other countries, the traditional economic indexes which measure income inequality (decile ratio, Gini coefficient) position the Russian Federation as a country with a high degree of inequality within the mass layers of the population, especially when compared to Europe, albeit the level of inequality is slightly lower compared to BRICS member states. When using equivalence scales, which adjust the people's income after factoring in economies of scale in consumption, Russia's inequality figures improve even more. Based on quintile income distribution and the concentration of income within the highest quintile, Russia also occupies an intermediate position, surpassing most European countries, though not BRICS member states. However, the highest quintile is characterized by a high degree of differentiation. When transitioning from the wealthiest 20% of the population to the 1–5%, Russia's place among other countries of the world changes significantly: when it comes to the gap between the "upper crust" and the masses, Russia can be considered one of the leading countries in the world.

It has also been revealed that on the other end of the income distribution spectrum, at the population's lower strata, there has been a noticeable "rise" of low-income groups in the last few years, with them somewhat approaching the middle. It was manifested in a more rapid increase in prosperity among the lower 40% of the population when compared to the population in general, as well as in a noticeable decrease in poverty levels during the 2000's. Those citizens who were left in the lower strata of income distribution created a clearer image of poverty, which differs from the "average Russian" and emphasizes the importance of gauging not only low income level, but also an array of non-monetary inequality dimensions. Such a process of "homogenization" has led to an increase in the size of groups with median and average income, with them being the most numerous groups in the current structure of Russian society. However, the increase in the number of people in said groups was not only caused by their shifts from low-income groups of the population, but also because of some members from the more prosperous strata experiencing an "averaging" of their level of income as well.

Keywords: sociology, income inequality, wealth inequality, poverty, middle income group, income stratification

References

Alvaredo F., Chancel L., Piketty T., Saez E., Zucman G. World Inequality Report 2018: Executive Summary. Paris, World Inequality Lab, 2018.

Avraamova E.M., Maleva T.M. On the Causes of Socio-Economic Inequality Reproduction: What Does Resources Approach Show? *Voprosy Ekonomiki = Issues of Economics*, 2014: 7: 144–160 (In Russ.).

Dallinger U. The endangered middle class? A comparative analysis of the role played by income redistribution. *Journal of European Social Policy*, 2013: 23 (1): 83–101.

Families with children in Russia: living standards and social support policies. Ed. by Ovcharova L.N. Moscow, NRU HSE publ., 2019 (In Russ.).

Global Wealth Databook 2017 by Credit Suisse. Zurich, Credit Suisse group AG, 2017.

Grigoriev L.M., Pavliushina V.A. Social inequality as a problem of Russian economic strategy. *Mir novoy ekonomiki = World of New Economics*, 2017: 3: 58–71 (In Russ.).

Grusky D. The Stories About Inequality That We Love to Tell. In: *The Inequality Reader. Contemporary and Foundational Readings in Race, Class, and Gender*. Westview Press, 2011: 1–13.

Kapeliushnikov R.I. Inequality: How not to primitivize the problem. *Voprosy Ekonomiki = Issues of Economics*, 2017: 4: 117–139 (In Russ.).

Korchagina I.I. Development of regional instruments for measuring poverty for targeted social programs for the poor. *Social'naja politika: realii XXI veka = Social Policy: Realities of XXI Century*, 2007: 3: 3–31 (In Russ.).

Mareeva S.V. Consumption behavior of middle strata in times of economic crisis. *Zhurnal institutsional'nykh issledovaniy = Journal of Institutional Studies*, 2017: 9 (1): 88–104 (In Russ.).

Mareeva S.V. Social inequities and the social structure of modern Russia as perceived by the population. *Vestnik Instituta sotziologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2018: 9 (3): 101–120 (In Russ.).

Mareeva S.V., Tikhonova N.E. Public Perceptions of Poverty and Social Inequality in Russia. *Mir Rossii = Universe of Russia*, 2016: 25 (2): 37–67 (In Russ.).

Milanovic B. *Global inequality: A new approach for the age of globalization*. Harvard University Press, 2016.

Model of income stratification of Russian society: dynamics, factors, cross-country comparisons. Ed. by N.E. Tikhonova. Saint Petersburg, Nestor-Istoriya, 2018. (In Russ.).

Novokmet F., Piketty T., Zucman G. From Soviets to Oligarchs: Inequality and Property in Russia, 1905–2016. National Bureau of Economic Research. Release No. W23712, 2017.

Ovcharova L.N., Popova D.O., Rudberg A.M. Decomposition of Income Inequality in Contemporary Russia. *Jurnal Novoy Ekonomicheskoy Associacii = Journal of the New Economic Association*, 2016: 3 (31): 170–185 (In Russ.).

Piketty T. *Capital in 21st century*. Harvard University Press, 2014.

Salmina A.A. Atkinson's inequality measure as an alternative to Gini: estimates for Russia. *Social'naja politika i sotsiologija = Social Policy and Sociology*, 2018: 18 (3): 83–92 (In Russ.).

Slobodeniuk E.D., Anikin V.A. Locating the “poverty threshold” in Russia. *Voprosy ekonomiki = Issues of Economics*, 2018: 1: 104–127 (In Russ.).

Stiglitz J. *The price of inequality: how today's divided society endangers our future*. New York, 2012.

Transition Report 2016–2017 by European Bank for Reconstruction and Development. *Transition for All: Equal Opportunities in an Unequal World*. London, EBRD, 2017.

World Bank. *Russian Economic Report No. 31*. World Bank, 2014.

World Bank. *Russian Economic Report No. 33*. World Bank, 2015.

World Bank. *Russian Economic Report No. 42*. World Bank, 2019.

World Bank. *Poverty and Shared Prosperity 2016: Taking on Inequality*. Washington, DC: World Bank, 2016.

World Bank. *Poverty and Shared Prosperity 2018: Piecing Together the Poverty Puzzle*. Washington, DC: World Bank, 2018.

The article was submitted on: July 14. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Mareeva Svetlana Vladimirovna, Candidate of Sociological Sciences,
leading Researcher, Institute of Sociology FCTAS RAS;
Head of Center for stratification studies, NRU HSE. Moscow, Russia

ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИИ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.665

Положение бедного населения в социальной структуре региона (на материалах Орловской области)

Ссылка для цитирования: Алексеёнок А. А., Каира Ю. В., Колмогоров Е. В. Положение бедного населения в социальной структуре региона (на материалах Орловской области) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3. С. 99–120. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.665

For citation: Alekseionok A. A., Kaira Yu. V., Kolmogorov E. V. The situation of the poor in the regional social structure (based on the materials of the Orel region). *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 99–120. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.665

Алексеёнок Анна Алексеевна

Среднерусский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, Орёл, Россия

alexaconst@rambler.ru

AuthorID ПИНЦ: [25760](#)

Каира Юрий Владимирович

Среднерусский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, Орёл, Россия

kaira@orel.ranepa.ru

AuthorID ПИНЦ: [334997](#)

Колмогоров Евгений Владимирович

Среднерусский институт управления –
филиал Российской академии народного хозяйства
и государственной службы, Орёл, Россия

jonson1974@bk.ru

AuthorID ПИНЦ: [1078546](#)

Аннотация. В статье представлены результаты авторского исследования, проведённого в одном из значимых аграрных регионов России – Орловской области. В основу исследования был положен интегративный подход, предполагающий сочетание объективных и субъективных критериев и подкритериев отнесения к бедным слоям. Репрезентативность выборки (n=1154) обеспечена по возрасту, полу, сферам занятости и типу населённого пункта, ошибка выборочной совокупности не превышает 2,3%. Методика интерпретации результатов исследования основана на делении социума на бедные и «небедные» слои, как это было принято в анализе бедности и неравенства в современной России в одноимённом докладе Института социологии РАН. Такой интерпретативный подход позволил авторам выявить существенные различия в качественных оценках и количественных характеристиках феномена бедности представителями выделенных слоёв бедных и небедных. Результаты проведённых исследований позволили дифференцировать приоритетные причины бедности по оценкам как самих бедных, так и небедных.

Авторами установлено, что при самопозиционировании населения в региональной социальной структуре небедные склонны занижать своё положение относительно объективных значений критериев бедности, а сами бедные склонны завышать своё социальное положение. Сравнение бедных и небедных по социально-профессиональным критериям подтвердили одно из положений теории социальной стратификации, расширительное толкование которого предполагает прямую зависимость между уровнем образования и принадлежностью к небедным слоям. Суммарным итогом исследования стали выводы о меньшей полноценности жизни представителей бедных слоёв населения Орловской области по сравнению с небедными, особенно в части коммерциализированных форм досуга, и о пребывании первых в состоянии депривации, несмотря на их стремление к самопозиционированию вне зоны бедности.

В результате авторами делается вывод, что в условиях, когда проблема бедности носит глобальный характер и в последние несколько лет становится целевым показателем всё большего круга стран и регионов, таргетирование бедности должно быть приоритетом и российской социальной политики как на федеральном, так и на региональном уровне.

Ключевые слова: бедность, критерии бедности, причины бедности, социальная стратификация, социальная структура

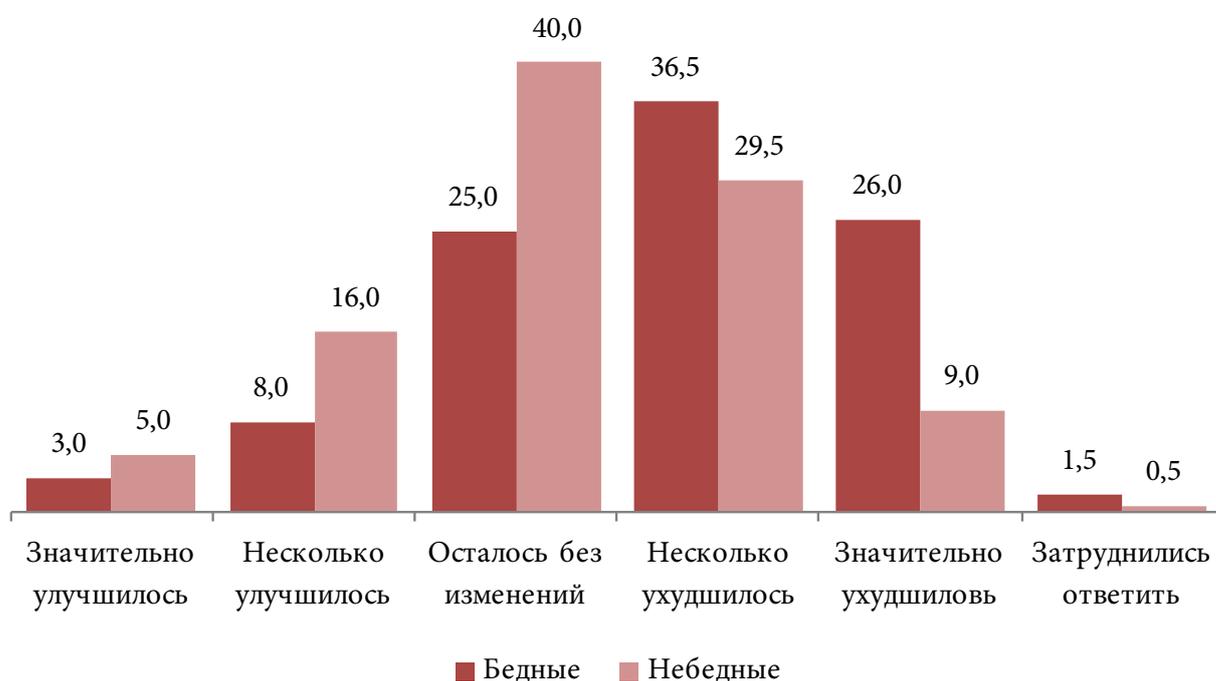
Уровень бедности является одним из ключевых показателей развитости регионов. Рейтинги субъектов РФ по уровню бедности населения и по уровню жизни сильно коррелируют, и почти все регионы с большой долей бедных характеризуются неразвитостью социально-экономической сферы, а регионы с небольшой долей населения с доходами ниже прожиточного минимума характеризуются высокоразвитой социально-экономической сферой [Печетова 2017: 223–226]. Большое внимание исследованию социальной структуры и социального пространства регионов уделяется в работах З. Т. Голенковой [Голенкова, Самба 2019: 5–17].

Ученые института социологии РАН разработали методику исследования положения бедного населения, которая была успешно апробирована при анализе положения бедного российского населения в социальной структуре социума, а её результаты представлены в аналитическом докладе «Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя»

[Бедность и неравенства... 2013] и научной монографии «Бедность и бедные в современной России» [Бедность и бедные... 2014]. Исследование проводилось под руководством академика М. К. Горшкова [Горшков 2020: 232–242]. В исследовании приняли участие Н. Е. Тихонова [Тихонова 2014: 7–19], С. В. Мареева [Мареева, Тихонова 2016: 37–67], Ю. П. Лежнина [Лежнина 2014: 20–28], Е. И. Пахомова, В. В. Петухов, И. О. Тюрина, Н. Н. Седова [Горшков, Седова 2015: 4–16].

Данная методика, основанная на интеграционном применении комплекса взаимосвязанных объективных и субъективных критериев и подкритериев, легла в основу социологического исследования «Положение бедного населения в социальной структуре региона», проведённого на кафедре «Социология и информационные технологии» Среднерусского института управления – филиала РАНХиГС при Президенте РФ в апреле–мае 2017 г.¹

Начать исследования положения бедного населения в социальной структуре региона целесообразно с социально-экономических или материально-имущественных критериев. В начале исследования были проанализированы изменения социально-экономического положения, произошедшие в семьях бедного и небедного населения за прошедший год (см. рис. 1).

Рис. 1. Изменение социально-экономического положения семей бедного и небедного населения за прошедший год, %
Figure 1. Changes in the socio-economic status of impoverished and non-impoverished families for the previous year, %

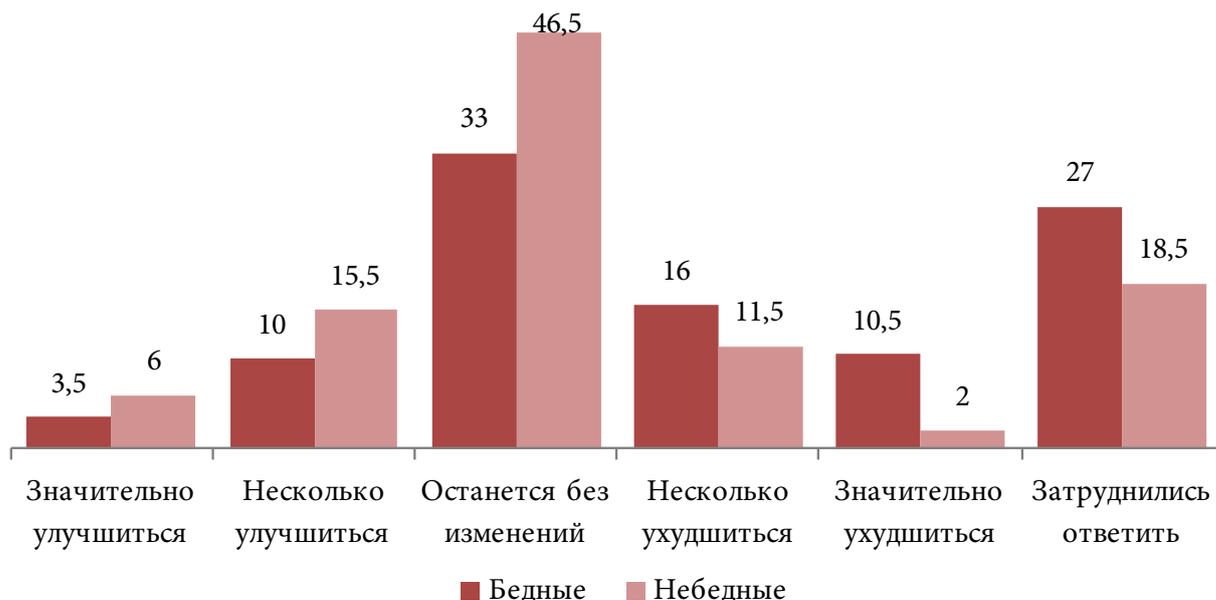
¹ Массовый опрос населения г. Орла и Орловской области «Бедные социальные слои современного российского общества». Исследование проводилось в апреле–мае 2017 г. Выборочная совокупность составила 1154 чел. Репрезентативность выборки обеспечивается по возрасту, полу, сферам занятости, по типу населённых пунктов. Ошибка выборочной совокупности не превышает 2,3%.

Особенно ярко дифференциация изменения социально-экономического положения семей бедного и небедного населения прослеживается в крайне негативных оценках. Так, каждый четвёртый представитель бедного населения отмечает значительное ухудшение материального положения семьи за истекший год, среди небедных такую оценку даёт в три раза меньшее число респондентов (26,0 и 9,0% соответственно). Это говорит о том, что негативное положение бедного населения региона не только не улучшается или хотя бы стабилизируется, а, напротив, продолжает усугубляться. Достаточно противоречиво можно интерпретировать ответы бедного и небедного населения о том, что их социально-экономическое положение за истекший год осталось неизменным. Так, тот факт, что почти половина небедного населения региона говорит о неизменности своего материального положения, свидетельствует о его стабильности и может трактоваться с позитивной стороны. В то же время выбор такого же варианта ответов бедными говорит о том, что их социально-экономическое положение продолжает оставаться негативным. Если говорить о положительных оценках респондентов, то в них так же будет прослеживаться значительная дифференциация между бедным и небедным населением. Так, 11% бедных заявили об улучшении социально-экономического положения своей семьи за истекший год; в семьях небедного населения такое улучшение происходит в два раза чаще. Каждый пятый представитель небедного населения заявил об улучшении материального положения своей семьи за истекший год.

Насколько оптимистично оценивают бедные и небедные свои перспективы, помогли выявить их ответы на вопрос о том, какие изменения материального положения своих семей респонденты ожидают в ближайшем будущем (см. рис. 2).

Из результатов распределения ответов респондентов, представленных на рисунке 2, можно сделать вывод, что население области достаточно пессимистично и неуверенно оценивает своё будущее. Об отсутствии уверенности в «завтрашнем» дне говорит тот факт, что каждый пятый житель небедного и каждый четвёртый бедного населения затрудняются с оценкой своего будущего материального положения (18,5 и 27,0% соответственно). Каждый третий бедный считает, что его положение останется без изменений, т. е. по-прежнему в состоянии бедности, а каждый четвёртый, – что со временем положение только ухудшится (26,5%).

В то же время оптимистично своё будущее оценивает каждый пятый небедный житель региона. Среди бедных оптимистов меньше, и об улучшении собственного материального положения говорит лишь 13,5%.

Рис. 2. Оценка перспектив изменения социально-экономического положения бедного и небедного населения, %

Figure 2. Evaluation of the prospects for change in the socio-economic status of impoverished and non-impoverished groups of the population, %

Приведённые результаты исследований и сформулированные выводы свидетельствуют о том, что проблема бедности является крайне актуальной и злободневной для региона. Это обусловило необходимость выявить факторы, которые приводят население в состояние бедности [Тихонова 2018b]. Представителям как бедного, так и небедного населения было предложено назвать причины, которые оказывают наибольшее влияние на попадание индивида в состояние бедности (см. рис. 3).

На первое место среди факторов, приводящих индивидов в состояние бедности, большинство респондентов поставили безработицу. То, что человек длительное время не имеет работы по причине отсутствия рабочих мест, отсутствия необходимого образования или недостаточной квалификации, лишает его основного материального достатка – заработной платы, что и является, по мнению респондентов, первостепенной причиной бедности: так считают более половины небедного населения и чуть менее половины бедного (65 и 46% соответственно). Если первый фактор попадания индивида в состояние бедности респонденты связывали с отсутствием заработной платы, то в качестве второго фактора они называли её малую величину. Этот факт является достаточно очевидным, т. к. в Орловском регионе зарегистрирован один из самых низких по стране уровень заработной платы. На эту причину бедности указали 40,5% небедного и 30,3% бедного населения. Одной из причин бедности является и повышенная иждивенческая нагрузка. Этот фактор назвала третья часть как небедного, так и бедного населения (31,6 и 32,1% соответственно). Каждый четвёртый респондент из обеих групп населения в качестве причины бедности указал депрессивность района проживания. О низком социально-экономическом уровне Орловской области было упомянуто выше. Если по второму, третьему и четвёртому факторам как бедные, так и небедные респонденты выразились достаточно единодушно, то по остальным факторам наметились следующие разногласия и противоречия.

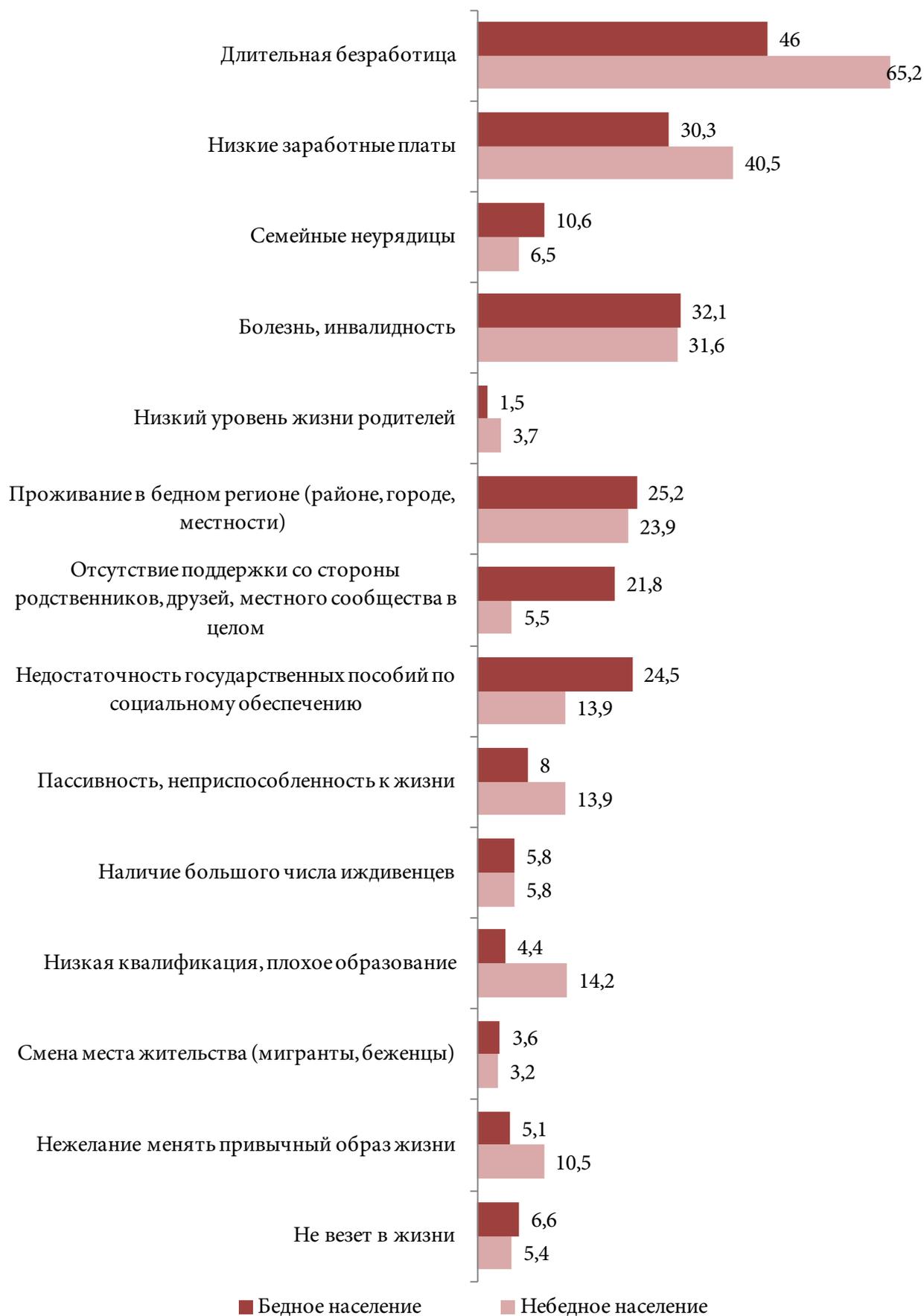

Рис. 3. Субъективные оценки причин бедности, %
 Figure 3. Subjective evaluations of what causes poverty, %

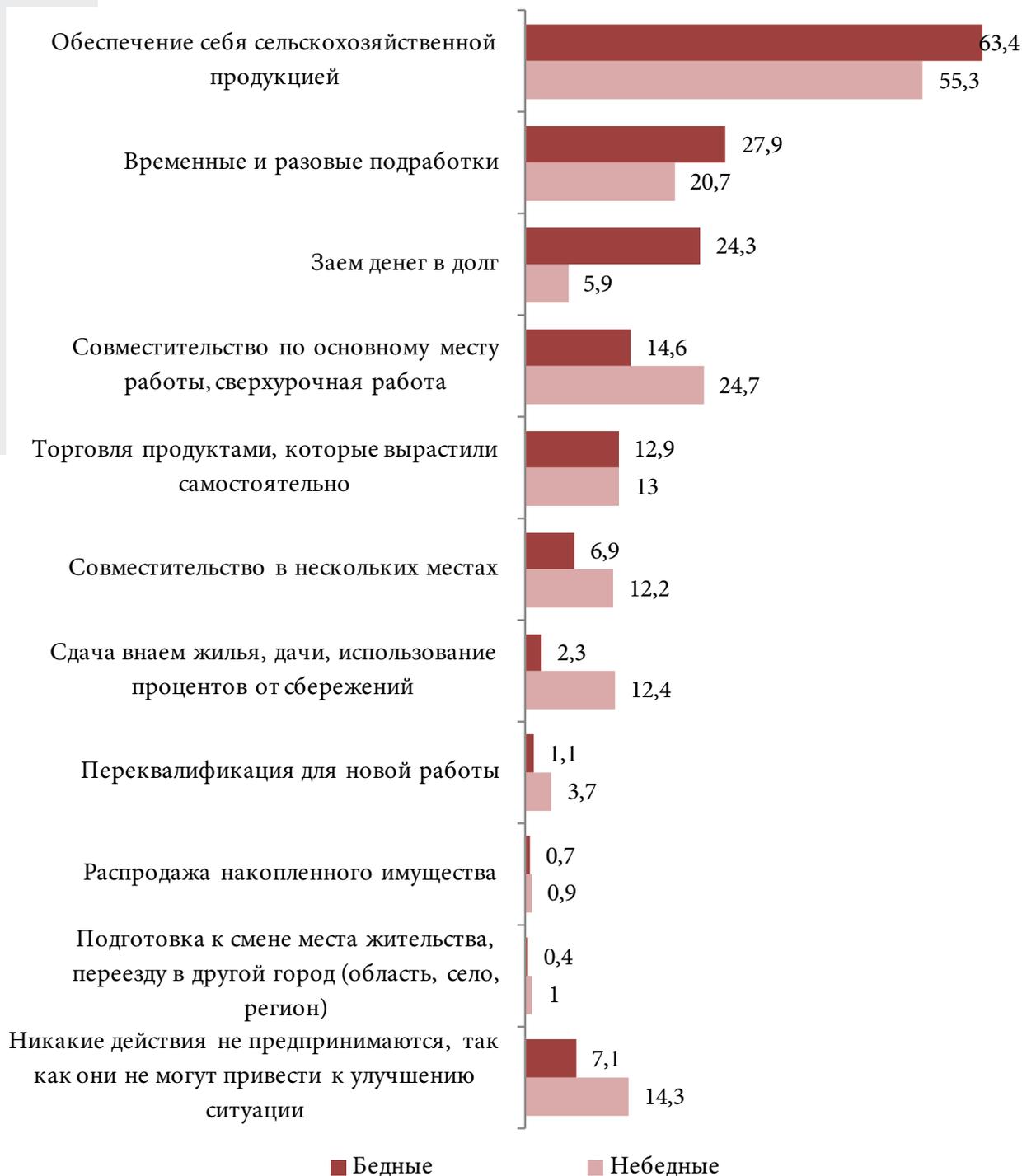
Так, каждый четвёртый бедный считает, что в состояние бедности он попал из-за недостаточной поддержки государства. Такой выраженный патернализм присущ 24,5% опрошенных бедных. С данной позицией переплетается фактор «отсутствия поддержки родственников, друзей, местного сообщества». То есть, более пятой части бедных (21,8%) ответственность за своё материальное положение перекалдывают на других.

Небедное население на этот счёт имеет другое мнение. Они считают, что в состоянии бедности человек оказывается из-за низкой квалификации и недостаточного образования (т. е. нежелания обучаться, работать над собой, осваивать профессию) – 14,2%. Сюда же относятся «пассивная жизненная позиция, нежелание приспособливаться к жизненным условиям» – 13,9%, «нежелание менять привычный образ жизни» – 10,5%. Необходимо отметить, что сами бедные эти факторы приводят в 2–4 раза реже. Данная тенденция прослеживается и при анализе ответов респондентов на вопрос о безработице, поскольку бедные (46%) считают, что в это состояние их привело отсутствие работы.

Из сказанного можно сделать вывод, что в состояние бедности людей приводит лень, нежелание учиться, работать, вести активный образ жизни, иметь жизненную позицию и установки, нацеленные на самосовершенствование, что отличает их в худшую сторону от небедного населения. С целью ещё наглядней проиллюстрировать заявленный тезис, сравним направления деятельности, которые выбирают представители бедного и небедного населения для улучшения социально-экономического положения семьи (см. рис. 4).

Как видим, сельхозпродукция является серьёзным подспорьем как для бедного (63,4%), так и для более половины (55,3%) небедного населения. Это не удивительно, т. к. Орловская область долгое время являлась аграрным регионом, и подавляющее большинство её жителей имеют непосредственную связь с сельской местностью, в которой проживают их родственники.

Одним из популярных способов улучшения материального положения и получения дополнительных доходов выступают различного рода подработки [Тихонова 2017]. Примечательно, что свыше четверти представителей бедного населения (27,9%) прибегают к разовым, временным подработкам, которые случайным образом «подворачиваются под руку», не прилагая к их поиску дополнительных специальных усилий. Среди небедного населения этот способ получения дохода менее популярен, к нему прибегает только пятая часть (20,7%) респондентов данной социальной категории. Наиболее популярными среди небедного населения являются подработки, носящие стабильный характер. Так, каждый четвёртый из них имеет совместительство по основному месту работы – 24,7%. Среди бедного населения, использующего данный вид подработок, на десять процентов меньше – 14,6%. Также в два раза реже (6,9 и 11,2% соответственно) бедные используют совместительство в нескольких местах на постоянной основе. Определённая часть небедного населения получает дополнительные материальные поступления от сбережений, накоплений и от сдачи в аренду жилья и недвижимости (12,4%). У бедных такой вид подработок встречается в шесть раз реже, т. е. практически отсутствует – 2,3%.

Рис. 4. Направления деятельности, которые выбирают представители бедного и небедного населения для улучшения социально-экономического положения семьи, %

Figure 4. Fields of activity chosen by people from impoverished and non-impoverished groups of the population in order to improve their families' socio-economic status, %

Среди бедных практически отсутствуют и те, кто рассматривают получение дополнительной квалификации или переквалификацию для получения дополнительных материальных поступлений – 1,1%. Небедные прибегают к такому способу в три раза чаще – 3,7%. Невысокий процент этого показателя среди небедных может свидетельствовать не об отсутствии желания профессионального роста, а о том,

что они уже достигли определённого желаемого уровня. Тот факт, что определённая часть небедного населения не предпринимает никаких действий для улучшения социально-экономического положения семьи (14,3%), может быть интерпретирован тем, что каждый десятый представитель данной социальной категории не нуждается в этом. Но то, что 7,1% бедного населения, несмотря на тяжёлую жизненную ситуацию, не предпринимает никаких попыток её исправить, свидетельствует о пассивной жизненной позиции, фатализме, отсутствии желания что-либо предпринимать для улучшения своей жизни.

Следующий вопрос касался достижений, которые произошли за текущие несколько лет в семьях бедного и небедного населения (см. рис. 5).

Рис. 5. Достижения бедного и небедного населения за текущие несколько лет, %
 Figure 5. Achievements of impoverished and non-impoverished groups of the population throughout the last few years, %

Показательно, что отсутствие активности, безынициативность, пассивная жизненная позиция бедных отразились и на их достижениях [Тихонова 2018а]. По всем позициям, заявленным в анкете, бедные уступают небедным. Значительно (в семь раз) они уступают в увеличении накоплений и сбережений (2,9 и 19,7% соответственно), в карьерном и профессиональном росте, продвижении по карьерной лестнице, получении новой интересной работы или назначении на перспективную должность (2,2 и 15,4%). В два раза реже бедные повышают уровень образования и квалификации (11,5 и 21,9%). Нежелание учиться, низкий профессиональный уровень являются своеобразной «визитной карточкой» бедного населения. По ряду других показателей бедные также уступают

небедному населению, хоть и не с таким значительным разрывом: повышение материального благосостояния (12,3 и 17,8% соответственно), дорогостоящие приобретения – машина, дача (7,9 и 11,0%). Почти 62% бедного населения констатировали, что за текущие несколько лет они ничего из перечисленного выше не добились. Это ещё раз подтверждает пассивность их жизненной позиции, говорит об отсутствии достижительных установок.

Целью следующего вопроса было выяснить основные источники доходов бедного и небедного населения (см. рис. 6).

Рис. 6. Основные источники доходов бедного и небедного населения, %

Figure 6. Main sources of income for the impoverished and the non-impoverished, %

Рисунок показывает, что наибольшие различия наблюдаются в таком источнике, как «зарплата». Две трети небедного населения (75,5%) указывают данный источник основным, но среди бедного населения зарплата является основным источником доходов лишь у половины населения (50,1%). Таким образом, две трети небедного населения имеют размер заработной платы, позволяющий вести достойное существование, не прибегая к поиску иных источников доходов.

Что касается бедного населения, то, несмотря на жизненную пассивность и нежелание прилагать усилия для получения каких-либо достижений и работать дополнительно, размер заработной платы половины представителей данного социального слоя не позволяет удовлетворять даже самые минимальные потребности и вынуждает их искать альтернативные источники доходов.

Результаты анализа остальных источников доходов бедного и небедного населения показал, что их структура имеет много общего. Второе место среди источников доходов и бедного, и небедного населения занимают социальные выплаты, получаемые от государства (пенсии, стипендии и т. п.). Данный источник доходов указали чуть более половины бедного и чуть менее половины небедного населения (52,7 и 44,2% соответственно). Примерно равное распределение в процентном отношении и у бедного, и у небедного населения составили «подсобное хозяйство, приусадебный участок, огород» (11,5 и 13,0%), «помощь родственников и друзей» (12,5 и 11,9%), «разовые подработки» (9,7 и 7,7% соответственно).

Источник «доходы от собственности» является наиболее дифференцирующим. Он практически отсутствует у бедного населения (0,7%). Если рассматривать источники основных доходов у небедного населения, то он будет находиться на последнем месте, но если сравнивать с бедным, то он будет превышать процентное соотношение в 9 раз.

Ещё одним критерием, на основании которого можно проанализировать положение бедного населения в социальной структуре общества, является структура расходов. На рисунке 7 представлена в процентном распределении структура расходов бедного и небедного населения.

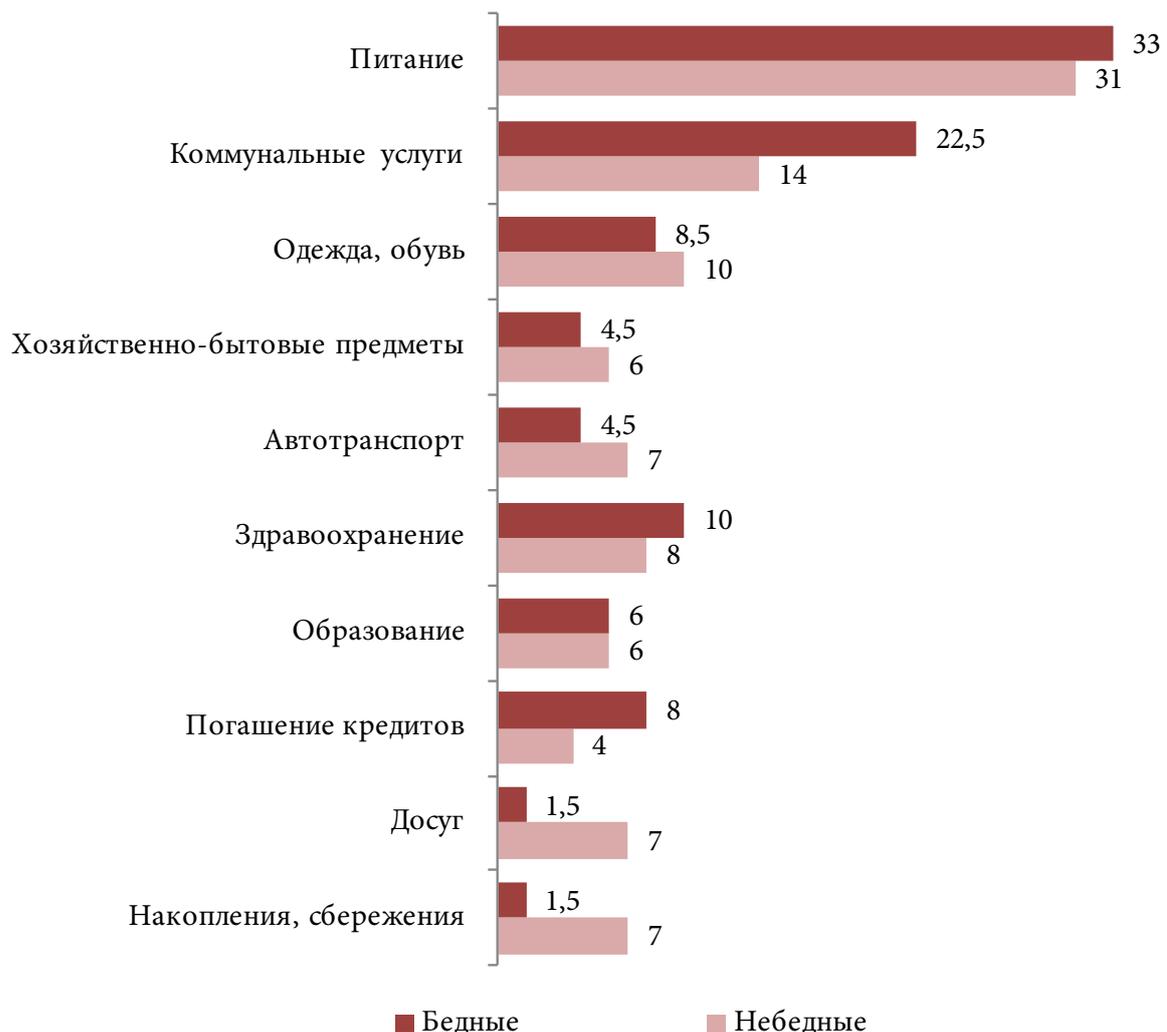

Рис. 7. Структура расходов населения, %
 Figure 7. Population income structure, %

На рисунке продемонстрировано, что третья часть расходов бедных и небедных уходит на питание (33,0 и 31,0% соответственно). В данном случае одинаковый процент будет свидетельствовать о различии в питании этих двух групп населения, так как заработная плата бедных значительно ниже, чем у остального населения, а в результате и сумма, которая приходится на их питание, значительно меньше, чем у небедных, что отражается на качестве приобретаемых бедными продуктов, на их количестве и разнообразии. Таким образом, более половины бюджета бедного населения уходит на питание.

Чуть менее четвертой части расходов бедных приходится на услуги ЖКХ (22,5%). Данная статья расходов является неизменной, и на её величину никак нельзя повлиять. Значительную часть расходов бедных забирает здравоохранение. Это говорит о том, что в состоянии бедности попадают люди, имеющие проблемы со здоровьем (пенсионеры; семьи с маленькими детьми; люди с ограниченными возможностями здоровья, среди которых также могут быть пенсионеры и дети), поэтому расходы на медицину являются неизменной составляющей бюджета бедного населения. Транспортные расходы свидетельствуют об использовании бедным населением в основном общественного транспорта, в то время как небедное население ездит преимущественно на собственных автомобилях.

Значительную часть расходов бедных, по которой они в два раза превосходят небедное население, составляет погашение кредитов (8 и 4% соответственно). Цели получения кредитов бедными и небедными также разнятся. Небедное население чаще всего берёт кредит на покупку дорогого автомобиля или для улучшения жилищных условий. Бедное население берёт потребительские кредиты преимущественно для покупки товаров длительного пользования (холодильник, телевизор) или для покупки предметов «роскоши», которыми пользуются представители небедного населения, но покупка которых для бедного населения возможна только в кредит. Так называемое «компенсаторное потребление» является характерной чертой бедного населения, и они приобретают айфоны и айпады, а потом несколько лет выплачивают за них деньги.

Самое большое отличие у бедного и небедного населения отмечается по статьям «досуг» (1,5 и 7% соответственно) и «накопления и сбережения» (1,5 и 7%). Для последней статьи у бедных просто нет лишних денег, которые они смогли бы откладывать. Что касается досуга бедных, то здесь всё трактуется не так однозначно. Досуговые практики бедных гораздо скудней, чем у небедных, и связано это не всегда с материальными затратами (см. рис. 8).

Очевидно, что даже по малозатратным досуговым практикам бедные значительно уступают небедному населению. Почти в два раза реже бедные гуляют, проводят время на природе (24 и 43% соответственно), слушают музыку и читают книги (23 и 42%), присутствуют в соцсетях, играют в компьютерные игры (15 и 36%). Бедные гораздо реже встречаются или общаются с друзьями (37 и 56%), имеют хобби (10 и 18%). Все перечисленные досуговые практики ещё раз характеризуют бедных как пассивную группу с ограниченным кругозором и интересами.

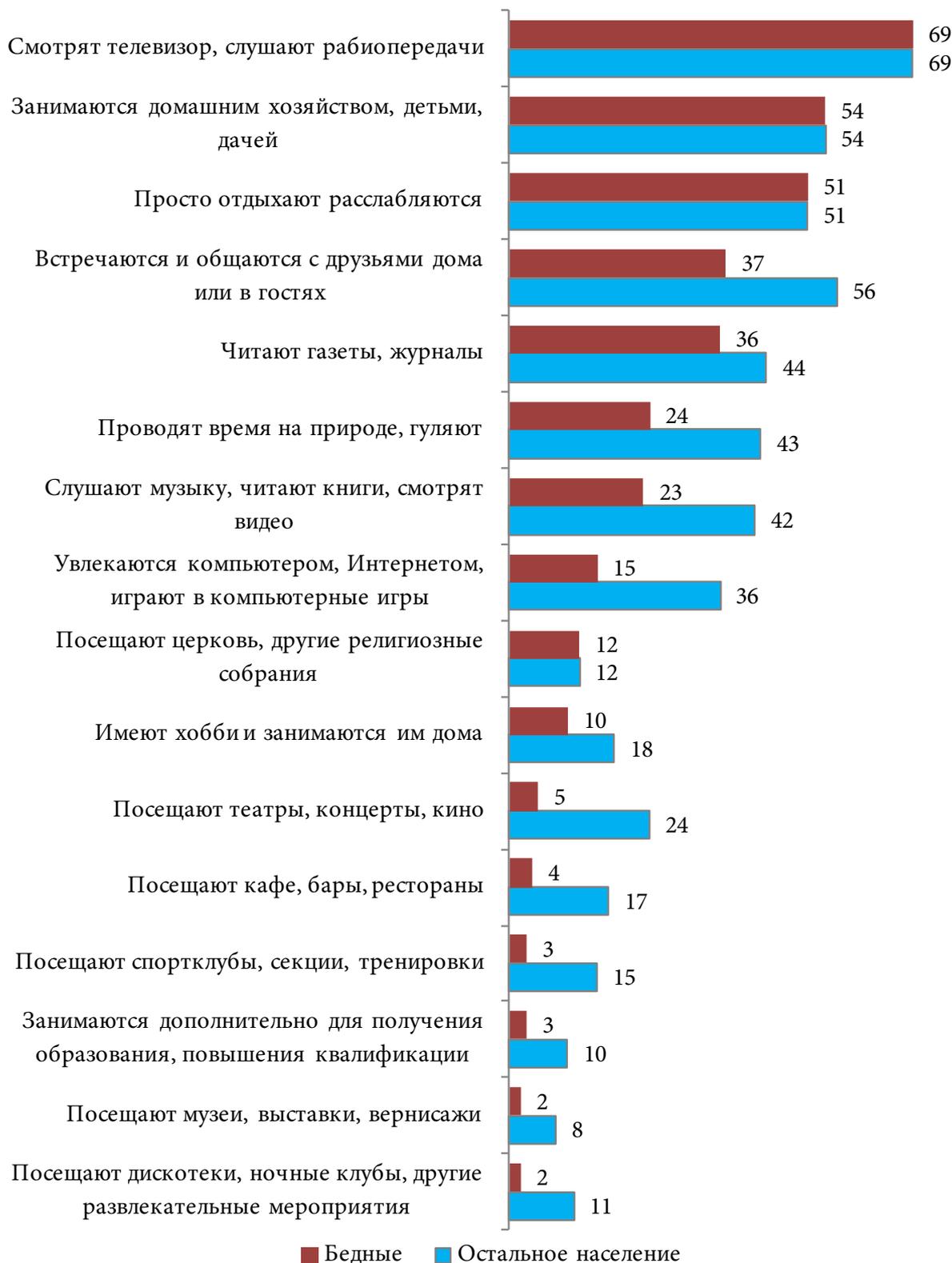

Рис. 8. Досуговые практики бедного и небедного населения, %

Figure 8. Recreation practices of the impoverished and the non-impoverished, %

Закончив анализ положения бедного населения в социальной структуре общества на основании социально-экономических критериев, перейдём к анализу их положения на основании социально-профессиональных критериев (см. таблицу 1).

Таблица 1 (Table 1)

Образовательный уровень, сфера занятости по отраслям производства, форма собственности предприятия, престиж профессии, %
Level of education, field of employment by branch of industry, form of enterprise ownership, prestige of trade, %

Должностные позиции и виды предприятий	Бедные	Небедные
Уровень образования		
Не более 9 классов школы	6,9	2,7
10 или 11 классов школы	16,5	10,2
Училище, техникум, колледж	40,5	35,2
Вуз, аспирантура, учёная степень	36,1	51,7
Сферы занятости		
Сельское хозяйство	7,0	9,5
Промышленность	10,5	16,5
Транспорт и связь	6,0	4,5
Наука, культура, образование, здравоохранение	12,0	8,5
Госслужба	4,5	4,5
Правоохранительные органы, военные	1,0	4,0
Торговля и услуги	7,0	12,0
Финансы и кредит	2,0	3,0
Учащийся, студент	4,5	9,0
Пенсионер	38,5	25,0
Домохозяйка, в декретном отпуске	2,0	1,0
Безработный	3,0	1,5
Форма собственности предприятия		
Государственная	40,5	37,5
Частная	32,5	47,0
Другая	27,0	15,5
Престиж профессии		
Самая престижная	12,9	12,8
Скорее престижная, чем не престижная	14,1	24,9
Средний престиж профессии	23,5	37,0
Скорее непрестижная, чем престижная	15,4	15,1
Самая непрестижная	34,2	10,1

Представленные данные позволяют проследить прямую взаимозависимость уровня образования и социального положения населения. Почти четвертая часть бедного населения не имеет не только высшего, но даже начального профессионального образования (23,4%). Среди небедных получением данного вида образования ограничилось в два раза меньшее число респондентов (12,9%).

Что касается высшего образования, то его имеют чуть более трети бедного (36,1%) населения. Данный факт достаточно тревожен. Он может быть свидетельством того, что в современном обществе образование как социальный лифт восходящей вертикальной мобильности утрачивает свою эффективность. Это связано с появлением так называемых «новых бедных», к которым относятся медицинские работники, служащие сферы науки, культуры, образования, здравоохранения. В таблице продемонстрировано, что представители этих сфер занятости составляют 12% среди бедного населения, и данная сфера является второй по численности его сосредоточения. Более трети бедных являются пенсионерами (38,5%), что свидетельствует о низком уровне пенсий в нашей стране в целом и регионе в частности. Таким образом, оказавшись на пенсии, люди не только перестают вести привычный образ жизни, утрачивают круг общения, но и оказываются в крайне негативном материальном положении. Это обстоятельство должно учитываться при разработке различных мер повышения эффективности социальной политики.

На третьем месте по численности бедного населения находится промышленная сфера (10,5%). Интересно отметить, что в данной сфере сосредоточено большинство работающего небедного населения (16,5%). Из этого можно сделать вывод, что уровни возможностей и заработных плат в этой сфере достаточно разнообразны и дифференцированы. Так, мастера высшего разряда, инженеры, работники высшей квалификации, так называемые «белые воротнички», имеют стабильную работу и высокую зарплату. Из-за низкого уровня образования и квалификации бедные работают на должностях разнорабочих или по найму, временно привлекаемые на определённых этапах выполнения несложных функций (демонтаж, погрузка, выгрузка и т. п.). Данные работы низкооплачиваемы, их нельзя назвать стабильными.

Представители бедных слоёв отсутствуют и в таких достаточно высокооплачиваемых сферах занятости, как правоохранительные органы (1,0%), финансы и кредит (2,0%). Тот факт, что среди студентов бедные встречаются в два раза реже (4,5 и 9,0% соответственно) говорит о том, что словосочетание «бедный студент» утратило свою актуальность. Чаще всего они получают материальную поддержку от родителей (особенно на первых курсах) и совмещают работу и учёбу (на старших курсах). Если рассматривать формы собственности предприятий, то можно отметить, что частная является более высокооплачиваемой, в ней сосредоточена почти половина небедного населения и только треть бедного (47,0 и 32,5%).

В оценках социально-профессионального положения бедного населения в социальной структуре общества по критерию «престиж профессии» наблюдаются следующие закономерности. Несмотря на то, что самую непрестижную оценку своей профессии даёт третья часть бедного населения, а у небедного такие оценки встречаются в три раза реже (34,2 и 10,1% соответственно), вызывает недоумение, что количество

оценивших свою профессию как самую престижную совпадает у бедного и небедного населения (12,9 и 12,8%). Это говорит о том, что бедным свойственно завышать самооценки, о чём будет говориться далее.

Оценки перспектив карьерного роста у бедного и небедного населения будут также дифференцированы (см. таблицу 2).

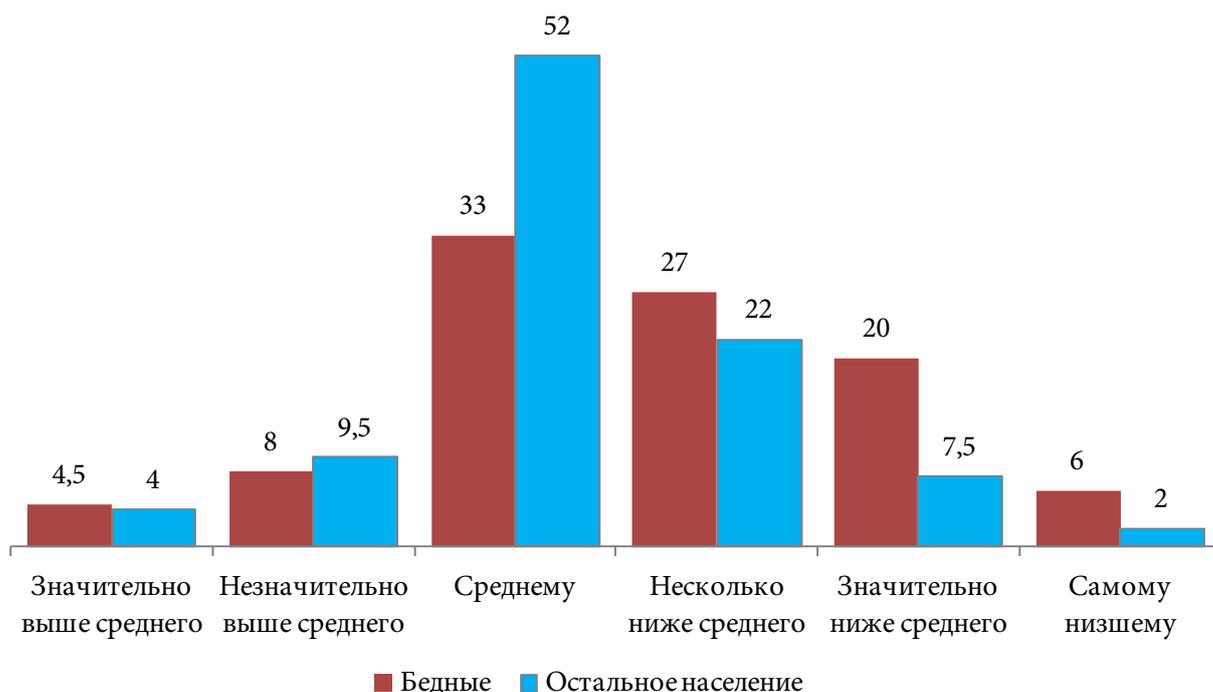
Таблица 2 (Table 2)

Перспективы продвижения по карьерной лестнице
Prospects for ascending the career ladder

Оценка перспектив	Бедные	Небедные
Карьерный рост бесконечен	6,0	10,0
Карьерный рост возможен до определённой ступени	7,0	21,0
Карьерный рост возможен на несколько ступеней	23,0	24,0
Карьерный рост невозможен	49,0	30,0
Затруднились с ответом	15,0	15,0

Перспективы своего карьерного роста бедные оценивают более реалистично. Так, половина бедных заявляют о его невозможности (49,0%). Это связано в большей степени с тем, что они не желают повышать уровень образования и квалификацию. О возможности карьерного роста заявляют лишь 13% бедного населения, тогда как среди небедных такие ответы встречаются у каждого третьего (31,0%).

На заключительном этапе исследования проанализируем положение бедного населения в социальной структуре региона на основании субъективного самоидентификационного критерия (см. рис. 9).

Рис. 9. Самооценка населением своего уровня положения в социальной структуре общества, %

Figure 9. Self-evaluation of their position in the social structure by members of the population, %

На рисунке 9 отчётливо показано, что каждый пятый бедный относит себя к уровню значительно ниже среднего, а ещё 6% – к самому низшему. Среди остального населения данные оценки собственного положения присутствуют в три раза реже. Таким образом, четвертая часть бедного населения относит себя к низшему слою общества. Оценку «несколько ниже среднего» даёт своему положению ещё четверть бедного населения (27%). Из этого можно сделать вывод, что половина бедного населения реально осознаёт, что находится на нижнем уровне социальной структуры.

Положительные оценки своего социального положения половиной бедного населения можно объяснить следующим образом. То, что каждый третий бедный (33%) идентифицирует себя со средним классом, можно интерпретировать тем, что не все бедные имеют чёткое представление о среднем классе.

Достаточно парадоксальным выглядит и тот факт, что собственное социальное положение оценивают «незначительно выше среднего» почти одинаковое количество как бедных (8%), так и небедных (9,5%) респондентов. Ещё более парадоксально, что бедных, оценивающих своё положение «значительно выше среднего», чуть больше, чем небедных (4,5 и 4% соответственно). Завышение бедным населением своего социального статуса (особенно так массово, как при идентификации себя со средним классом) можно объяснить желанием населения приукрасить собственное положение. Завышение социального статуса, как показали результаты наших многочисленных исследований социальной структуры региона, показали, что это является характерной чертой не только бедного, но и всего населения Орловской области¹. Несмотря на данную тенденцию, к самому высшему слою общества не отнёс себя ни один респондент.

Описывая самооценку бедными собственного положения, нельзя не остановиться на депривации. И хотя для многих бедных свойственно завышать самооценку собственного положения, все они постоянно испытывают чувство обделённости, лишения возможности удовлетворять свои потребности. В завершении исследования бедным было предложено ответить на вопрос о причинах, делающих их жизнь хуже, чем у остального населения (см. рис. 10).

Наибольшую депривацию бедное население испытывает в досуговой сфере. В первую очередь (45,0%) огорчает отсутствие возможностей проведения отпуска в соответствии с желаниями (отдых на море, в санаториях, домах отдыха). На невозможность вести полноценную культурную жизнь (приобретать книги и журналы, посещать музеи, кино, театры, выставки,

¹ Массовые опросы населения г. Орла и Орловской области: «Социально-политическая и социально-экономическая ситуация в Орловской области». Исследование проводилось в сентябре-октябре 2017 г. на кафедре «Социология и информационные технологии». Выборочная совокупность составила 1304 чел.; «Социальная структура современного российского общества». Исследование проводилось в мае 2016 г. Общий объём выборки – 2003 чел.; «Средний класс и социальная напряжённость в современном российском обществе». Исследование проводилось в сентябре-октябре 2014 г. Общий объём выборки – 1998 чел.

концерты) уповают 41,5% бедных. Более трети их представителей недовольны отсутствием стартовых возможностей для детей (37,5%), невозможностью получения достойного медицинского обслуживания (37,0%). Около трети бедных сетуют на невозможность приобретения качественной одежды и обуви (32,5%). Четвёртую часть бедных беспокоит то, что они лишены возможности удовлетворять свои первоочередные нужды, не влезая в долги (26,5%), а также отсутствие возможности улучшить жилищные условия (24,5%). Каждый пятый бедный указывает на невозможность получить самому или дать детям достойное образование (20,0%), а также полноценно питаться (18%).

Рис. 10. Оценка бедного населения степени своей депривации по различным критериям, %

Figure 10. The impoverished evaluating the degree of their deprivation by various criteria, %

Заключение

Представители бедных слоёв населения в большей мере, чем небедных, озабочены престижностью потребления, проявляющейся в стремлении приобрести вещи-новинки даже за счёт заёмных средств. Нередко это становится причиной значительного увеличения кредитной нагрузки. При самооценке своего общественного положения объективно отнесённые к бедным зачастую причисляют себя к средним слоям общества. Это несоответствие вызвано как узостью социальных контактов, при

которой в ближайшем окружении отсутствуют представители средних слоёв и тем более высших, так и стремлением выдать желаемое за действительное.

Сравнение бедных и небедных по социально-профессиональным критериям подтвердило одно из положений теории социальной стратификации, расширительное толкование которого предполагает прямую зависимость между уровнем образования и принадлежностью к небедным слоям. Иными словами, представителям бедных слоёв присущи низкий уровень образования и занятие низших должностных позиций, да и сами они оценивают перспективы своего карьерного роста значительно ниже небедных.

Им же свойственна и недостаточная полноценность жизни, особенно в части коммерциализированных форм досуга. В этой связи становится понятной наблюдаемая у бедных депривация, несмотря на их склонность относить себя к средним слоям общества. Продолжение и усиление тенденции на формализацию, институционализацию и коммерциализацию всего образа жизни, а не только досуговых практик, приведёт либо к осознанию бедными иллюзорности самоидентификации и приведения её в соответствие с их объективно существующем положением, либо к размыванию границ бедности как вследствие повышения уровня жизни низших слоёв общества, так и сокращения среднего класса и поляризации общества.

Библиографический список

Бедность и бедные в современной России / Под ред. М. К. Горшкова, Н. Е. Тихоновой. М.: Весь мир, 2014. 304 с.

Бедность и неравенства в современной России: 10 лет спустя. Аналитический доклад. М.: ИС РАН, 2013. 168 с.

Голенкова З. Т., Самба А. Д. Б. 2019. Прошлое, настоящее и будущее социального пространства в регионе // ИНАБ. № 3. М.: Институт социологии ФНИСЦ РАН. С. 5–17.

Горшков М. К. 2020. Российское общество в социологическом измерении // Вестник Российской академии наук. Т. 90. № 3. С. 232–242.

Горшков М. К., Седова Н. Н. 2015. «Самодостаточные» россияне и их жизненные приоритеты // Социологические исследования. № 12. С. 4–16.

Лежнина Ю. П. 2014. Социально-демографические особенности бедности в Российской Федерации // Социологические исследования. № 1 (357). С. 20–28.

Мареева С. В., Тихонова Н. Е. 2016. Бедность и социальные неравенства в России в общественном сознании // Мир России. Социология. Этнология. Т. 25. № 2. С. 37–67.

Печетова Т. И. 2017. Бедность как фактор, определяющий уровень жизни населения в российских регионах // Молодой ученый. № 5 (139). С. 223–226.

Тихонова Н. Е. 2017. Стратификация по доходу в России: специфика модели и вектор изменений // Общественные науки и современность. № 2. С. 23–35.

Тихонова Н. Е. 2018а. Стратификация по жизненным шансам массовых слоев современного российского общества // Социологические исследования. № 6 (410). С. 53–65.

Тихонова Н. Е. 2018b. Факторы жизненного успеха и социального статуса в сознании россиян // Вестник Института социологии. Т. 9. № 4 (27). С. 11–43.

Тихонова Н. Е. 2014. Феномен бедности в современной России // Социологические исследования. № 1. С. 7–19.

Тихонова Н. Е., Каравай А. В. 2018. Динамика некоторых показателей общего человеческого капитала россиян в 2010–2015 гг. // Социологические исследования. № 5 (409). С. 84–98.

Тихонова Н. Е., Слободенюк Е. Д. 2014. Гетерогенность российской бедности через призму депривационного и абсолютного подходов // Общественные науки и современность. № 1. С. 36–49.

Статья поступила 10.07.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Алексеенок Анна Алексеевна, доктор социологических наук, доцент, профессор, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Орёл, Россия

Каира Юрий Владимирович, кандидат социологических наук, доцент, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Орёл, Россия

Колмогоров Евгений Владимирович, аспирант, Среднерусский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы, Орёл, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.665

The Position of Impoverished Citizens in a Region's Social Structure (Based on Material from Orel Province)

Anna A. Alekseionok

Central Russian Institute of Management-Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia

E-mail: alexaconst@rambler.ru

ORCIDID: 0000-0001-5178-6857

Yurij V. Kaira

Central Russian Institute of Management-Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia

E-mail: kaira@orel.ranepa.ru

ORCIDID: 0000-0001-8402-2001

Evgenij V. Kolmogorov

Central Russian Institute of Management-Branch of the Russian Academy of National Economy and Public Administration, Orel, Russia

E-mail: jonson1974@bk.ru

ORCIDID: 0000-0003-4296-5479

Forcitation: Alekseionok A. A., Kaira Yu. V., Kolmogorov E. V. The position of impoverished citizens in a region's social structure (based on material from Orel Province) *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 99–120. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.665

Abstract. This article presents the results of the authors' research, conducted in one of Russia's more significant agricultural regions – Orel Province. The study was based on an integrative approach, which involves a combination of objective and subjective criteria and sub-criteria for inclusion into the impoverished strata. The sample's representativeness (n=1154) is guaranteed by age, gender, area of employment and type of settlement, with margin of error for the population sample amounting to no more than 2.3%. The method for interpreting the results of the study is based on dividing the community into impoverished and non-impoverished strata, as it was done for analyzing poverty and inequality in modern Russia in a report of the same name by the Institute of Sociology of the RAS. Such an interpretive approach allowed for the authors to identify considerable discrepancies in the qualitative assessments and quantitative characteristics of the phenomenon of poverty by the highlighted strata consisting of the impoverished and non-impoverished. The research results allowed for isolating the primary reasons leading to poverty, based on the evaluations of both the impoverished and the non-impoverished.

The authors figured out that, when members of the population identify their position in the social structure of the region, the non-impoverished tend to underestimate their status in comparison to the objective values of poverty criteria, while the impoverished tend to over-estimate their social standing. Comparing the impoverished and non-impoverished based on social-professional criteria confirmed one of the clauses of the social stratification theory, the broad interpretation of which suggests a direct correlation between one's education level and belonging to non-impoverished groups of the population. The general conclusion to the study suggests that the impoverished groups of Orel Province's population lead less fulfilled lives when compared to the non-impoverished, especially when it comes to commercialized forms of recreation, as well as that the former find themselves in a state of deprivation, despite their own desire to position themselves outside of the poverty zone.

The authors draw the conclusion that, given a situation when poverty is a global issue, with it becoming a target index for an increasing amount of countries and regions in the last few years, singling out poverty should become a priority for Russian social policy, both on a federal and regional level.

Keywords: poverty, poverty criteria, causes of poverty, social stratification, social structure

References

Golenkova Z.T. Samba A.D.B. Past, Present and Future of Social Space in the Region. *Informacionno-analiticheskiy biulleten Instituta sociologii FNISC RAN = Information and Analytical Bulletin of the Institute of Sociology of the FCTAS RAS*, 2019: 3: 5–17 (In Russ.).

Gorshkov M.K. Russian Society in the Sociological Dimension. *Vestnik Rossiyskoy akademii nauk = Bulletin of the Russian Academy of Sciences*, 2020: vol. 90: 3: 232–242 (In Russ.).

Gorshkov M.K. Sedova N.N. Self-sufficient Russians and Their Life Priorities. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2015: 12: 4–16 (In Russ.).

Lezhnina J.P. Socio-demographic features of poverty in the Russian Federation. *Sociologicheskie issledovaniya = Sociological Studies*, 2014: 1 (357): 20–28 (In Russ.).

Mareeva S.V. Tikhonova N.E. Poverty and social inequalities in Russia in the public consciousness. *Mir Rossii. Sotsiologiya. Etnologiya = World of Russia. Sociology. Ethnology*, 2016: vol. 25: 2: 37–67 (In Russ.).

Pechetova T.I. Poverty as a factor determining the standard of living of the population in the Russian regions. *Molodoy uchioniy= Young Scientist*, 2017: 5 (139): 223–226 (In Russ.).

Poverty and Inequality in Modern Russia: Ten Years Later. Moscow, IS RAS publ., 2013: 168 (In Russ.).

Poverty and the Poor in Modern Russia. Ed. by M.K. Gorshkov, N.E. Tikhonova. Moscow, Ves' mir, 2014: 304 (In Russ.).

Tikhonova N.E. Factors of life success and social status in the minds of Russians. Vestnik Instituta Sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology, 2018: vol. 9: 4 (27): 11–43 (In Russ.).

Tikhonova N.E. Karavay A.V. Dynamics of some indicators of the total human capital of Russians in 2010–2015. Sotsiologicheskie issledovanija = Sociological Studies, 2018: 5 (409): 84–98 (In Russ.).

Tikhonova N.E. Stratification on income in Russia: the specifics of the model and the vector of changes. Obshhestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity, 2017: 2: 23–35 (In Russ.).

Tikhonova N.E. Stratification on the life chances of mass sectors of modern Russian society. Sotsiologicheskie issledovanija = Sociological Studies, 2018: 6 (410): 53–65 (In Russ.).

Tikhonova N.E. The phenomenon of poverty in modern Russia. Sotsiologicheskie issledovanija = Sociological Studies, 2014: 1: 7–19 (In Russ.).

Tikhonova N.E., Slobodeniuk E.D. Heterogeneity of Russian poverty through the prism of deprivation and absolute approaches. Obshhestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity, 2014: 1: 36–49 (In Russ.).

The article was submitted on: July 10. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Alekseionok Anna Alekseevna, Doctor of Sociological Sciences, Professor,
Central Russian Institute of Management-Branch of the Russian Academy of National
Economy and Public Administration, Orel, Russia

Kaira Yuriy Vladimirovich, Candidate of Sociological Sciences,
Central Russian Institute of Management-Branch of the Russian Academy of National
Economy and Public Administration, Orel, Russia

Kolmogorov Evgenij Vladimirovich, graduate student, Central Russian Institute
of Management-Branch of the Russian Academy of National Economy and Public
Administration, Orel, Russia

СОЦИАЛЬНЫЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПАНДЕМИИ: НОВЕЙШИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.666

Реакция на пандемию Covid-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования)

Ссылка для цитирования: Ярмак О. В., Страшко Е. В., Шкайдерова Т. В. Реакция на пандемию Covid-19 интернет-аудиторий Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя (по материалам медиа-аналитического исследования) // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3. С. 121–142. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.666

For citation: Yarmak O. V., Strashko E. V., Shkayderova T. V How internet users in Moscow, Saint Petersburg and Sevastopol reacted to the Covid-19 pandemic (based on material from a media-analysis study). *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 121–142. OI: 10.19181/vis.2020.11.3.666

Ярмак Ольга Валерьевна

Институт общественных наук и международных отношений,
Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

sociocentre@sevsu.ru

AuthorID РИНЦ: [862892](#)

Страшко Екатерина Викторовна

Институт общественных наук и международных отношений,
Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

katyastrashko@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [891729](#)

Шкайдерова Татьяна Викторовна

Институт общественных наук и международных отношений,
Севастопольский государственный университет,
Севастополь, Россия

romy@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [782094](#)

Аннотация. В статье представлены результаты авторского медиа-аналитического исследования социальных медиа федеральных центров – Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя – по поисковым объектам «коронавирус» и «сovid 19», «сидим дома» и «оставайтесь дома» за первые три недели самоизоляции – с 23 марта по 12 апреля 2020 г., что дало возможность проанализировать тенденции информационной повестки в потоках социальных медиа, возникающих в ситуации самоизоляции и эпидемиологического кризиса, понять особенности формирования ответа на общие угрозы и вызовы в региональных онлайн-сообществах. Проведённый авторами киберметрический анализ социальных медиа с использованием системы мониторинга и анализа социальных сетей «Медialogия», интеллектуального анализа больших данных (big data) позволил проследить образование медийных и коммуникативных трендов, связанных с неоднозначностью информационной оценки интернет-аудиторией ситуации пандемии коронавирусной инфекции и самоизоляции, а также формирование новых цифровых форм взаимодействия индивидов в их повседневных практиках. Исследование выполнено в рамках научно-исследовательского проекта «Развитие методов агентного моделирования и больших данных для анализа социальных медиа в постконфликтных обществах»¹. Исследовательский коллектив определяет сведения, полученные из системы «Медialogия», как «большие социологические данные», позволяющие анализировать взаимодействие человека с информацией и его поведение в интернет-пространстве. Результаты проведённого исследования доказали формирование региональности при обсуждении пандемии и связанных с ней проблем самоизоляции у московской и севастопольской интернет-аудиторий, что говорит о формировании определённой региональной солидарности перед новой угрозой и вызовами. Севастопольский интернет-сегмент показал не только региональную, но и «полуостровную» солидарность. Новые условия повседневности привели к пониманию нового вирусного заболевания как социально-политического феномена, создающего условия для новых форм консолидации в обществе, вызванные различными реакциями на кризис. Одной из задач, стоящих сейчас перед социальными науками, является формирование сценариев и объяснительных схем данного явления.

Ключевые слова: социальные медиа, большие данные, коронавирус, самоизоляция, цифровая среда, цифровое действие

Пандемия Covid19 безусловно стала ключевым событием 2020 г. в мире. Пока ещё рано судить о том, как именно она повлияет на дальнейшее развитие в экономической, политической, социальной сферах. Но уже вполне возможно, применяя методы эмпирической социологии, по «горячим следам» установить, как подействовала она на массовое сознание, повседневные практики людей, изменила ли процесс саморефлексии общества; если да, то в какую сторону. Исследование, результаты которого представлены в данной статье, является одной из первых попыток в России ответить на данные вопросы.

Говоря о социальных откликах и ответах на пандемическую угрозу, социологи выделяют следующие сценарии: сценарий атомизации, описанный Фуко и Камю, когда сильные социальные связи становятся слабыми, а слабые связи исчезают вовсе; сценарий поляризации, описанный Майклом Блиссом, и сценарий формирования сообщества общей судьбы согласно концепции Питера Бэра. Концепция формирования

¹ Идентификатор 28/06-31, утверждён приказом проректора по научной и инновационной деятельности ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет» от 14.04.2020 № 556-п.

общей судьбы была сформулирована Максом Вебером, но исследовал он «судьбическую» идею как травму прошлого. Питер Бэр рассматривал её через призму современности – как форму существования общества против общего врага, как форму солидарности, которая формируется под действием внешних обстоятельств и общей угрозы.

Концепция сообщества судьбы характеризует коллективное действие, описывая его во временном разрыве повседневности: моментах, делящих жизнь на «до» и «после». Новое коллективное действие, формируемое «новой судьбой» (в понимании Бэра – угрозой, чрезвычайными обстоятельствами, рисками и вызовами), образует региональные или территориальные сообщества. В качестве примера таких сообществ Бэр приводит разорённые поселения, осаждённые города и обнесённые карантинным барьером территории [Baehr 2008]. «Многие социологи со времен Дюркгейма и Мосса замечали, что институты раскрывают себя под давлением обстоятельств, в ситуации кризиса. Сообщества судьбы устроены иначе: своим рождением они обязаны подобному давлению, устанавливая образ жизни, который до того существовал лишь в зародыше» [Baehr 2008: 141].

С нашей точки зрения, наблюдаемое современное состояние общества в условиях пандемии коронавируса разделило мир на локальные «сообщества судеб», в каждом из них вырабатываются свои социальные, экономические, информационные закономерности и тренды, в которых и будет жить посткоронавирусное общество.

По мнению О. Н. Яницкого, глобальная ситуация сегодня не определена: «... эта неопределённость и множественность прогнозов порождены прежде всего неготовностью нашей страны и мирового сообщества к угрозе такого рода. Неготовность означает здесь научную неразработанность проблем такого рода и, соответственно, отсутствие готовности вирусологии и медицины как социального института и других социальных служб к борьбе с этой невидимой опасностью» (Яницкий 2020).

По нашему мнению, наиболее важная характеристика посткоронавирусного мира состоит в развитии информационных технологий управления, которые приведут к виртуализации политики, образования, сферы информации и медиа. Мир сегодня настолько стремителен, что эффект цифровой эпохи, которая фактически уже наступила, обусловит приход не рациональности, а иррациональности. Есть предположение, что в цифровую эпоху люди будут уходить от сильных межличностных связей к слабым, общаясь в сетевых сервисах и дистанционных коммуникациях.

В период эпидемии коронавируса и нахождения на самоизоляции произошло, с одной стороны, проникновение интернет-коммуникации во все сферы жизнедеятельности человека с изменением его привычного образа жизни, с другой – пользовательская аудитория интернета существенно увеличилась, благодаря чему наблюдается появление нового типа социального взаимодействия – цифрового. Люди вынуждены находиться дома, и единственным способом коммуникации для них стал интернет не только как информационный канал, но и как неотъемлемая часть структуры современного информационного общества.

М. Вебер утверждал, что действие становится социальным, если в своём целеполагании оно затрагивает других людей или обусловлено их существованием и поведением. Он выделял четыре типа социального дей-

ствия: целерациональное, ориентированное на достижение рациональных целей; ценностно-рациональное, основанное на вере, ценностях и смысле; аффективное, опирающееся на эмоции человека, и традиционное, базирующееся на традициях, обычаях и привычках [Вебер 1990]. По нашему мнению, в связи с эпидемиологическим кризисом в настоящее время наблюдается возникновение нового типа социального взаимодействия, в частности новых повседневных практик, дистанционного взаимодействия в экономике, образовании, культуре, медиа и коммуникациях, чем обуславливается создание нового – цифрового – типа социального действия. При этом поведение людей ограничено территориальными или страновыми границами, что обуславливает возникновение региональных сообществ, объединённых общей угрозой – не только эпидемиологической, но и экономической (хозяйственно-бытовой с нарушением привычных основ жизни).

Опираясь на данные рассуждения, исследовательский коллектив попытался осуществить анализ реакции интернет-аудитории федеральных городов России (Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя) на новейшие тенденции информационной повестки в потоках социальных медиа, формируемые в ситуации самоизоляции и протекания эпидемиологического кризиса, и таким образом понять особенности формирования ответа на общие угрозы и вызовы в региональных онлайн-сообществах.

Теоретическая основа исследования

При проведении исследования мы ориентировались на работы Д. Белла [Белл 1999], Ж. Бодрийяра [Бодрийяр 2006; 2007], Г. Вайнштейна [Вайнштейн 2002], Э. Гидденса [Гидденс 1999], М. Кастельса [Кастельс 1999; 2000; 2004], М. Маклюэна [Маклюэн 2003], Э. Тоффлера [Тоффлер 2004а; 2004b]. Для осуществления анализа информационных потоков Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя авторы обращались к работам отечественных исследователей Е. В. Бродовской [Бродовская и др. 2016; Brodovskaya et al. 2015], А. И. Ракитова [Ракитов 2014], Р. Ф. Абдеева [Абдеев 1994], Д. С. Мартьянова [Мартьянов и др. 2020], Г. Л. Смоляна [Смолян и др. 2018].

Анализируя потоки интернет-сети как нового коммуникативного пространства, мы обращались к сетевым теориям, методология которых была заложена М. Грановеттером [Granovetter 1992], М. Кастельсом [Кастельс 1999; 2000; 2004] и П. Лазарсфельдом [Lazarsfeld et al. 1948]. Кроме того, считаем необходимым применить идеи П. Бурдьё, который считал, что современный интернет оказывает информационно-психологическое воздействие как на индивидуальное, так и массовое сознание [Бурдьё 2007]. Рассуждения М. Маклюэна о специфике коммуникации в киберпространстве, в том числе политической, важны в ракурсе анализа интернет-контента на коронавирусную тематику [Маклюэн 2003].

В исследовании были использованы системно-деятельный подход, изучающий интернет-пространство как продукт социальной среды, и сравнительный анализ, с помощью которого был сопоставлен контент интернет-сообщений Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя. Методами

исследования стали контент-анализ, давший возможность оценить социальные настроения московской, питерской и севастопольской интернет-аудиторий; киберметрический анализ и мониторинг социальных медиа с использованием системы мониторинга анализа социальных сетей «Медиалогия»; интеллектуальный анализ больших данных.

Данные, представленные в исследовании, получены на основании выгрузки из автоматической системы мониторинга и анализа СМИ и социальных сетей в режиме онлайн «Медиалогия» по поисковым запросам «коронавирус»/«covid 19» и «самоизоляция»/«сидим дома» в мониторинговом режиме с отражением ситуации в российском пространстве социальных медиа на исследуемую тематику. Обращение к данной автоматической системе мониторинга и анализа СМИ и соцмедиа обусловлено тем, что она предоставляет данные в режиме реального времени, являясь российским лидером в мониторинге и анализе медиа- и интернет-пространства.

Подобные данные можно трактовать как «большие социологические данные», позволяющие анализировать взаимодействие человека с информацией, его поведение в интернет-сети, что даёт возможность говорить о формировании новой методологической парадигмы общественных наук на теоретико-методологической базе, согласно которой реальность человека не соответствует идеальной упорядоченности, а встроена в информационные и коммуникативные сети. Таким образом, «большие социологические данные» можно рассматривать не как технократический феномен, открывший для общественных наук новую исследовательскую повестку в аспекте изучения поведения людей, а как социальное явление нового типа, позволяющее анализировать потоки информации в обществе, социальное взаимодействие и социальный обмен, обеспечиваемый технологиями коммуникации и формирующий у людей ментальные модели – матрицы осознания людьми текущих ситуаций. Но всё же большим социологическим данным присущ ряд недостатков: во-первых, вопрос достоверности персональных параметров данных аудитории; во-вторых, ограниченность аудитории: исследователь работает только с той аудиторией, которая внесена в базы данных; в-третьих, техническая проблема – проблема прозрачности построения механизма работы алгоритма формирования и выгрузки данных. В связи с этим считаем, что для комплексного решения исследовательской задачи данные анализа социальных медиа должны сопровождаться традиционными социологическими методами.

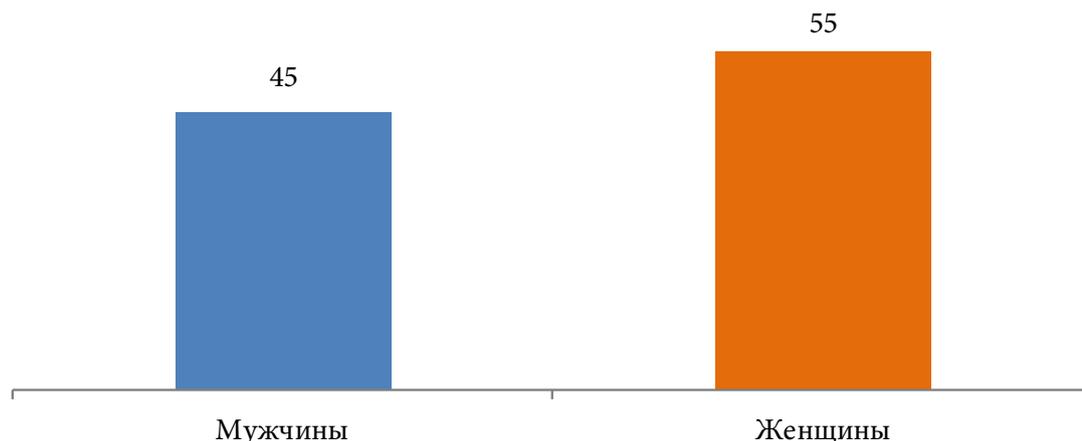
Характеристика исследования

Нами был осуществлён анализ пространства социальных медиа Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя в первые три недели самоизоляции – с 23 марта по 12 апреля 2020 г. по поисковым объектам «коронавирус»/«covid 19» и «самоизоляция»/«сидим дома».

Общий объём выгрузки составил 1 900 992 онлайн-сообщений, из них в интернет-сегменте Москвы выявлено 1 017 324 онлайн-сообщений по поисковому объекту «коронавирус»/«covid 19» и 82 014 сообщений – по поисковому объекту «самоизоляция»/«сидим дома»; в интернет-сегменте Санкт-Петербурга выявлено 307 999 и 402 569 онлайн-сообщений соответственно; в интернет-сегменте Севастополя – 53 171 и 37 915 сообщений.

Анализ интернет-сегмента социальных медиа Москвы

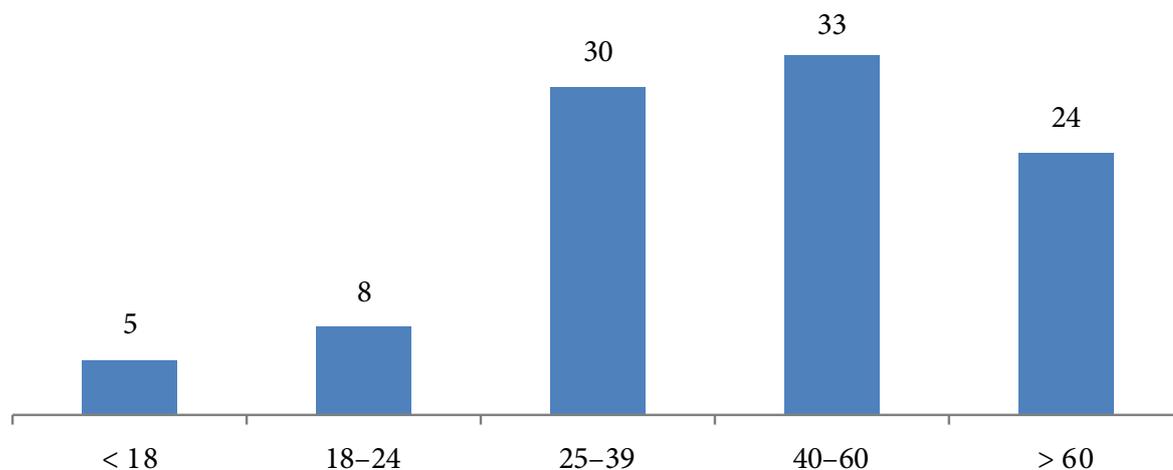
Объем интернет-сообщений Москвы по контент-единицам «коронавирус»/«covid 19» и «самоизоляция»/«сидим дома» за первые три недели самоизоляции составил 1 099 338 сообщений. Гендерное распределение аудитории показало больший интерес со стороны женской её части за весь анализируемый период: темой коронавируса женщины интересовались на 7% чаще, чем мужчины, темой самоизоляции – на 14% соответственно (рис. 1).

Рис. 1. Гендерное распределение по контентным группам «коронавирус»/«covid 19» и «самоизоляция»/«сидим дома» в интернет-сегменте Москвы, %, распределение за период с 23.03 по 12.04.2020 г.

Figure 1. Gender distribution by content group “coronavirus”/“covid 19” and “lockdown”/“sitting at home” within Moscow’s segment of the internet (in %, distribution for the period between March 23rd and April 12th 2020)

Интернет-пользователи в возрасте от 25 до 39 лет более интересуются тематикой коронавируса, люди старшего возраста (40–60 лет) – вопросами нахождения на самоизоляции (рис. 2).

Рис. 2. Возрастное распределение по контентным группам «коронавирус»/«covid 19» и «самоизоляция»/«сидим дома» в интернет-сегменте Москвы, %, распределение за период с 23.03 по 12.04.2020 г.

Figure 2. Age distribution by content group “coronavirus”/“covid 19” and “lockdown”/“sitting at home” within Moscow’s segment of the internet (in %, distribution for the period between March 23rd and April 12th 2020)

Сравнивая динамику онлайн-сообщений за три недели самоизоляции, можно отметить рост в первую и вторую недели (с 23 марта по 5 апреля) и резкий спад на третьей (с 6 по 12 апреля), что связано с восприятием текущей ситуации уже как обыденной. Основная часть онлайн-сообщений была в нейтральной тональности (на первой и второй неделях – по 97% от всего числа сообщений соответственно, на третьей – 98%). Количество позитивных и негативных сообщений на второй неделе самоизоляции увеличилось в связи с обращением Президента РФ В. В. Путина по поводу ситуации с пандемией коронавируса. Пик негативного онлайн-контента пришёлся на 29 марта, позитивного – на 30 марта, что связано с введением режима повышенной готовности по Москве, а также временной приостановкой работы общественных, образовательных, медицинских, государственных и иных учреждений и производств (рис. 3, 4).

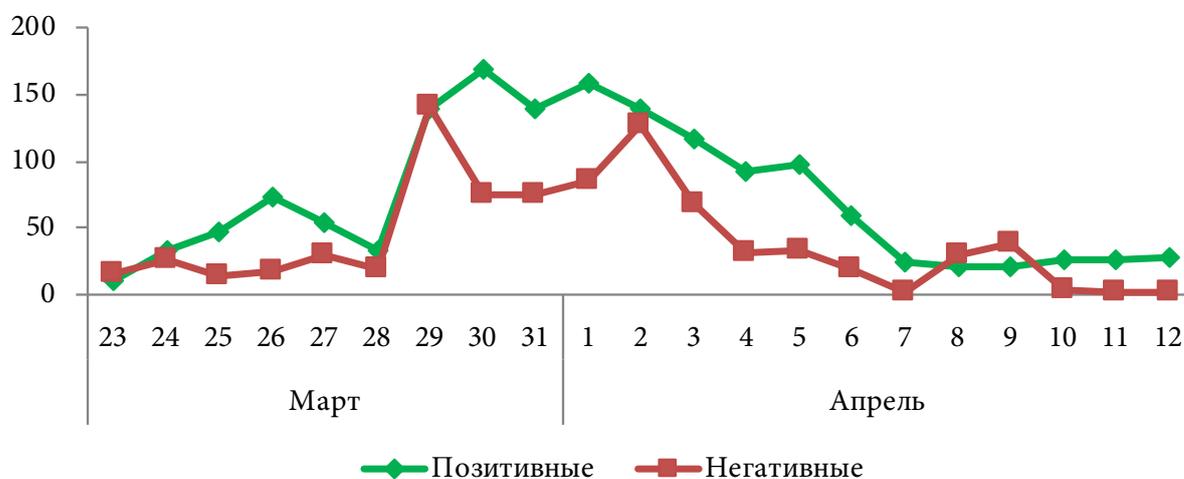

Рис. 3. Динамика позитивных и негативных сообщений по контентным группам «коронавирус»/«covid 19», в единицах онлайн-сообщений

Figure 3. Dynamics of positive and negative messages for content groups “coronavirus”/“covid 19” (in units of online-community)

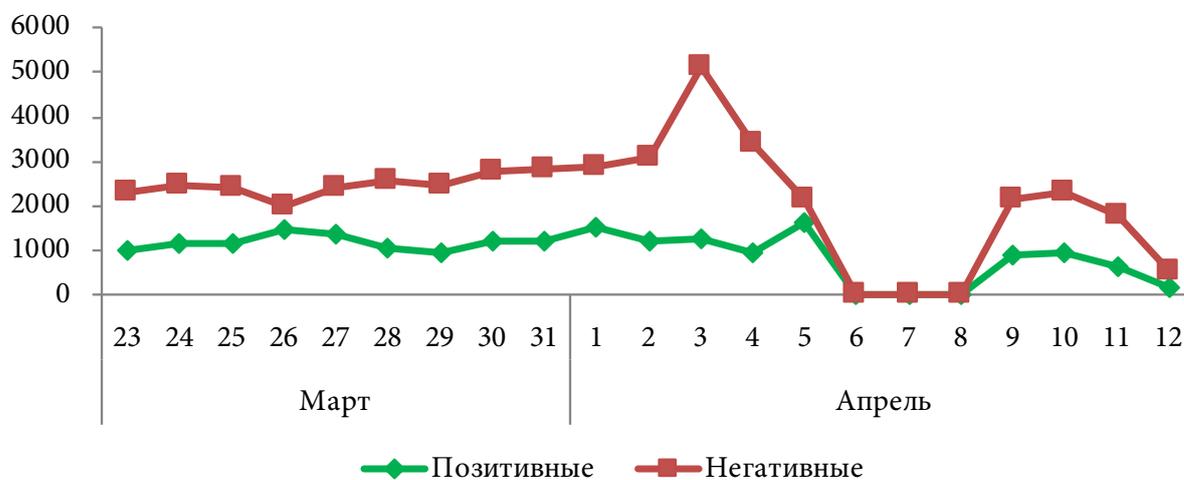

Рис. 4. Динамика позитивных и негативных сообщений по контентным группам «самоизоляция»/«сидим дома», в единицах онлайн-сообщений

Figure 4. Dynamics of positive and negative messages for content groups “lockdown”/“sitting at home” (in units of online-community)

В облаке тегов московской интернет-аудитории за три недели самоизоляции наблюдается три группы тегов: ковидная («коронавирус», «человек», «самоизоляция»), региональная («Москва») и повседневная («карантин», «дом», «режим», «время» и «день») (рис. 5.1 и 5.2).

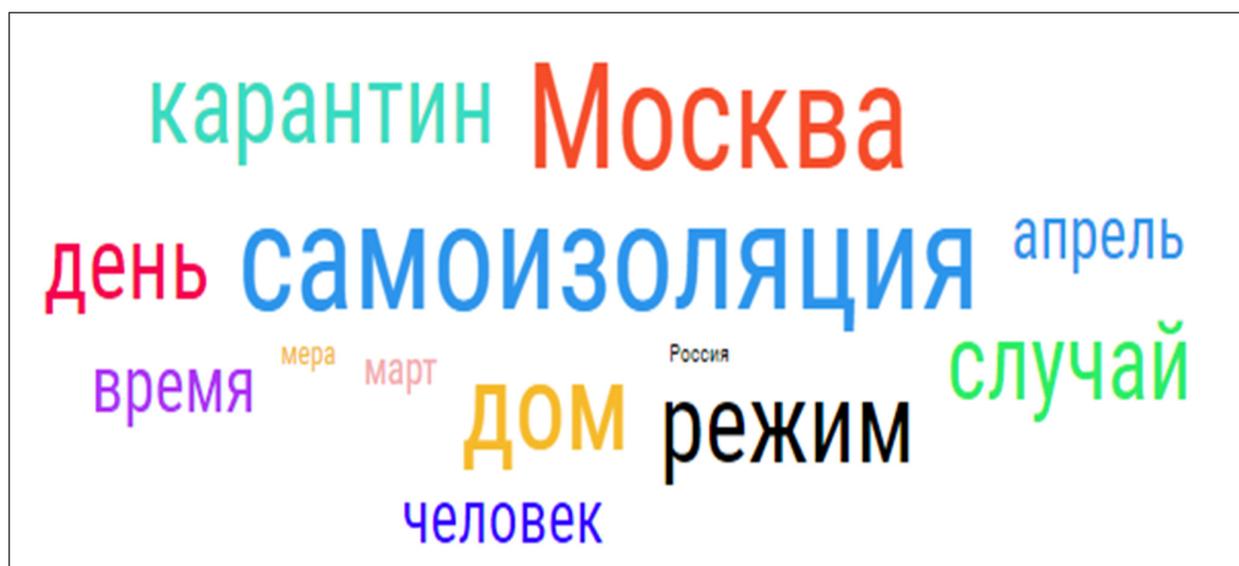
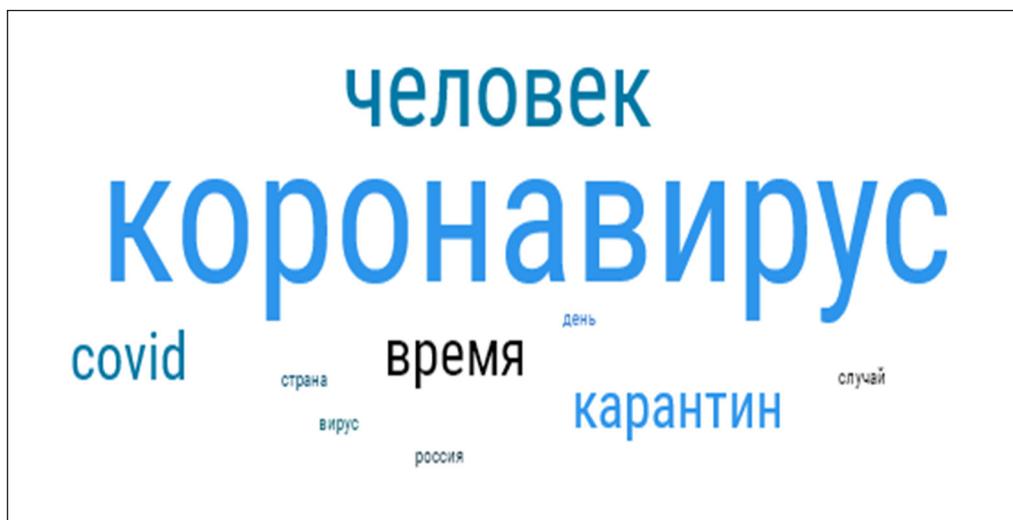

Рис. 5.1 и 5.2. Облако тегов по контентным группам «коронавирус»/«covid 19» и «самоизоляция»/«сидим дома», за период с 23.03 по 12.04.2020 г.

Figures 5.1 and 5.2. Tag cloud by content group “coronavirus”/“covid 19” and “lockdown”/“sitting at home” (for the period between March 23rd and April 12th 2020)

Анализ интернет-сегмента социальных медиа Москвы выявил, что частота онлайн-сообщений на темы коронавируса и самоизоляции варьировалась от резкого скачка в начале периода самоизоляции до спада к её третьей неделе. Большую заинтересованность исследуемыми тематиками обнаружила женская часть интернет-аудитории, молодёжь (пользователи в возрасте от 25 до 39 лет) и люди среднего возраста (40–60 лет). Было выявлено снижение вовлечённости интернет-пользователей Москвы в тему коронавируса по истечении 14 дней нахождения дома при неизменности интереса к теме самоизоляции.

Анализ интернет-сегмента социальных медиа Санкт-Петербурга

Объём интернет-сообщений Санкт-Петербурга с тематикой «коронавирус»/«covid 19» и «самоизоляция»/«сидим дома» за первые три недели самоизоляции составил 710.568 сообщений. Женщины в 1,5 раза чаще интересуются темами самоизоляции и коронавируса, чем мужчины (рис. 6). Это объясняется тем, что у женщин становится больше домашних забот в связи с присутствием всех членов семьи дома – в так называемой «домашней капсуле» (поисковый контент в основном касается услуг доставки, кулинарных рецептов, занятий с ребёнком на дому, видов досуга на дому).

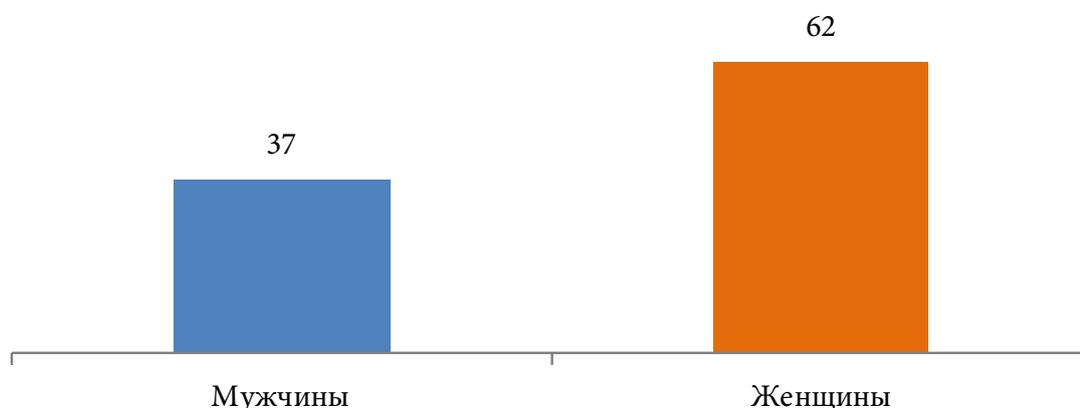
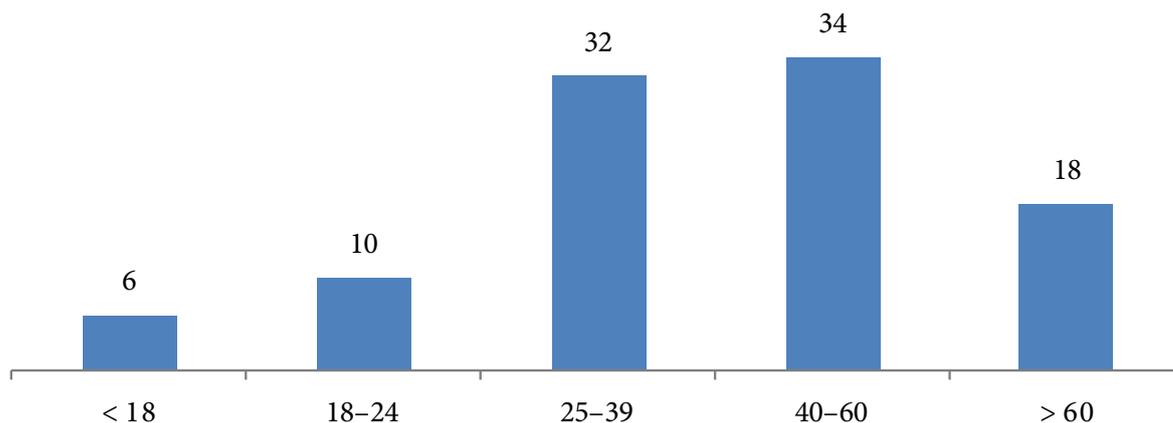

Рис. 6. Гендерное распределение по контентным группам «коронавирус»/«covid 19» и «самоизоляция»/«сидим дома» в интернет-сегменте Санкт-Петербурга, %, за период с 23.03 по 12.04.2020 г.

Figure 6. Gender distribution by content group “coronavirus”/“covid 19” and “lockdown”/“sitting at home” within Saint Petersburg’s segment of the internet (in %, distribution for the period between March 23rd and April 12th 2020)

Возрастное распределение показало стабильную динамику исследуемых тематик во всех возрастных группах в течение анализируемого периода. При этом у молодёжи (25–39 лет) заинтересованность темой самоизоляции растёт, а темой коронавируса – снижается. Люди стараются адаптироваться к новым формам повседневной жизни, интересуясь, чем себя занять, как работать и учиться в дистанционных условиях, стараясь найти способ проведения времени с пользой в условиях самоизоляции, при этом тема коронавируса сама по себе им становится менее интересна. Люди в возрасте от 40 до 60 лет наблюдают за ситуацией, следя за новостной повесткой и не проявляя особой активности в социальных сетях. В этой возрастной группе наблюдается незначительный рост интереса к теме коронавируса и спад – к самоизоляционной тематике, особенно на третьей неделе нахождения дома, что объясняется повышенным интересом у людей старшего возраста к пониманию симптомов коронавирусной инфекции, так как неоднократно распространялась информация о том, что для данной возрастной группы она имеет серьёзные последствия (рис. 7).

Рис. 7. Возрастное распределение по контентным группам «коронавирус»/«covid 19» и «самоизоляция»/«сидим дома» в интернет-сегменте Санкт-Петербурга, %, за период с 23.03 по 12.04.2020 г.

Figure 7. Age distribution by content group “coronavirus”/“covid 19” and “lockdown”/“sitting at home” within Saint Petersburg’s segment of the internet (in %, distribution for the period between March 23rd and April 12th 2020)

Рост интернет-активности в обсуждении проблемы пандемии в Санкт-Петербурге наблюдается на второй неделе самоизоляции – с 30 марта по 5 апреля – в период оплачиваемой «карантинной» недели, на третьей неделе динамика онлайн-интереса снижается, что свидетельствует о переходе темы коронавируса и самоизоляции в привычное повседневное поле коммуникации. Реакция интернет-аудитории Санкт-Петербурга на самоизоляцию в целом оказалась нейтральной (95% нейтральных сообщений от их общего количества), негативные онлайн-сообщения составили 3,5% от общего числа сообщений, позитивные – порядка 1,5%.

Информационные позитивные пики пришлись на 31 марта и 1 апреля, что связано с выходом постановления Правительства Санкт-Петербурга о соблюдении режима самоизоляции до 30 апреля гражданами старше 65 лет, а также с закрытием развлекательных и образовательных организаций, учреждений общепита, детских игровых комнат и развлекательных центров до 5 апреля. Негативные медиапики были 2-го и 3-го апреля, что обусловлено телевизионным обращением В. В. Путина к россиянам и выходом постановления Правительства Санкт-Петербурга о продлении режима самоизоляции до 30 апреля (рис. 8, 9). Негативная тональность в интернет-аудитории формировалась всю вторую самоизоляционную неделю, что диктуется неготовностью соблюдения длительного режима самоизоляции, появлением экономических, социально-бытовых и хозяйственных трудностей в новых условиях длительного дистанта и онлайн взаимодействия.

Расширение информационного поля Санкт-Петербурга посредством увеличения количества комментариев и авторов, пишущих на тему пандемии, пришлось на вторую нерабочую неделю – с 30 марта по 5 апреля. На третьей неделе самоизоляции наблюдается рост медийных площадок, освещающих тему коронавируса; количество площадок с обсуждением

проблем самоизоляции осталось неизменным. Анализ динамики вовлечённости показал, что, несмотря на резкий всплеск заинтересованности темой пандемии в период с 30 марта по 5 апреля, общая активность на медиаплощадках Санкт-Петербурга в целом снижается, что свидетельствует о становлении темы коронавируса и самоизоляции привычной и обыденной.

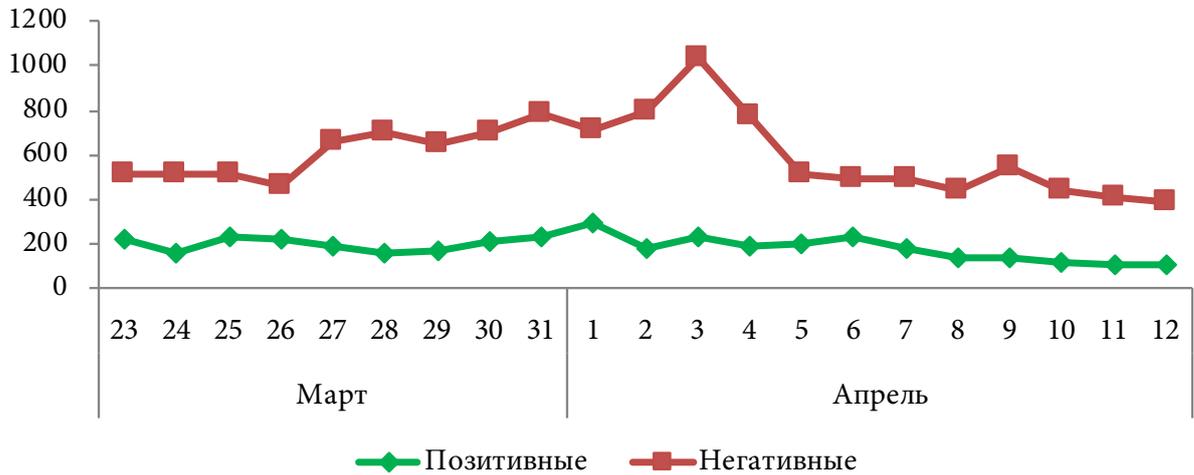

Рис. 8. Динамика позитивных и негативных сообщений по контентным группам «коронавирус»/«covid 19», в единицах онлайн-сообщений
 Figure 8. Dynamics of positive and negative messages for content groups "coronavirus"/"covid 19" (in units of online-community)

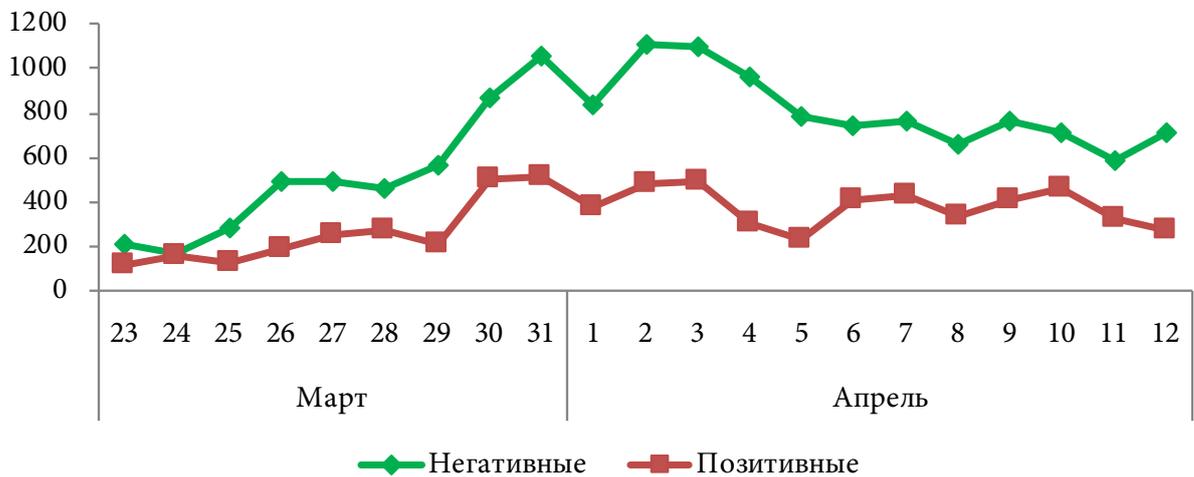

Рис. 9. Динамика позитивных и негативных сообщений по контентным группам «самоизоляция»/«сидим дома», в единицах онлайн-сообщений
 Figure 9. Dynamics of positive and negative messages for content groups "lockdown"/"sitting at home" (in units of online-community)

Основными средствами интернет-коммуникации в Санкт-Петербурге на ковидную и самоизоляционную темы, конечно, были социальные сети, в первую очередь ВКонтакте – 69,5% аудитории, затем Facebook – 15%, Одноклассники – 11% и Twitter – 4,5%. Популярными питерскими блогами являются в основном страницы сети ВКонтакте,

за исключением новостного агрегатора БезФормата (sanktpeterburg.bezformata.com), который лидирует по количеству сообщений, имея аудиторию порядка 160.000 пользователей. Наше внимание привлёк факт, что на ресурсе БезФормата встречаются ссылки на блог «ДТП и ЧП Санкт-Петербург Питер Онлайн СПб», где с 30 марта по 12 апреля наблюдается высокая медиа-активность: популярными темами являлись: отмена поездов, грабежи курьеров, участвовавшие случаи вандализма над автомобилями; скорые, мешающие проезду транспорта; новые случаи заболевания коронавирусом, нарушение режима самоизоляции, автомобильные аварии. Наибольшее количество просмотров по тегу «коронавирус» у интернет-ресурса «Пятый канал / Новости» (72%).

Облако тегов питерского интернет-сегмента представлено двумя смысловыми группами: 1) теги «коронавирус», «Россия», «самоизоляция», «дом», «карантин», «режим», отражающими заинтересованность в информации о распространении вируса в России; и 2) группа, связанная с повседневными практиками человека, необходимостью пересмотра привычного распорядка дня, беспокойством по поводу новых условий работы на дому, её потерей или поиском в период самоизоляции – «человек», «дом», «работа», «день», «время» (рис. 10.1 и 10.2).

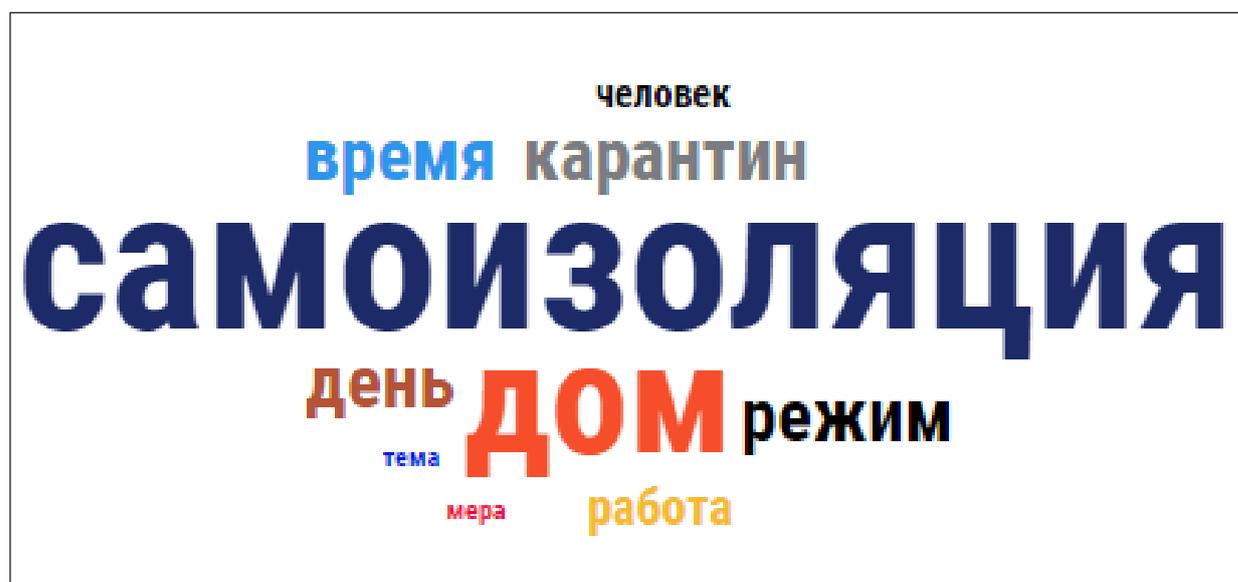
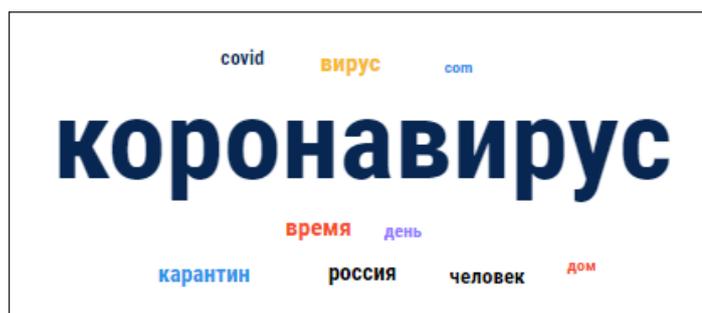

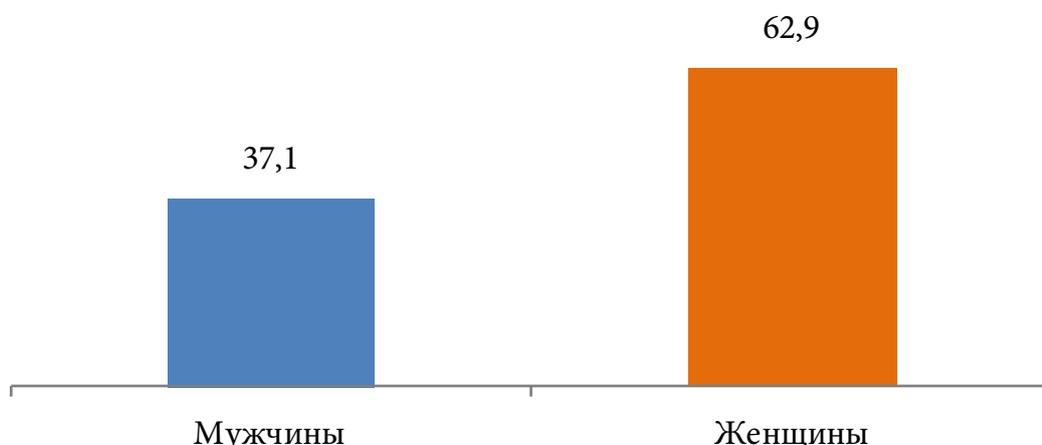
Рис. 10.1 и 10.2. Облако тегов по контентным группам «коронавирус»/«covid 19» и «самоизоляция»/«сидим дома», за период с 23.03 по 12.04.2020 г.

Figures 10.1 and 10.2. Tag cloud by content group “coronavirus”/“covid 19” and “lockdown”/“sitting at home” (for the period between March 23rd and April 12th 2020)

Анализ интернет-сегмента социальных медиа Санкт-Петербурга отразил информационные тренды, свидетельствующие о повышенном интересе к ковидной и самоизоляции тематикам в начале периода самоизоляции и спаде к ней уже через 14 дней пребывания дома; о заинтересованности исследуемыми темами в большей степени у женской части интернет-аудитории; о расширении информационного поля посредством увеличения онлайн-сообщений на тему пандемии на второй нерабочей неделе самоизоляции (с 30 марта по 5 апреля) и поддержания постоянного обсуждения проблем и вопросов самоизоляции в течение всего периода.

Анализ интернет-сегмента социальных медиа Севастополя

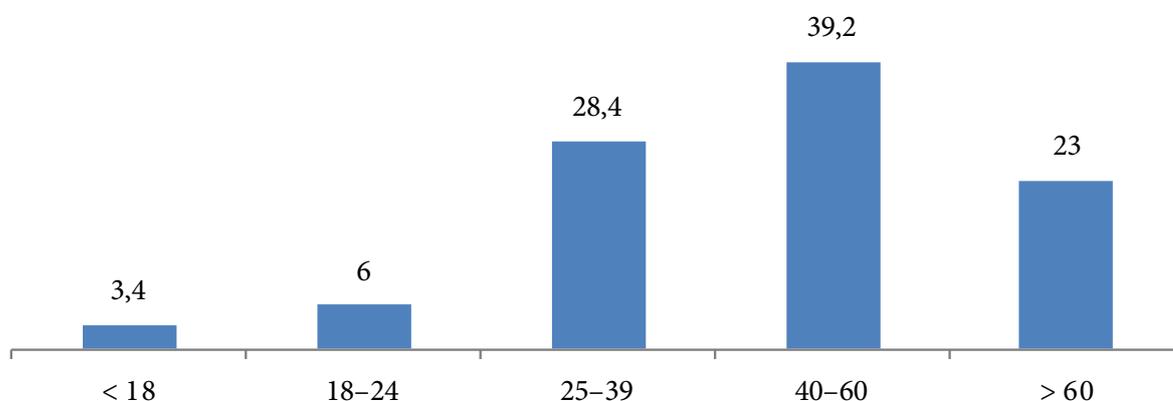
Объём интернет-сообщений Севастополя с тематикой «коронавирус»/«covid 19» и «самоизоляция»/«сидим дома» за первые три недели самоизоляции составил 91 086 сообщений. Темой коронавируса в севастопольской интернет-аудитории женщины интересуются почти в два раза больше, чем мужчины, а самоизоляцию обсуждают вообще в три раза чаще, чем представители сильного пола (рис. 11).

Рис. 11. Гендерное распределение по контентным группам «коронавирус»/«covid 19» и «самоизоляция»/«сидим дома» в интернет-сегменте Севастополя, %, за период с 23.03 по 12.04.2020 г.
Figure 11. Gender distribution by content group “coronavirus”/“covid 19” and “lockdown”/“sitting at home” within Sevastopol’s segment of the internet (in %, distribution for the period between March 23rd and April 12th 2020)

Основные интернет-потребители темы коронавируса – это пользователи в возрасте от 40 до 60 лет (40%), возрастная группа от 25 до 39 лет (30%) и пожилые люди старше 60 лет (25%), то есть возрастной диапазон интернет-аудитории ковидной темы в Севастополе достаточно широк – от 25 до 60 лет. Основная аудитория темы самоизоляции – люди от 40 до 60 лет (40%), молодёжь от 25 до 39 лет (36%) и те, кто старше 60 лет (30%). Значимую долю севастопольской интернет-ауди-

тории, в отличие от московской и питерской, составляют люди старшего возраста, что отражает возрастную структуру населения города (рис. 12).

Рис. 12. Возрастное распределение по контентным группам «коронавирус»/«covid 19» и «самоизоляция»/«сидим дома» в интернет-сегменте г. Севастополя, %, за период с 23.03 по 12.04.2020 г.

Figure 12. Age distribution by content group “coronavirus”/“covid 19” and “lockdown”/“sitting at home” within Sevastopol’s segment of the internet (in %, distribution for the period between March 23rd and April 12th 2020)

На нерабочей неделе (30 марта–5 апреля) наблюдалась повышенная медиа-активность на исследуемые тематики, что связано с введением законодательных основ режима самоизоляции, введением «карантина» и вынужденных «каникул», в частности в образовательной сфере. С 6 апреля произошло снижение интереса к исследуемым темам, что говорит об адаптации севастопольской интернет-аудитории к информационным потокам о коронавирусе, о новых дистанционных условиях жизни и нахождении на самоизоляции.

Тональность сообщений севастопольского интернет-сегмента не изменялась на протяжении всего исследуемого периода: 95% сообщений имели нейтральный характер, наблюдался незначительный рост (+0,5%) негативных сообщений с 6 по 12 апреля, что свидетельствует о наличии отрицательной реакции на растущую динамику заболеваемости в России, об остроте проблем, связанных с потерей работы и снижением доходов людей (рис. 13, 14).

Устойчивые информационные пики зафиксированы 25 марта, когда Президентом РФ было объявлено о нерабочей неделе с 30 марта; 31 марта вышел указ врио губернатора города «О введении на территории г. Севастополя режима повышенной готовности»; 01 апреля – введение врио губернатора режима всеобщей самоизоляции; 06 апреля – публикация его указа о продлении режима самоизоляции. При этом значимо то, что показатели вовлечённости аудитории 25 марта, когда состоялось обращение главы государства, значительно ниже показателей периода выхода региональных указов врио губернатора Севастополя о правилах существования в период самоизоляции. На третьей неделе – с 6 по 12 апреля – наблюдалось снижение вовлечённости и объёма

аудитории, что свидетельствует об адаптации севастопольской интернет-аудитории к режиму самоизоляции и новым социально-бытовым и хозяйственным условиям жизни.

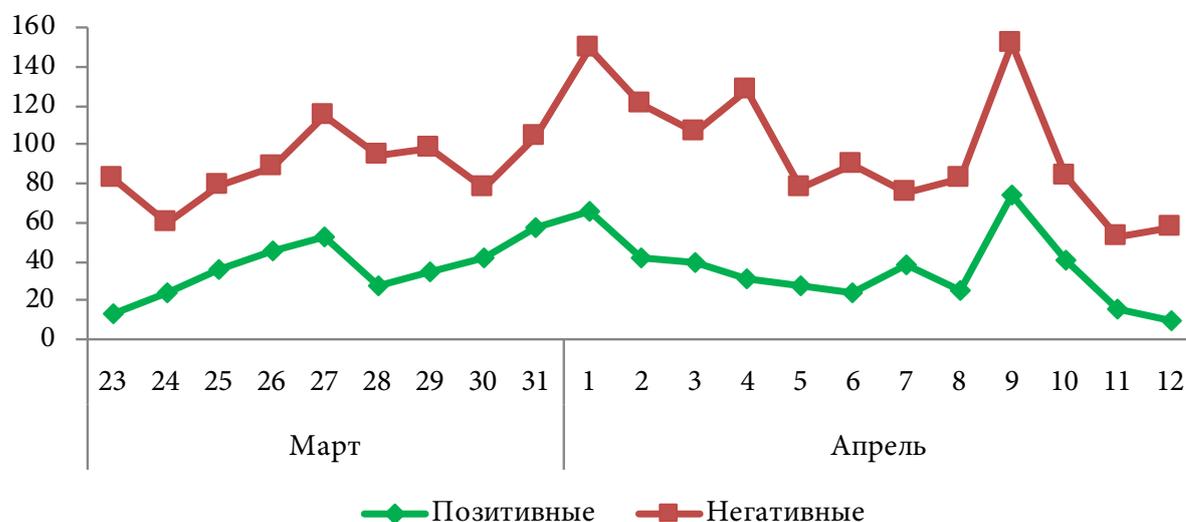

Рис. 13. Динамика позитивных и негативных сообщений по контентным группам «коронавирус»/«covid 19», в единицах онлайн-сообщений

Figure 13. Dynamics of positive and negative messages for content groups "coronavirus"/"covid 19" (in units of online-community)

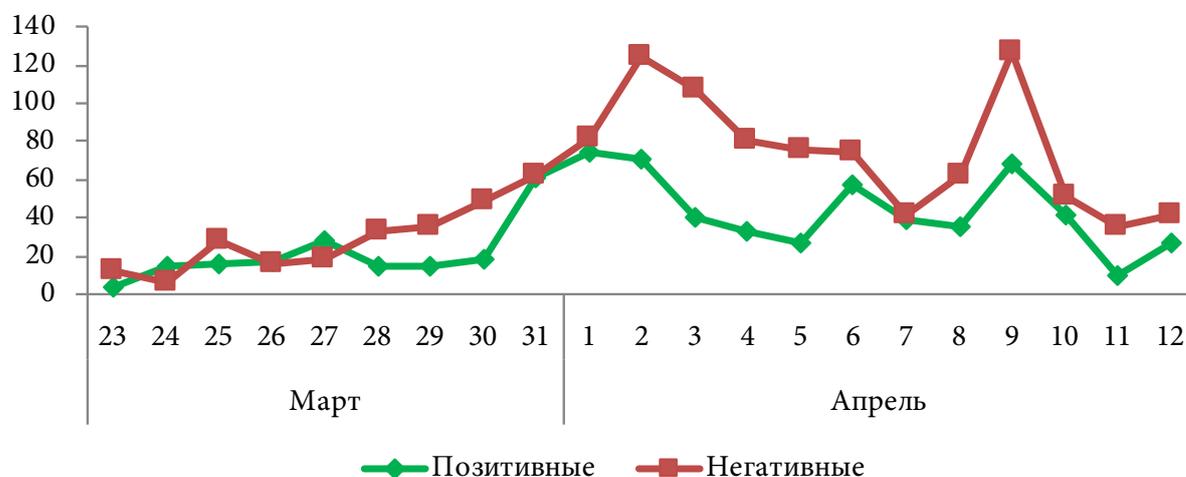

Рис. 14. Динамика позитивных и негативных сообщений по контентным группам «самоизоляция»/«сидим дома», в единицах онлайн-сообщений

Figure 14. Dynamics of positive and negative messages for content groups "lockdown"/"sitting at home" (in units of online-community)

Тема коронавируса уходит, а вопросы самоизоляции, наоборот, остаются в приоритете аудитории, что говорит о восприятии жителями Севастополя информации о новом вирусе не болезненно, а скорее в ракурсе интереса и понимания новых мер региональных властей по введению режима повышенной готовности, в частности введением пропусков, закрытием учреждений, системой штрафов и новыми правилами ведения бытовой и хозяйственной деятельности, изменившими привычный уклад жизни горожан.

Визуализация облака тегов позволяет установить ранговые распределения единиц «коронавирус» и «самоизоляция», выявить инструменты индоктринации (стереотипного, некритичного восприятия информации), установить иерархические смысловые связи. Определённо тег «самоизоляция» стал ключевым словом текущего момента: он совпадает с единицами «коронавирус» и «covid», что позволяет зафиксировать разрыв смысловой связи между словами «самоизоляция» и «дом». На двухнедельных срезах отсутствует географическая/локальная привязка (уходит слово «Севастополь»), но появляются иные локусы («Крым», «Россия», «мир») и значимые субъекты («губернатор», «президент», «ВОЗ») (рис. 15.1 и 15.2).

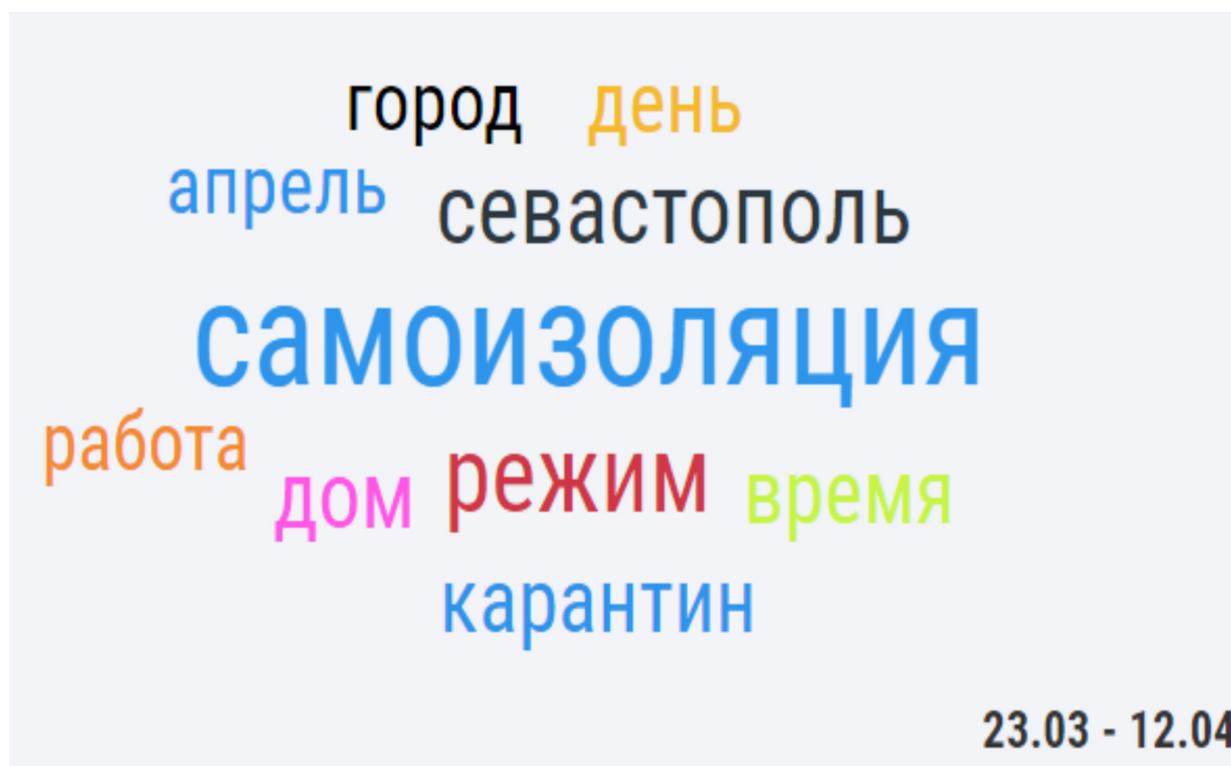
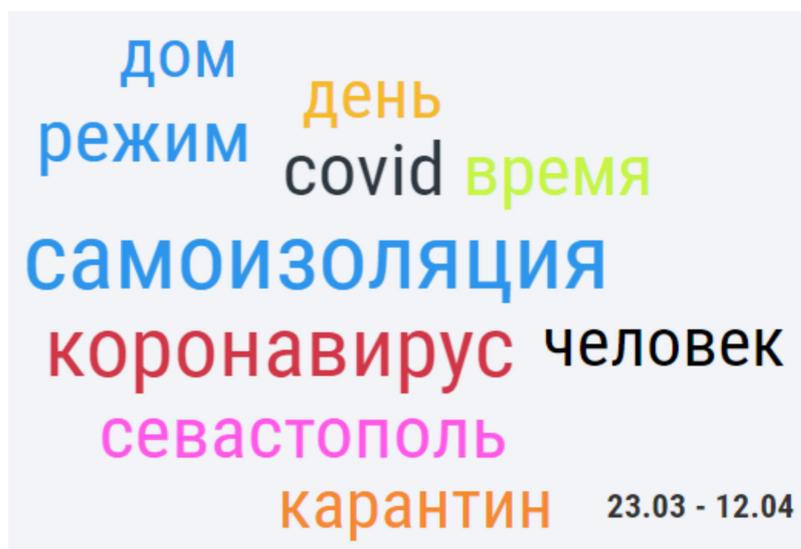

Рис. 15.1 и 15.2. Облако тегов по контентным группам «коронавирус»/«covid 19» и «самоизоляция»/«сидим дома», за период с 23.03 по 12.04.2020 г.

Figures 15.1 and 15.2. Tag cloud by content group “coronavirus”/“covid 19” and “lockdown”/“sitting at home” (for the period between March 23rd and April 12th 2020)

Популярной социальной сетью с высокой медиа-активностью по теме «коронавирус» у севастопольской интернет-аудитории является ВКонтакте – 32%, по теме самоизоляции – 51%. При этом в тройке лидеров интернет-площадок появляется севастопольский форум (27%), что является особенностью местного интернет-сегмента, ведь мессенджер ICQ и «форумы» свой пик популярности исчерпали к 2010 г. На Севастопольском политфоруме (sevpolitforum.ru) есть активная тема «Коронавирус COVID-19: Общая тема» с темой-веткой «Коронавирус. Сидите дома. Не пугайтесь!» (на 22.04.2020 – 305 000 просмотров), количеством сообщений – 1 651 952, количеством тем – 967, количеством пользователей – 154 260. Севастопольский городской форум (forum.sevastopol.info) имеет по исследуемым темам 10 222 743 сообщений, 36 295 тем и 234 941 пользователей.

Медиа-аналитический анализ севастопольской интернет-аудитории позволил сформулировать выводы о том, что в интернет-сегменте Севастополя исследуемого тематического поля «коронавирус–самоизоляция» нет ярко выраженных лидеров общественного мнения, медиасообщество разбито на различные по численности аудиторные группы (от 10 000 до 200 000 чел.); значимыми площадками являются ВКонтакте и утратившая популярность в федеральном пространстве медиаплощадка «форум», и только потом – Одноклассники и Facebook, что говорит о высокой коммуникативной мозаичности севастопольского интернет-сегмента. Контент онлайн-сообщений иллюстрирует «полу-островную самоизоляцию»: аудиторию в большей мере интересуют блокпосты на подъездах к Севастополю, меры изоляции приехавших с материковой части России в Севастополь. При этом события, происходящие за пределами Крыма и Севастополя, не попадают в ядро инфоповодов. Ключевое слово контент-анализа «самоизоляция» у севастопольских интернет-пользователей становится абстрактным, теряет свою локальную привязку.

Заключение

В реакциях интернет-аудиторий трёх федеральных центров России – Москвы, Санкт-Петербурга и Севастополя – на ситуацию с пандемией коронавируса и в этой связи вынужденную самоизоляцию есть схожие и отличительные черты.

Во-первых, первые две самоизоляционные недели ковидная тематика была в топе интернет-пользователей всех трёх регионов, но уже через 14 дней интерес к ней начал снижаться. При этом понимание процесса самоизоляции и всех вопросов, с ней связанных, – от новых правил повседневной жизни до дискурса о дистанционных коммуникациях – оставалось значимым для всех региональных интернет-аудиторий в течение 20 дней пребывания дома. Во-вторых, в гендерном распределении чётко выразилась большая заинтересованность женщин

обсудить и поднять вопросы об эпидемии коронавируса, социальном дистанцировании, онлайн-практиках новой повседневности и дистантных коммуникациях в целом. Выявленные тенденции свидетельствуют о формировании новых цифровых форм взаимодействия в коммуникационной, информационной, образовательной, хозяйственно-бытовой сферах жизни людей.

Говоря об отличиях, необходимо отметить региональность обсуждения эпидемии коронавируса и проблем самоизоляции у московской и севастопольской интернет-аудиторий, что говорит о формировании в этот период определённой солидарности перед новой угрозой и вызовами, которую можно интерпретировать как формирование региональных «обществ судьбы» согласно пониманию Питера Бэра. При этом севастопольский интернет-сегмент демонстрирует даже не региональную, а «полуостровную» солидарность, поднимая в топ дискурс о прибытии на полуостров потенциально инфицированных людей и мерах их изоляции, а события, происходящие за пределами полуострова, не воспринимаются аудиторией как значимые.

Отдельно необходимо отметить структуру медиа площадок регионов. Если в Москве и Санкт-Петербурге они схожи, формируются обычно двумя-тремя популярными социальными сетями, то севастопольская интернет-инфраструктура – это мозаичное коммуникативное поле с отсутствием ярко выраженных лидеров общественного мнения, неравномерностью игроков в медиасообществе, значимостью только социальной сети ВКонтакте и форумов, утративших популярность в федеральном медиапространстве.

Пандемия коронавируса поставила перед современным обществом проблемы не только и не столько медицинского характера, сколько социального и коммуникативного. Наш исследовательский коллектив представил результаты медиааналитики, проведённой в период, когда эпидемия ещё не достигла своего пика; следовательно, опирался на ранние наблюдения по изучению новых форм социальных коммуникаций, и, чтобы дать полное представление о них, необходимо осуществить мониторинговые замеры, позволяющие сделать полноценные заключения о создании новых норм и трендов в социальных отношениях.

Новые условия повседневности, рождённые пандемией коронавируса, привели к ряду рассуждений – появились модели объяснения изменений, вызванных эпидемией, новых коллективных и личностных повседневных практик, механизмов их формирования, описание новых социальных связей и наращивания нового социального капитала человечества. С нашей точки зрения, важным является то, что новое вирусное заболевание стало не просто социальным, но и политическим феноменом, создающим условия для консолидации в обществе, вызванные различными реакциями на кризис.

Одной из наиболее сложных задач, стоящих сейчас перед социальными науками, является выход на формирование сценариев и объяснительных схем этого социально-политического феномена.

Библиографический список

Абдеев Р. Ф. 1994. Философия информационной цивилизации / Ред. Е. С. Ивашкина, В. Г. Деткова. М.: ВЛАДОС. 336 с., ISBN 5-87065-012-7

Белл Д. 1999. Грядущее постиндустриальное общество. Опыт социального прогнозирования / Пер. с англ. М.: Academia. 956 с.

Бодрийяр Ж. 2006. Общество потребления. Его мифы и структуры / Пер. с фр. М.: Культурная революция, Республика. 269 с.

Бодрийяр Ж. 2007. К критике политической экономии знака / Пер. с фр. М.: Академический Проект. 335 с.

Бродовская Е. В., Домбровская А. Ю., Иванов И. С. 2016. Изменение стратегий онлайн-поведения российской интернет-аудитории: результаты сравнительного кластерного анализа (2012–2014 гг) // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 3. С. 173–188.

Бурдые П. 2007. Социология социального пространства / Пер. с франц. М.–СПб.: Институт экспериментальной социологии; Алетейя. 288 с.

Вайнштейн Г. 2002. Интернет как фактор общественных трансформаций // Мировая экономика и международные отношения, № 7. С. 16–27.

Вебер М. 1990. Основные социологические понятия // Вебер М. Избранные произведения. М.: Прогресс. С.625–629.

Гидденс Э. 1999. Социология. М.: Эдиториал УРСС. 704 с.

Кастельс Мануэль. 2004. Галактика Интернет. Размышления об Интернете, бизнесе и обществе / Пер. с англ. А. Матвеева, под ред. В. Харитонов. Екатеринбург: У–Фактория (при участии изд-ва Гуманитарного ун-та). 328 с. ISBN 5-94799-373-2

Кастельс М. 2000. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / Пер. с англ. Шкаратан О. И., ред. М.: ГУ ВШЭ. 608 с.

Кастельс М. 1999. Становление общества сетевых структур // Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М.: Academia. С. 494–505.

Маклюэн Г. М. 2003. Понимание Медиа: Внешние расширения человека / Пер. с англ. В. Николаева; закл. ст. М. Вавилова. М.; Жуковский: «КАНОН-пресс-Ц», «Кучково поле». 464 с.

Мартьянов Д. С., Подлеская Н. С. 2020. Конвергенция телевидения и Интернета в России: политический аспект // Политическая экспертиза: ПОЛИТЭКС. Том 16. № 1. С. 58–77.

Ракитов А. И. 2014. Информация, наука, технология в глобальных исторических изменениях. М.: Директ-Медиа. 105 с. // URL: <http://biblioclub.ru/index.php?page=book&id=230128> (Дата посещения: 01.06.2020). ISBN 978-5-4458-6506-3. DOI 10.23681/230128

Смолян Г. Л., Солнцева Г. Н. 2018. Информационная среда и информационная деятельность – методологический анализ понятий // Системные исследования. Методологические проблемы. Ежегодник. Том 38. С. 32–44.

Тоффлер Э. 2004а. Третья волна. М.: АСТ. 781 с.

Тоффлер Э. 2004b. Шок будущего. М.: АСТ. 557 с.

Яницкий О. Н. 2020. // Институт социологии ФНИСЦ РАН / Блоги. URL: https://www.isras.ru/blog_yan_161.html (Дата посещения: 10.06.2020).

Baehr P. 2008. Caesarism, Charisma and Fate: Historical Sources and Modern Resonances in the Work of Max Weber. New Jersey: Transaction Publishers. 256 p.

Brodovskaya E. V., Dombrovskaya A. Y., Nechaev V. D. 2015. Spiritual Orientations of Russians in the Age of the Internet Results of a National Sociological Research // European Journal of Science and Theology. Т. 11. № 4. С. 225–234.

Granovetter M. 1992. “Problems of Explanation in Economic Sociology”. In Nitin Nohria and Robert Eccles, Editors, Networks and Organizations: Structure, Form, Action, pp. 25–56. Boston: Harvard Business School Press.

Lazarsfeld P. F., Berelson B., Gaudet H. 1948. The People’s Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. Columbia University Press, 1948. 214 с.

Статья поступила: 15.06.20

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Ярмак Ольга Валерьевна, кандидат социологических наук, заведующий кафедрой «Социальные коммуникации», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

Страшко Екатерина Викторовна, кандидат экономических наук, доцент кафедры «Социальные коммуникации», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

Шкайдерова Татьяна Викторовна, кандидат филологических наук, доцент кафедры «Социальные коммуникации», Институт общественных наук и международных отношений, Севастопольский государственный университет, Севастополь, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.666

How Internet Users in Moscow, Saint Petersburg and Sevastopol Reacted to the Covid-19 Pandemic (Based on Material from a Media-Analysis Study)

Olga V. Yarmak

Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: sociocentre@sevsu.ru

ORCID ID: 0000-0002-5025-9112

Ekaterina V. Strashko

Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: katyastrashko@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-8891-8155

Tatyana V. Shkayderova

Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University, Sevastopol, Russia

E-mail: romy@mail.ru

ORCID ID: 0000-0001-5370-4237

For citation: Yarmak O. V., Strashko E. V., Shkayderova T. V. How internet users in Moscow, Saint Petersburg and Sevastopol reacted to the Covid-19 pandemic (based on material from a media-analysis study). *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 121–142. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.666

Abstract. This article presents the results of the authors' media-analysis study of social media in central federal cities – Moscow, Saint Petersburg and Sevastopol – on search queries such as “coronavirus”, “covid 19”, “sitting at home” and “stay at home” which came up during the first three weeks of self-isolation – from March 23rd to April 12th 2020. This allowed for analyzing trends in social media threads that emerged due to the lockdown and the epidemiological crisis, and for understanding the specifics of how a certain response to common threats and challenges was formulated in regional online-communities.

The cybermetric analysis of social media conducted by the authors, using a big data mining system for monitoring and analyzing social networks called “Medialogiya”, allowed for tracking the development of media and communication trends associated with an ambiguous evaluation on behalf of internet users of the situation with the coronavirus pandemic and the lockdown, as well as the emergence of new digital forms of interaction used by individuals in their day to day affairs. The study was carried out within the framework of a project called “Developing methods of agent modeling and big data for analyzing social media in post-conflict societies”. The research group defines the information attained from “Medialogiya’s” system as “big sociological data”, which allows for analyzing interactions between human beings and information, as well as their behavior in the internet.

The research results prove the development of regional specifics when discussing the pandemic and the issues associated with the ensuing lockdown experienced by internet users from Moscow and Sevastopol, which speaks to the emergence of a sort of regional solidarity in the face of this new threat and the challenges it poses. Sevastopol’s segment of the internet displayed not only regional, but also “peninsula” solidarity.

New conditions of everyday life brought us to view the new viral infection as a socio-political phenomenon, which in turn creates the grounds for new forms of consolidation within society, caused by various reactions to the crisis. One of the tasks currently faced by social sciences would be developing scenarios and outlines to explain the phenomenon in question.

Keywords: sociology, social media, big data, coronavirus, self-isolation, digital environment, digital action

References

- Abdeev R. Philosophy of Information Civilization. Moscow, VLADOS, 1994: 336 (In Russ.).
- Baehr P. Caesarism, Charisma and Fate: Historical Sources and Modern Resonances in the Work of Max Weber. New Jersey, Transaction Publishers, 2008: 256.
- Baudrillard J. Consumer society. Its myths and structures. Moscow, Kul’turnaja revoliucija; Respublika, 2006: 269 (In Russ.).
- Baudrillard J. Toward a Criticism of the Political Economy of the Cark. Moscow, Akademicheskij Proekt, 2007: 335 (In Russ.).
- Bell D. The Upcoming Post-industrial Society. Social Forecasting Experience. Moscow, Academia, 1999: 956 (In Russ.).
- Bourdieu P. Sociology of social space. Moscow; Saint Petersburg, IES publ.; Aletejja, 2007: 288 (In Russ.).
- Brodovskaja E.V., Dombrovskaja A.Y., Ivanov I.S. Changing of the online behavior strategies of a Russian Internet audience: results of a comparative cluster analysis. Monitoring obshhestvennogo mnenija: ekonomicheskie i social’nye peremeny = Monitoring of Public Opinion: Economic and Social Change, 2016: 3: 173–188 (In Russ.).
- Brodovskaya E.V., Dombrovskaya A.Y., Nechaev V.D. Spiritual Orientations of Russians in the Age of the Internet Results of a National Sociological Research. European Journal of Science and Theology, 2015: vol. 11: 225–234.

Castells M. Formation of a Society of Network Structures. A New Post-industrial Wave in the West. Moscow, Academia, 1999 (In Russ.).

Castells M. Internet: Reflections on the Internet, Business, and Society. Ekaterinburg, U – Faktorija, 2004: 328 (In Russ.).

Castells M. The Information Age: Economics, Society, and Culture. Moscow: SU HSE publ., 2000: 608 (In Russ.).

Giddens A. Sociology. Moscow, Editorial URSS, 1999: 704 (In Russ.).

Granovetter M. Problems of Explanation in Economic Sociology. In: Nitin and Robert, Editors, Networks and Organizations: Structure, Form, Action. Ed. by N. Nohria, R. Eccles. Boston, Harvard Business School Press, 1992: 25–56.

Lazarsfeld P.F., Berelson B., Gaudet H. The People's Choice: How the Voter Makes Up His Mind in a Presidential Campaign. N.Y., Columbia University Press, 1948: 214.

Martianov D.S., Podlesskaja N.S. Convergence of television and the Internet in Russia: political aspect. POLITEKS = Political Expertise, 2020: vol. 16: 1 (In Russ.).

McLuhan G.M. Understanding Media: External Extensions of Man. Moscow; Zhukovsky, CANON-Press-C; Kuchkovo Pole, 2003: 464 (In Russ.).

Rakitov A.I. Information, Science, Technology in Global Historical Change: Popular Science Publication. Moscow, Direkt-Media, 2014: 105 (In Russ.).

Smolian G.L., Solnceva G.N. Information environment and information activity – methodological analysis of concepts. Sistemnye issledovaniya. Metodologicheskie problemy. Ezhegodnik: vol. 38. Moscow, 2018: 32 – 44 (In Russ.).

Toffler E. Shock of the Future. Moscow, AST, 2004: 557 (In Russ.).

Toffler E. Third Wave. Moscow, AST, 2004: 781 (In Russ.).

Vaynshtein G. Internet as a factor in social transformation. Mirovaja Ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations, 2002 (7):16–27 (In Russ.).

Weber M. Basic Sociological Concepts. Izbrannye proizvedeniya. Moscow, Progress, 1990: 625–629 (In Russ.).

The article was submitted on: June 15.2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Yarmak Olga Valerievna, Associate Professor of the Department of Social Communications, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University. Sevastopol, Russian Federation

Strashko Ekaterina Viktorovna, Associate Professor of the Department of Social Communications, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University. Sevastopol, Russian Federation

Shkayderova Tatiana Viktorovna, Associate Professor of the Department of Social Communications, Institute of Social Sciences and International Relations, Sevastopol State University. Sevastopol, Russian Federation

Трибуна молодого учёного: инструментарий исследователя

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.667

«Мягкая сила» глазами зарубежных аналитиков: к операционализации концепта

Ссылка для цитирования: Андреев И. А. «Мягкая сила» глазами зарубежных аналитиков: к операционализации концепта // Вестник Института социологии. 2020. Том 11 № 3. С. 143–154. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.667
For citation: Andreev I. A. “Soft power” as perceived by foreign analysts: moving towards operationalizing the concept. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 143–154. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.667

Андреев Иван Андреевич

Национальный исследовательский университет «МЭИ»,
Москва, Россия

v-andreev_07@mail.ru

AuthorID ПИНЦ: [1034971](#)

Аннотация. Статья посвящена проблеме операционализации концепта «мягкая сила», введённого в дискурсы социальных наук и практической политики американским политическим аналитиком Дж. Наем. Основные аспекты данной проблемы рассматриваются на примере широко популяризируемых и имеющих вследствие этого немалый политический резонанс исследований, выполненных британским PR-агентством Portland Communications, известным ежегодно публикуемыми им рейтингами «мягкой силы» ведущих государств мира (Top-30 Soft Power) и аналитическими докладами на эту тему. Предложенная этим агентством методология является по сути дела первой серьёзной попыткой операционализации понятия «мягкая сила». В представленной статье подробно раскрываются особенности этой методологии. Автор описывает, каким образом она построена, даёт развёрнутую характеристику используемых в ней индикаторов и субиндикаторов, показывает, как именно применяется она в исследовательской практике.

Исходя из проделанного анализа выявляются как сильные, так и слабые стороны разработанной специалистами агентства Portland Communications операционализации. Отмечается, в частности, известная произвольность в отборе показателей, в определении их значимости и степени вклада в итоговый результат. В то же время автор обращает внимание на идеологизированный характер методологии, используемой в странах Запада для составления рейтингов «мягкой силы». Характерной особенностью этих рейтингов является выдвигание на первый план параметров, по которым страны Запада, и в особенности США и Великобритания, набирают наибольшее количество условных баллов. В то же время не получили адекватного отражения некоторые важные формы проявления мягкой силы, которыми ни США, ни Западная Европа в настоящее время не обладают (например, полностью обойдены вопросы, связанные с политическим влиянием религиозных идей и ценностей). В результате зафиксированные на основе рассматриваемой методологии тенденции

в целом ряде случаев выглядят как достаточно спорные.

В статье обосновывается также необходимость разработки новых методик описания и оценки мягкой силы, более полно и объективно учитывающих политический опыт незападного мира, включая Россию.

Ключевые слова: политическое влияние, политические симпатии, мягкая сила, операционализация, методология, рейтинг, индикаторы, культура, качество управления, цифровизация

В современных условиях всё более важным и эффективным инструментом политического влияния государств становится так называемая «мягкая сила». Американский государственный деятель и политический аналитик Дж. Най, который ввёл в обращение это понятие и первым дал ему развёрнутое теоретическое обоснование, определял «мягкую силу» как силу обаяния, способность институциональных политических субъектов добиваться своего, воздействуя на других не угрозами или обещанием каких-либо выгод, а своим привлекательным имиджем и репутацией. В этом плане «мягкая сила», как понимал её Най, сродни соблазнению: партнёр в какой-то мере идентифицирует себя с вами и идёт вам навстречу просто потому, что вы ему нравитесь, и ему очень хотелось бы сохранить ваше расположение [Най 2006].

Примеры такого рода хорошо знакомы нам по повседневным человеческим отношениям, но их, как показал Най, можно найти и в политике. Однако, если в личных отношениях неотразимость обаяния чаще всего проявляется на уровне не поддающихся анализу безотчётных ощущений, то для политики, рассматривающей эти качества как инструмент для достижения тех или иных целей, интуитивных ощущений совершенно недостаточно. Здесь руководствуются не столько чувствами, сколько расчётами, для реализации которых нужно совершенно конкретно понимать, в чём именно состоит и в чём вообще может состоять мягкая сила, как соотносятся между собой её составляющие, каковы механизмы её воздействия и вытекающие из этого способы её применения. Поскольку же обладание мягкой силой является очевидным конкурентным преимуществом государств (равно как и межгосударственных объединений интегративного типа), возникает также потребность в измерении данного фактора и сравнениях, использующих термины «больше» и «меньше». Иначе говоря, возникает практически ориентированный запрос на разработку матрицы эмпирически фиксируемых индикаторов, позволяющих осуществить *операционализацию* понятия «мягкая сила».

В настоящее время в этом направлении в той или иной степени работают несколько зарубежных исследовательских и консультативных центров, среди которых наиболее известным и авторитетным является британское PR-агентство Portland Communications, разработавшее схему прямой операционализации концепта «мягкая сила», строго следуя тому,

как оно определяется в работах Дж. Ная. Последний, как известно, описывал мягкую силу как внутренне дифференцированную структуру, состоящую из своего рода «блоков»: имидж данного государства и его международная репутация (особенно важны, в частности, выдвижение значимых для всего международного сообщества инициатив, экономическая, технологическая и кадровая помощь другим странам, оказание так называемых «дружеских услуг», участие в миротворческой деятельности ООН, противодействие агрессии и акциям геноцида и т. п.), провозглашаемые и отстаиваемые данным государством ценности, его интеллектуальные достижения (в науке, технологиях, здравоохранении, культуре, образовании и т. п.). Не последнюю роль играет также способность устанавливать привлекательную или, во всяком случае, приемлемую для других «повестку дня», формулировать и продвигать признаваемые всеми или большинством коллективные цели.

В соответствии с этим аналитики из Portland Communications оценивают уровень «мягкой силы» по нескольким интегральным направлениям, которые они называют субиндексами, но которые мы, в соответствии с особенностями русского терминологического словотворчества, предложили бы называть *сферами проявления мягкой силы*. Шесть из них рассматриваются экспертами Portland как объективные. В их числе цифровизация, степень развития деловой активности и удобство ведения бизнеса, культура, образование, качество управления, а также «вовлечённость» (engagement), под которой понимается плотность международных контактов данной страны, степень её участия в международных организациях, а также в разного рода значимых международных инициативах. Эти своего рода «характерологические домены» в свою очередь описываются через ряд конкретизирующих индикаторов, каждый из которых уже непосредственно соотносится с определёнными эмпирическими данными. Например, для сферы культуры это общее количество прибывающих в страну туристов, количество фильмов данной страны, демонстрировавшихся на крупных кинофестивалях, объём музыкального рынка страны, количество имеющихся на её территории объектов всемирного наследия ЮНЕСКО, количество завоеванных её спортсменами олимпийских медалей (за определённый период), место данной страны в рейтинге ФИФА, количество ресторанов, отмеченных звездой рейтинга Мишлен, качество национального авиаперевозчика, так называемый индекс силы языка (PLI) и т. п. Применительно к сфере образования учитываются доля населения, обучающегося в вузах; наличие в стране ведущих мировых университетов (из списка 200 лучших по версии Times Higher Education); количество обучающихся в данной стране иностранных студентов; количество статей, опубликованных в ведущих научных журналах; процент ВВП, выделяемый данной страной на финансирование образования; средний балл её школьников по тестам PISA (естествознание, математика, чтение) и др. Очень любопытным нам представляется набор параметров, из которых складывается комплексная оценка уровня цифровизации: здесь, к примеру, учитывается не только количество интер-

нет-пользователей (в расчёте на 100 жителей) или интернет-серверов (на 1 млн чел.), но и число фолловеров Фейсбука для главы данного государства, и рейтинг Фейсбука для главы государства и правительства за пределами данной страны. Подсчёт значений таких индикаторов в большинстве своём не требует ни особой изобретательности, ни специально спланированных исследований: зачастую здесь просто в несколько ином контексте используются некоторые широко распространённые и хорошо известные базы данных, статистические сводки и отчёты, официальные пресс-релизы и другие информативные материалы.

Что касается субъективного измерения мягкой силы, то оно представляет собой обобщённый результат тематизированных социологических опросов, выявляющих представления населения различных стран мира о других странах. Содержательно в ходе этих опросов выяснялось восприятие различных стран по семи основным факторам: благожелательность по отношению к иностранным туристам; доверие к проводимой данной страной международной политике; желание жить, учиться или работать в данной стране; оценка её вклада в глобальную культуру; оценка кухни, предлагаемой данной страной; оценка технологичности производимых этой страной товаров; привлекательность предлагаемых ею «люксовых» брэндов. По всем этим параметрам респонденты должны были давать количественную оценку в баллах по шкале от 0 до 10, где 10 означало высшую степень одобрения. Такие опросы проводились по единой методике сначала в 20-ти, а с 2016 г. в 25 странах, представляющих в совокупности все мировые регионы – Европу/Евразию, Северную и Южную Америку, Южную, Юго-Восточную и Восточную Азию, Ближний и Средний Восток, Африку, а также Австралию (Австралазию). В последние годы в большинстве стран опрашивалось по 500, в отдельных случаях (Египет, Нигерия, ОАЭ, Швеция, Вьетнам) по 250 человек, что составляет в совокупности 10500 – 11000 респондентов. Как утверждают сами исследователи, выборки по каждой стране репрезентативны по полу, возрасту и региону [The Soft Power... 2019].

Следует, однако, заметить, что чёткое разделение на «объективные» и «субъективные» факторы в исследованиях Portland Communications не во всём выдерживается. Например, как уже отмечалось выше, для суммарной оценки такого объективного в основе своей показателя, как качество управления, учитывается публикуемый ООН так называемый Мировой индекс счастья (World Happiness Index), представляющий собой свод весьма субъективных оценок, основанных на самоощущении людей, принадлежащих к разным культурам, живущих в очень разных условиях и имеющих весьма разные потребности.

Как ясно видно из только что сказанного, исходный эмпирический материал, на базе которого предлагается выводить итоговые оценки мягкой силы, чрезвычайно разнороден и к тому же выражен в единицах, которые невозможно непосредственно приравнять друг к другу: как в самом деле соотнести по значимости и вкладу в формирование мягкой силы количество дипломатических представительств и процент

ВВП, выделяемый на финансирование образования, уровень доверия к политике того или иного государства (который к тому же от страны к стране сильно варьируется) со вкусовыми ощущениями от блюд национальной кухни или количеством компьютеров и посещений интернета в расчёте на 1000 человек населения? Задача сведения всех этих показателей к некой итоговой результирующей далеко не тривиальна, и её решение допускает ту или иную меру условности. В данном случае она решается посредством выражения значений всех индикаторов и субиндикаторов в условных баллах. При этом количество баллов в каждой обобщённой номинации («культура», «образование», «цифровизация» и т. д.) для удобства сравнения приведено к 100.

Каково же влияние каждой из этих номинаций на суммарную величину мягкой силы государства? Как уверяют работающие с рейтингами мягкой силы британские аналитики, его можно приблизительно рассчитать на основании многолетних наблюдений. Так, среди объективных (на самом деле, как мы уже отмечали выше, – условно объективных) факторов наибольший вклад в итоговый результат вносит качество управления (почти 21%), а наименьший – показатели, связанные с культурой и культурной жизнью (чуть более 12,5%). Симметричную этому картину мы наблюдаем и в поле субъективных оценок мягкой силы: на первое место здесь выходит характер международной политики (её вклад составляет 26%), а наименьшее – вклад данной страны в глобальную культуру (около 6,5%). Впрочем, такие субиндикаторы, как технологичность продукции и качество «люксовых» товаров, совсем ненамного превосходят эту довольно скромную цифру. Удивительно, кстати, что, по мнению специалистов Portland, при этом они даже несколько уступают такому весьма специфическому показателю, как кулинарные достижения страны, привлекательность предлагаемой ею кухни и качество ресторанной сети (оценивается по известному «красному гиду» Мишлена).

Спорить по поводу адекватности всех этих изложенных выше выкладок и расчётов контрпродуктивно, поскольку трудно представить себе какой-либо, не вызывающий никаких возражений, способ подтверждения их основательности. Очевидно, что объективность многих заявляемых аналитиками Portland в качестве объективных субиндикаторов является при ближайшем рассмотрении всего лишь превращённой формой субъективности. И в этом проявляется идеологизированный характер концепта «мягкой силы», который в той интерпретации, которую разрабатывал Дж. Най, отражает не только универсальные параметры и методы «мягкого» влияния, которые подходят всем политическим субъектам, но и специфический политический опыт США и Запада в целом. Поскольку иных сколько-нибудь детально разработанных подходов к измерению мягкой силы пока нет, приходится просто принимать предлагаемые разработчиками данной методики результаты как некую основу для анализа. Но при этом стоило бы задуматься над разработкой альтернативных и прежде всего более объективных методик.

На протяжении вот уже нескольких лет британское агентство публикует рейтинговый список из 30 стран, обладающих, по его подсчётам, наибольшей суммарной величиной «мягкой силы». В первой его десятке неизменно и ожидаемо выступают страны Запада, хотя распределение мест среди них меняется. В 2019 г. высшую позицию в рейтинге заняла Франция. Положение же США в последнее время ухудшалось, и ныне считающая себя единственной и исключительной сверхдержава заняла только 5-е место, пропустив вперёд, помимо Франции, ещё и Великобританию, Германию, Швецию. Вполне предсказуемое объяснение со стороны аналитиков Portland – эта негативная динамика вызвана непредсказуемой и обескураживающей внешней политикой Дж. Трампа.

Начиная с 2015 г. в Top-30 Soft Power входит и Россия; правда, показатели нашей страны по данной версии год от года снижались, и в 2019 г. она заняла здесь последнее, 30-е место. По результатам предыдущего исследования его занимала Аргентина, но в 2019 г. эта страна в рейтинговый список вообще не вошла. Впереди России в рейтинге выступают не только страны Запада или, к примеру, Япония, но и такие «азиатские тигры», как Китай, Южная Корея, Сингапур и Турция, а также растущий южноамериканский гигант – Бразилия. Уступаем мы и некоторым бывшим союзникам из Восточной Европы – Польше, Чехии и Венгрии. Впрочем, этой последней мы проиграли каких-то 2 балла, а от занявшей 29-е место Турции нас отделяет и вовсе менее 1 балла.

Учитывая возрастающее геэкономическое и геополитическое значение Азии, в особенности Азиатско-Тихоокеанского региона, выступающего ныне в качестве главного драйвера мирового развития, аналитики Portland с 2019 г. стали ранжировать мягкую силу расположенных здесь стран, размещая их в особом рейтинговом списке – The Asia Soft Power 10. «Высшая лига» азиатских стран по версии Portland выглядит следующим образом: Япония, Южная Корея, Сингапур, Китай (все эти страны входят также и в мировой рейтинг), Тайвань, Таиланд, Малайзия, Индия, Индонезия, Филиппины. Как видим, здесь нет нашего старого протеза – Вьетнама, хотя эта страна в последние годы весьма успешно развивалась и заработала немало очков на международном туризме. Несколько обескураживает также результат Индии, которая в последние несколько лет уделяла наращиванию мягкой силы особое внимание: мы имеем в виду предложенные и осуществлённые индийскими креативными специалистами из Национального Института преобразования Индии (NITI) успешные презентационно-маркетинговые инициативы, направленные на популяризацию образа Индии, усиление её инвестиционной привлекательности и привлечение в страну туристов («Делай в Индии», «Невероятная Индия», «Страна, принадлежащая Богу» (“God’s Own Country”) и др. [Емельянова 2015].

Несомненно, рейтинги Portland, являющиеся результатом весьма сложного и кропотливого труда нескольких десятков высококлассных специалистов, заслуживают пристального внимания и могут быть

поводом для размышлений. Многие их выводы уже на интуитивном уровне воспринимаются как достаточно обоснованные: вряд ли, к примеру, кому-то придёт в голову спорить с тем, что жизнь в Норвегии или Швейцарии спокойнее, чем в России, а уровень благосостояния населения этих стран значительно выше. Тем не менее некоторые существенные аспекты проводимых британским агентством исследований вызывают вопросы, сомнения и возражения. Так, согласно выводам Portland Communications, Россия значительно опережает такие страны, как Польша и Португалия, практически по всем объективным показателям, кроме качества управления и (незначительно) условий ведения бизнеса, но однако в общем итоговом рейтинге отстаёт от этих стран в одном случае на 7, а в другом на 8 позиций [The Soft Power 30... 2019].

Впрочем, сомнения относятся не только к оценкам нашей страны (приходится даже удивляться, как ей удаётся удерживаться в Top-30 Soft Power, несмотря на развёрнутую против неё пропагандистскую кампанию, в которой задействованы едва ли не все западные медиаресурсы глобального уровня), но и ко многим фаворитам рейтинга – ведущим странам Запада. Например, США в 2019 г. по сравнению с предыдущим годом сохранили практически все свои позиции, за исключением рейтинга в номинации «управление», но здесь они опустились сразу на 5 ступенек – с 16 на 21 место, в результате чего и в итоговом рейтинге страна опустилась на не очень-то престижное для сверхдержавы 5-е место. Немедленно возникает вопрос: что же могло так уж радикально измениться в американской политической и административной системе за один лишь год, хотя благодаря отлаженному десятилетиями балансу сдержек и противовесов эта система всегда отличалась очень большой устойчивостью? А вот Франция, где ситуация в сфере управления в 2019 г. отнюдь не была благополучной (вспомним хотя бы о выступлениях «жёлтых жилетов»), вдруг вырвалась на первое место в рейтинге, и это притом, что практически по всем показателям, объективно характеризующим конкурентоспособность страны и её инновационный потенциал (цифровизация, образование, условия ведения бизнеса), родина Декарта, Паскаля и Вольтера сильно уступает не только США, но и целому ряду других стран... Невольно зарождается мысль: а не стоит ли за этими перестановками подспудное стремление хотя бы косвенно скомпрометировать Трампа и продвинуть на место лидера «западных демократий» французского президента Макрона?

Очевидно, что на методики ранжирования стран по уровню «мягкой силы» влияет определённая «идеологическая оптика». В рассматриваемом нами случае это, разумеется, так называемые «западные ценности». Так, при выборе показателей для сравнительных оценок аналитики Portland совершенно обходят такие темы, как демография (в том числе желание иметь детей), уровень социальной автономии и социальной значимости семьи (включая право родителей определять подход к воспитанию детей), миграция, способность общества поддерживать оптимальный для него этнокультурный баланс и т. п. У нас,

разумеется, нет возражений против учёта в рейтинге результатов тестирования по международной программе PISA. Однако почему бы наряду с этим не учитывать и достижения школьников на международных олимпиадах по математике, физике, биологии и программированию? Можно представить себе, что, если бы награды, полученные на таких соревнованиях, учитывались, многие страны Западной Европы потеряли бы на этом немало баллов и, возможно, отодвинулись бы на более скромное место в рейтинге.

В своё время некоторые российские политологи весьма основательно критиковали Дж. Ная за то, что в его концепции с самого начала была размыта диалектика возможного и действительного (осуществившегося), так что *реальная* мягкая сила у него подчас неявно подменялась тем, что точнее всего следовало бы определить как *ресурсы* мягкой силы [Юдин 2013]. А ведь с точки зрения логики использования понятия «мягкая сила», решающее значение имеет не само по себе качество управления или образования в той или иной стране, а способность претворить потенциальные преимущества в управлении или образовании в реально ощутимые «политические импульсы». Нам представляется, что такого рода возражения в значительной мере относятся и к разработанной на базе работ Дж. Ная методике операционализации концепта «мягкая сила». Нельзя, конечно, не согласиться с ними в том, что страна, обладающая таким музеем, как Лувр, или таким оперным театром, как Ла Скала, уже благодаря одному этому получает некие дополнительные возможности в плане формирования привлекательного имиджа. Но в какой мере это конвертируется в *реальное политическое влияние* Франции и Италии (в чём, собственно, и состоит суть и назначение мягкой силы)? Вопрос этот далеко не тривиален, и ответ на него из докладов Portland вывести затруднительно. По сути дела, писавшие эти доклады аналитики просто-напросто имплицитно предполагают, что такие замечательные источники эстетического наслаждения никак не могут не вызвать расположения к Франции *как государству*. Но так ли это на самом деле? Кто и как зафиксировал такую связь эмпирически? Интересно, что сказал бы по этому поводу тот же Реджеп Эрдоган, не так давно подписавший указ о превращении великолепного комплекса Св. Софии из музея в мечеть? Мы, исходя из этого последнего примера, предположили бы нечто другое: а именно то, что великие святыни (не только ислама), если брать их как факторы политического влияния, способны действовать куда как эффективнее самых замечательных музеев и памятников культуры (что, разумеется, вовсе не говорит о неспособности приверженцев той или иной религии любить и ценить прекрасное).

Однако же в рассмотренных нами методиках, которые использует Portland, тема политической значимости религиозных ценностей совершенно игнорируется. Наверное, это соответствует умонастроениям либеральной постхристианской Европы, где секуляризация со времён Просвещения привычно воспринимается как обязательный признак про-

гресса. Но современный мир с некоторых пор двинулся в ином направлении. Связь между секуляризацией и модернизацией если и не разорвана, то сильно ослабевает, а между тем религия как явление социальной жизни, похоже, вновь выходит в публичную сферу и возвращается на авансцену истории, демонстрируя при этом незаурядную способность к смене форм и содержательным трансформациям. Возрождаются и усиливают свои позиции традиционные верования (всем известно, например, о мощной экспансии ислама), но наряду с этим возникают новые религиозные и квазирелигиозные синтезы [Руткевич 2017]. В ходе этого процесса появляются и новые центры, новые факторы духовного притяжения, которые совершенно естественно было бы учитывать в контексте проблематики мягкой силы, в том числе и в плане количественных оценок и сопоставлений. Если же этого не делать, то вся картина распределения потенциалов мягкой силы в современном мире получатся далеко не полной и несколько искаженной.

Надо заметить, что рейтинги Portland Communications, при всей своей эвристической полезности, всё же чем-то напоминают пресловутую «среднюю температуру по больнице». Они, конечно, подталкивают глобальных игроков к саморефлексии, включая осознание своих слабостей и недостатков; но в то же время они фактически непригодны для непосредственного использования в практической политике (если, естественно, отделить её от тесно с нею связанных пропаганды и пиара). Ведь «среднемировой» рейтинг ничего не говорит о взаимоотношениях конкретных субъектов мировой политики: так, например, Япония в целом весьма популярная страна, но население КНР – её могущественного и притом ближайшего соседа, а также крупнейшего экономического партнёра – воспринимает её довольно негативно, что на практике может иметь куда более важные последствия, чем абстрактная симпатия со стороны жителей далёкого Гондураса или не менее далёкой Португалии. Впрочем, немалое значение имеет и обратное – то, что среди японских граждан Китая симпатизируют не более 14%, тогда как 85% воспринимают своего соседа весьма недоброжелательно [Pew 2019].

Как видим, в практической политике, по-видимому, полезнее не столько скрупулёзно операционализированные исследования, сколько более простые, не выходящие за пределы «общих впечатлений», но зато охватывающие большее число «точек зондирования» и дифференцированные по странам (а внутри стран – по социальным группам и поколениям). Такие как, например, проводимые известным американским «резервуаром фактов» (fact-tank) Pew Research Center международные опросы, выявляющие общий уровень симпатий к основным геополитическим игрокам в различных странах мира. Актуальной задачей становится разработка российскими учёными собственных методик изучения феномена «мягкой силы». Прежде всего основанные на таких методиках исследования необходимы для того, чтобы научиться лучше понимать как свои собственные сильные и слабые стороны, так и других геополитических игроков. Это поможет нам, нашей политической элите

(в мышление которой – что греха таить – глубоко заложены западные идеологемы, которых она нередко просто не замечает) избегать бездумного копирования неподходящих нам моделей и более пристально концентрироваться на собственных ресурсах, за счёт чего проводить более грамотную политику в сфере международного влияния. Кроме того, демонстрация нашей страной самобытной и эффективной стратегии «мягкого» политического влияния позволит нашим геополитическим оппонентам трезвее оценить свои и наши силы, что, возможно, удержит их властные элиты от продиктованных идеологическим самообманом непродуманных и опасных решений. И здесь, как нам кажется, определённую перспективу имеет дальнейшее углубление и развитие в международном масштабе тех сравнительных исследований, которые проводились в Институте социологии ФНИСЦ РАН [Российское общество... 2017], в том числе на основе методик реконструкции «семантического наполнения» складывающихся в массовом сознании образов различных стран [Андреев, Лашук 2019]. Правда, с сожалением приходится констатировать, что в силу нарастающей бюрократизации системы научных исследований в России и избыточной цифровизации процесса экспертизы финансирование такого рода исследований сильно затруднено и, на наш взгляд, выглядит проблематичным.

Библиографический список

Андреев А. Л., Лашук И. В. 2019. Студенческая молодежь России и Белоруссии: картины мира, ценностные установки, стратегии самореализации. Часть 2 // Социологическая наука и социальная практика. Т. 7. № 2 (26). С. 34–45.

Емельянова Н. Н. 2015. Перспективы «гибкой власти» в Азии (на примере Китая и Индии) // Власть. № 6. С. 186–191.

Най Дж. С. 2006. Гибкая власть. Как добиться успеха в мировой политике. Новосибирск: Фонд социо-прогностических исследований «Тренды». 221 с.

Российское общество и вызовы времени. Кн. 5. М.: Весь мир, 2017. 416 с.

Руткевич Е. Д. 2017. Религия в глобальном пространстве: подходы, определения, проблемы в западной социологии // Вестник Института социологии РАН. Т. 8. № 1. С. 132–161.

Юдин Н. В. 2013. Жесткий взгляд на «мягкую силу»: критический анализ монографии Дж. Ная «Будущее власти» // Вестник Московского университета. Сер. 25 «Международные отношения и мировая политика». № 4. С. 134–163.

The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power. 2019 // Portland Communications. URL: <https://softpower30.com/> (Дата посещения: 10.11.2019).

Pew Research Center. Global Attitudes and Trends. 2019 // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/global/> (Дата посещения: 10.11.2019).

Статья поступила: 28.01.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Андреев Иван Андреевич, ассистент кафедры философии, политологии и социологии. Национальный исследовательский университет «МЭИ», Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.667

“Soft Power” as Perceived by Foreign Analysts: Moving Towards Operationalizing the Concept

Ivan A. Andreev

National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, Moscow, Russia

E-mail: v-andreev_07@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-0765-3667

For citation: Andreev I. A. “Soft power” as perceived by foreign analysts: moving towards operationalizing the concept. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 143–154. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.667

Abstract. This article is dedicated to the issue of operationalizing the concept of “soft power”, which was introduced into the discourses of social sciences and practical politics by American political analyst Joseph Nye. The main aspects of the issue are examined on the example of the widely popularized, and consequently bearing considerable political resonance, studies carried out by the British PR-agency Portland Communications, which is known for annually publishing “soft power” ratings of the world’s leading countries (the Top-30 Soft Power list), as well as analytical reports on the topic. The methodology proposed by said agency can basically be considered the first ever serious attempt at operationalizing the term “soft power”. This article comprehensively reveals the specifics of their methodology. The author describes how exactly it is constructed, while providing a detailed characterization of the indicators and sub-indicators it uses, and while showing how exactly it is used in actual research.

Based on the conducted analysis, both the strong and weak points of the operationalization developed by Portland Communications are determined. In particular, the article highlights the well-known randomness when it comes to choosing indexes, defining their significance and the degree of their contribution to the end result. At the same time, the author points out the ideological nature of the methodology used by western countries to put together their “soft power” ratings. A defining characteristic of these ratings is putting emphasis on such parameters that would give western countries, especially the USA and Great Britain, the opportunity to garner the most points. Meanwhile certain vital forms of exercising soft power were not adequately represented, namely those which are not currently possessed by the US or Western Europe (for example, issues associated with the political influence of religious ideas and values were completely neglected). As a result, the trends identified based on the methodology in question appear to be rather questionable in many cases.

The article also substantiates the need for developing new methods of describing and evaluating soft power, which would provide a more comprehensive and objective representation of the political experience of countries not belonging to the western world, including Russia.

Keywords: political influence, political sympathies, soft power, operationalization, methodology, rating, indicators, culture, quality of management, digitalization

References

Andreev A.L., Lashuk I.V. Student Youth of Russia and Belarus: Pictures of the World, Value Orientations, Strategies for Self-realization. Part 2. *Sociologicheskaya nauka i socialnaja praktika = Sociological Science and Social Practice*, 2019: vol. 7: 2 (26): 34–45 (In Russ.).

Emelianova N.N. Prospects of “flexible power” in Asia (on the example of China and India). *Vlast = Power*, 2015: 6: 186–191 (In Russ.).

Nay D.S. *Soft Power: The Means to Success in World Politics*. Novosibirsk: Trendy, 2006: 221 (In Russ.).

Russian Society and Challenges of the Time. Vol. 5. Moscow, Ves' Mir, 2017: 416 (In Russ.).

Rutkevich E.D. Religion in the Global Space: Approaches, Definitions, Problems in Western Sociology. *Vestnik Instituta sotsiologii = Bulletin of the Institute of Sociology*, 2017: vol. 8: 1: 132–161 (In Russ.).

The Soft Power 30. A Global Ranking of Soft Power. 2019 // Portland Communications. URL: <https://softpower30.com/> (Дата посещения: 10.11.2019).

Pew Research Center. Global Attitudes and Trends. 2019 // Pew Research Center. URL: <https://www.pewresearch.org/global/> (Дата посещения: 10.11.2019).

Yudin N.V. A hard look at “soft power”: a critical analysis of the J. Nye’s monograph “Future of power”. *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Ser. 25 Mezhdunarodnye otnosheniya i mirovaya politika = Bulletin of the Moscow University. Ser. 25 International Relations and Global Policy*, 2013: 4: 134–163 (In Russ.).

The article was submitted on January 28. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Andreev Ivan Andreevich, Assistant Professor, National Research University “Moscow Power Engineering Institute”, Moscow, Russia

Трибуна молодого учёного: инструментарий исследователя

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.668

Подходы к исследованию культурных индустрий и анализ их применимости в реалиях современной российской культуры

Ссылка для цитирования: *Вербицкий С. А.* Подходы к исследованию культурных индустрий и анализ их применимости в реалиях современной российской культуры // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3. С. 155–178. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.668

For citation: Verbitskii S. A. Approaches towards studying cultural industries and the analysis of their applicability within the reality of modern Russian culture. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 155–178. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.668

**Вербицкий
Сергей Анатольевич**

НИУ ВШЭ,
Санкт-Петербург, Россия

sverbitskiy@hse.ru

Аннотация. Данная статья содержит обзор наиболее распространённых подходов к исследованию культурных индустрий в целом и музыкальных индустрий в частности, описывает способы формирования «исследовательского дизайна» (выбора теоретической оптики, постановки исследовательского вопроса и подбора методологического комплекса), широко распространённые в современных культурологии и социологии.

Автор рассматривает основные современные направления исследований культурных индустрий: «перспективу культурного производства», «культурное производство» как совокупность «креативных кластеров» и подход, интерпретирующий коллаборативные сети как основных акторов культурной индустрии. Анализируемые отдельно подходы к исследованию культурного производства в музыкальной индустрии представляют собой: анализ влияния структуры рынка на потребительское поведение, исследование коллаборативных сетей в музыке, изучение политического измерения музыкального производства, а также коммуникации между различными уровнями принятия решений внутри музыкальных индустрий. Также в статье анализируются наиболее часто используемые объекты для критики в ряде теоретико-методологических подходов. Автор проводит оценку применимости используемых в социологии методов исследования музыкального и культурного производства в рамках российской музыкальной индустрии: анализа социальных сетей, качественного и количественного контент-анализа, вторичного анализа статистических данных, а также глубинного и экспертного интервью. Также показаны ограничения использования перечисленных методов в исследовании российской музыкально-культурной индустрии. По итогам проведённого анализа делается вывод о высокой степени применимости данных методов в дальнейших академических исследованиях в указанной сфере. В свете макроэкономического развития сферы производства и потребления музыкального продукта

в России и тотальной цифровизации данных процессов, автор полагает, что направление исследования культурных и музыкальных индустрий является достаточно перспективным. Темпы трансформации музыкальной и других культурных индустрий в России позволяют делать вывод о потенциальной востребованности данного направления исследования в академической и публицистической средах.

Ключевые слова: культура, культурная индустрия, культурное производство, теория и методология, смешанные методы, музыкальная индустрия

Изменение в способах передачи информации и извлечения прибыли из продуктов культурного производства принципиальным образом поставило перед обществом вопрос о коммерциализации культуры и искусства в форме культурных и креативных индустрий. На публичном и академическом уровнях данный запрос вызвал дискуссии о введении понятия «культурная индустрия». Масштабное наследие в западных социологических школах в области генеалогии и функционирования культурных индустрий оставалось до настоящего времени без значительного внимания отечественных специалистов в области социальных наук. В свою очередь это влечёт за собой недостаточную репрезентацию теоретико-методологических рамок данной сферы социологии и культурологии.

В российской социологии весьма немногочислен спектр исследований, представляющих собой погружение в генеалогию культурных и музыкальных индустрий, логику их функционирования, а также экскурс в методологию. Ряд иных работ представляет собой обзор распространённых в заграничных социологических традициях подходов к исследованиям культурных индустрий как таковых, без фокуса на конкретной сфере искусства. Основная часть данной работы – обзор существующих способов построения исследований в форме так называемого «исследовательского дизайна», т. е. основных компонентов работ в области социальных наук, так или иначе затрагивающих культурное производство в рамках индустрий.

Стоит отметить, что «культурное производство» и «культурная индустрия», а равно и «музыкальная индустрия» – понятия, являющиеся центральными для нашей статьи. Несмотря на значительное число дискуссий относительно трактовки данных терминов, каждый из которых может быть по-разному истолкован в академическом и бытовом дискурсах, здесь будут приведены их наиболее общепринятые определения. Так, культурное производство – это «процесс, в котором культурные продукты (включая товары, артефакты, визуальные объекты, услуги и формы искусства) создаются, трансформируются и реализуются в потребительской культуре» [Lash, Urry 2002; Venkatesh, Meamber 2006: 11]. Как отмечал Д. Хезмондалш, значительно труднее дать определение понятию культурной индустрии. Суммируя её отличительные черты от индустрий

иного спектра, он утверждал, что культурная индустрия – это институт или совокупность институтов, наибольшим образом связанных с воспроизводством социального порядка путём *промышленного* производства культурного продукта [Hesmondhalgh 2012: 16]. Соответственно, музыкальная индустрия – это совокупность институтов, вовлечённых в поддержание социального порядка через промышленное производство продукта музыкальной сферы. Понимание культурного производства вышеописанным способом, как будет показано далее, заложено в суть «перспективы культурного производства» к исследованию данного процесса и является продолжением идей, выработанных П. Бурдьё [Bourdieu 1993].

В рамках этой работы будет проведён детальный обзор существующих на сегодня подходов к исследованию культурных индустрий и рассмотрен способ организации исследования в направлении музыкальных индустрий как частного случая индустрий культурных. Дополнительной задачей станет оценка применимости данных теоретико-методологических рамок к исследованию российской музыкальной индустрии. В хронологическом порядке будут рассмотрены работы на тему как культурных, так и музыкальных индустрий, публиковавшиеся с начала 1970-х гг. Именно в этот период времени происходит актуализация концептов культурного производства, тесно связанного с категориями массовой культуры и культурных/креативных индустрий. Частично в работе используются также отчёты аудиторских компаний, материалы СМИ, международных организаций и институтов, чьим профилем так или иначе является процесс культурного производства.

Конструирование комплексного исследования культурных и креативных индустрий в зарубежной социальной теории

Классические работы в области культурного производства, культурных индустрий и кооптации данных понятий – статьи П. ДиМадджио [DiMaggio 1987a; 1987b], а также П. Хирша [Hirsch 1972; DiMaggio, Hirsch 1976]. Пионерские работы в области культурного производства за авторством Р. Питерсона, Д. Бергера [Peterson, Berger 1975; Peterson 1979] стали, с точки зрения Н. Фархатдинова, началом теоретической дискуссии о границах применимости индустриальной метафоры в исследовании культуры. В то же время приписать «пионерский» характер исследованиям Питерсона в этой области можно лишь условно, поскольку схожие идеи высказывались, в частности, классиками марксизма [Фархатдинов 2008]. Парадигма «культурного производства» Р. Питерсона и Д. Бергера предполагает, что искусство «редуцируется» до понятия индустрии, понимаемого исключительно как процесс производства и потребления. Частично применяя подход, предложенный Р. Питерсоном и Д. Бергером [Peterson, Berger 1971], и конструируя предварительную модель организационной структуры популярной куль-

туры, П. ДиМаджио задаётся вопросом, возможно ли при определённых обстоятельствах расширить область применения данной модели на всю «культурную экономику». Он ориентируется на ряд выделенных им критериев анализа («сегментированность рынка», «диверсификация пространства», «форма организации») с целью детально описать каждую из них. Главный вывод автора в конце работы подводит нас к тому, что несмотря на характерную для телевидения консервативность во всём, что касается инноваций (технологических и креативных) и принятия решений (связанных с рисками акционеров компаний и получателей прибыли), более широкое распространение высоких технологий в конечном итоге достигнет и телевизионной сферы рано или поздно [DiMaggio 1977]. Исследования Ч. Кадушина в области культурного производства сосредоточены преимущественно на выявлении циклов развития популярной, массовой культуры с использованием вторичного анализа количественных данных, а также анализа социальных сетей [Kadushin 1976].

Подход к культурному производству как к совокупности «кластеров» и комплексов творческих объединений в контексте растущей глобализации культурного производства и потребления его продуктов характерен для исследований Д. Румбо [Rumbo et al. 2003] и Л. Альпера [Halpert 2012]. Особенно многочисленны исследования в этом направлении в британской социологической школе. Так, характерным примером является работа К. Бассетса о креативных кластерах в г. Бристоль на примере сообщества производителей фильмов исторического жанра, выполненная с использованием анализа социальных сетей самого кластера, а также исторического анализа хода его становления [Bassets et al. 2002]. Аналитические статьи Э. Пратта содержат в себе исследование содержания понятия «креативного кластера» и его изменений по ходу развития производственного процесса [Pratt 2008]. Применение метода вторичного анализа статистических данных содержится в работе Ж. Янга и Й. Черневичуте о становлении креативных кластеров в китайской культурной индустрии [Yang, Černevičiūtė 2017]. Вспомогательным методом исследования стал качественный контент-анализ нормативно-правовых актов, определяющих положение креативных кластеров на государственном уровне и устанавливающих их правовой статус в КНР. Рост востребованности социально-сетевого анализа как ведущего метода исследования, по нашим наблюдениям, произошёл в исследованиях миграции. Однако и культурологические работы, как и статьи в области социологии политики и политического капитала, также зачастую эксплуатируют некоторые концепты, понятия и индикаторы, характерные для данного подхода.

По мере роста коммерциализации культурного производства и помещения его в рамки культурных и креативных индустрий, дополнительной сферой интересов культурологов и социологов (а равно и экономистов) стали вопросы сотрудничества государственного сектора с культурными/креативными индустриями. Исследователи рассматривают вопросы правительственной политики в культурной сфере и созда-

ние по частно-государственной инициативе новых креативных кластеров в качестве точек притяжения для инвестиций и иных целей [Zheng, Chan 2013; Egedy, Kovács 2010].

Упомянутая статья З. Ковача и Т. Эгеди представляет собой аналитическую работу по исследованию состояния креативных кластеров в Будапеште и потенциальное будущее этого города в качестве центра притяжения культурных производителей, а также, как следствие, – возможностей для сдвигов в государственной политике в отношении основных агентов поля культурного производства. Методологическая новизна ряда исследований заключается в применении модели 3Т (*талант, толерантность, технологии*), готовность рынка к приёму которых благоприятно сказывается на появлении и аккумуляции креативного класса общества как такового. Данная концептуальная модель была применена также в ряде иных исследований, посвящённых изучению регионального развития в целом или отдельной сферы (к примеру, высоких технологий) [Florida 2002; Hansen 2007; Rutten, Gelissen 2008].

Методологически исследование Ковача и Эгеди сосредоточено на применении государственной статистики и стандартизированных индексов в области бизнес-организаций, их числа и дохода, а также официально зарегистрированных профессий в данной сфере. Также применялись количественные формализованные опросы работников креативных индустрий с использованием 200 опросников в каждой городской агломерации Венгрии. Впоследствии по 25 глубинных интервью в каждом городе проводилось с лидерами и менеджерами компаний того же экономического сектора. Результатом исследования стал вывод о ряде позитивных изменений в положении креативных компаний в Венгрии в целом, об увеличении их числа, росте количества экспатов, занимающих в том числе и руководящие должности в данных компаниях. Схожая аналитическая модель применяется в исследовании Р. Пьерджованни, где рассматривается трудовая активность в креативной сфере современной Италии. Дополнительно применяя, помимо макроэкономических, также демографические показатели, Пьерджованни использует математические модели для установления влияния креативности, способа ведения бизнеса и т. п. на рост занятости населения, и приходит к выводу о сдвиге занимаемых позиций в HR в сторону креативных профессий [Piergiovanni et al. 2012]. В последние годы данное направление становится особенно развиваемым в аналитической литературе и эмпирических исследованиях. В том числе характерен особый упор на изучение профессиональных качеств, необходимых для работника креативной сферы [Nyakudya 2019; Yu 2020]. Суммируя характерные черты исследований в данной сфере, можно заключить, что в целом им присуще обширное применение методов вторичного анализа массивов статистических данных, а также стандартизированных демографических и экономических индикаторов и индексов.

Следующей из наиболее выраженных тенденций исследования креативных/культурных индустрий и культурного производства в сегодняшних социальных науках является область «коллаборативных сетей».

Являясь достаточно широким в трактовке подходом, коллаборативные сети активно применяются в анализе культурных индустрий на примере кинематографа [Foster et al. 2011; Juhász et al. 2020], музыки [McAndrew, Everett 2015]. Примером такого исследования является работа Д. Мэттьюса, в которой исследуются коллаборативные сети в контексте цифровой экономики, т. е. в виртуальном пространстве [Matthews 2017]. Автор проясняет понятие «коллаборации» как взаимодействия между производителями и потребителями культурного продукта. Частично используя наработки в социоэкономических парадигмах (неомарксистской и неоинституциональной), Мэттьюс приходит к выводу, что фактическое отношение культурных производителей и потребителей существует в одной из трёх форм: рента за прямую эксплуатацию «культурного» труда (1), рента за сдачу в аренду культурного продукта (2) или же процент от сдачи в аренду «фиктивного капитала» (3).

Основной функцией коллаборативных сетей, согласно выводу Мэттьюса, является мобилизация трудовых ресурсов. В исследовании применяется метод качественного контент-анализа и попытка синтеза принципиально новой теоретической «оптики» в отношении «коллаборативных сетей». Метод социально-сетевоего анализа по-настоящему свойственен именно подходу коллаборативных сетей. Так, в случае с исследованиями сетей в кинопроизводстве уделяется отдельное внимание тому, какая позиция является более предпочтительной для достижения творческого результата: ближе к центру или к периферии сети [Cattani, Ferriani 2008].

С точки зрения О. В. Лазаревой, в современных культурологии и социологии в настоящий момент доминируют два подхода к исследованию культурных индустрий. Первый из них использует наследие Франкфуртской школы и неомарксистской критики капиталистического производства, раскрывая понятие культурной индустрии через категории «модерна», «индустриального общества», «массовой культуры» и др. Второй же выстроен вокруг понятия «культурной экономики» и предполагает применение экономического анализа для исследования культурной деятельности человека. В частности, второй подход используется для работ в области сохранения исторического наследия, государственной культурной политики. Ключевыми концептами здесь являются: «технологии», «креативный класс» и «креативный город» [Лазарева 2017]. Развитие в академической среде второго подхода стало причиной роста интереса исследователей в области культурных индустрий к вопросам «дигитализации» культурного производства. В частности, исследование К. Ивабучи представляет собой совокупность методов кейс-стади и качественного контент-анализа. Работа представляет собой изучение множества аспектов японской культуры и социальной сферы, так или иначе подверженных изменениям под воздействием дигитализации, а также рассмотрение этих процессов с точки зрения традиционного синтоизма [Iwabuchi 2019]. На макроуровне исследования дигитализации культуры во всемирном или всеевропейском масштабах представлены

работами М. Прокупека [Prokúpek 2020] и Д. Бокулло [Bocullo 2016]. Отдельно представлены исследования дигитализации в музыкальном производстве: для них характерен упор на глобализационную составляющую музыкального бизнеса. В частности, под воздействием дигитализации видоизменяется способ выхода на глобальный рынок [Brandellero, Pfeffer 2011], а также последующей реализации музыкального продукта [Ahn, Yoon 2009].

Таким образом, в настоящий момент основные направления исследований культурных и креативных индустрий выглядят следующим образом:

- разработка некоей универсальной модели, описывающей генеалогию и дальнейшее функционирование культурной индустрии как единичного актора или же как «системы систем» в мировом масштабе. Классическим примером в данном случае являются упомянутые нами исследования П. ДиМаджио и Р. Питерсона;

- рассмотрение креативных кластеров и их сетей в качестве одного из наиболее влиятельных акторов поля культурного производства. Характерен метод анализа социальных сетей, а также качественного контент-анализа и количественного анализа статистических данных;

- исследование коллаборативных сетей как совокупностей акторов внутри культурной индустрии, действующих по возможности автономно, но сосредоточенных на достижении общей цели ввиду сочетания взаимодополняющих черт друг друга. Анализ социальных сетей здесь также широко применяется и является достаточно часто встречающимся методом исследования вне зависимости от изучаемой сферы искусства;

- изучение воздействия «дигитализации» культуры на способы культурного производства и отношений производства между агентами культурного поля, а также способов выхода на рынок для новых акторов согласно географическому признаку. Классическим методом исследования в этом направлении являются как глубинные интервью и анкетированные опросы, так и анализ социальных сетей.

Стратегии построения исследований культурного производства в музыкальной сфере

Ряд исследователей отмечают, что культурно-экономическое исследование Р. Питерсона и Д. Бергера [Peterson, Berger 1975] стало отправной точкой для актуализации исследований культурного производства в музыкальных индустриях в последние несколько десятилетий [Santoro 2008; Prior 2011]. Авторы задаются вопросами, насколько важно соотношение между гомогенностью рынка и его концентрацией в руках конкретного агента или ряда агентов, а также об изменениях в организационной структуре рынка. Они предполагают,

что музыкальный рынок, в отличие от иных индустрий, циклически колеблется от олигополии к конкуренции. Основным методом исследования здесь – сравнительно-исторический, поскольку в фокусе исследования находится определённый временной промежуток – с 1948 по 1973 гг., разделённый на циклы. Объектом исследования в данном конкретном случае является популярная музыка как «производитель символов» [Hesbacher 1978]. Главным источником данных в случае с исследованием Питерсона и Бергера также остаётся открытая статистика коммерческих организаций (в частности, чарты Billboard). Применяемые методологические подходы позволили авторам подтвердить обе выдвинутые в начале работы гипотезы:

- разнообразие предлагаемого на рынке товара может *обратно* влиять на степень концентрированности рынка. Питерсон и Бергер подтверждают, что разнообразие товара не всегда является условием того, что сегмент рынка будет удовлетворять потребностям потребителей, и дают примеры выхода потребителей с рынка (в случае сильной концентрированности рынка в руках музыкального лейбла, чей товар не пользуется высоким спросом);

- цикл развития рынка подразделяется на более мелкие циклы, в каждом из которых увеличиваются концентрированность и степень гомогенности рынка. Они сопровождаются резким всплеском инновационности и креативности – главным образом в технических и материальных средствах обеспечения жизнедеятельности рынка.

Работа Питерсона и Бергера стала одной из предпосылок для концептуализации и возникновения парадигмы «перспективы культурного производства» – подхода, согласно которому культурное производство происходит внутри шести «локусов»: закон (1), технологии (2), структура индустрии (3), организационная структура (4), рынок (5) и карьерный сектор (6). В дальнейшем этот подход активно развивался в зарубежной социологии как в работах, комплексно оценивающих развитие индустрии [Peterson 1990; Leyshon et al. 2005], так и в исследованиях, применявших лишь часть «локусов» для анализа [Scott 2006].

Тем не менее перспектива культурного производства подвергается критике за её недостаточное внимание к политическому, государственному уровню культурного производства [Schmutz, Miller 2015]. Корреляционный анализ количественных данных применяется в исследовании трендов и тенденций развития западноевропейской музыкальной культурной индустрии авторским коллективом Х. Бекхаус [Bekhuis et al. 2014]. Исследователи рассматривают корреляцию двух показателей: уровня популярности «американского» музыкального продукта и востребованности локальной музыки – в первую очередь в случае с европейскими государствами. Авторы рассматривают четыре основных взгляда на глобализацию в применении к производству музыкального продукта – «американизация» (1), диверсификация (2), национализация (3) и «глокализация» (4).

Что касается данных, используемых в данном исследовании, то, как отмечалось ранее, они принадлежат к локальным музыкальным чартам государств, находящихся в фокусе исследования. Не менее важно, что для анализа были выбраны только чарты, появившиеся до 1990 г. Для исследования корреляции между чартовыми данными и макроэкономическими показателями авторы выбрали долю государственного ВВП в общемировом, индекс глобализации КОF, распределение государств на две группы по признаку членства в Европейском Союзе, а также данные массовых опросов European and World Value Studies и Eurobarometer. Был проведён кросс-секционный количественный анализ и применён метод линейного моделирования изменений количественных показателей, выбранных исследователями в качестве пригодных для анализа каждой европейской страны (объекта исследования в совокупности) и для Великобритании и США. Гипотеза о прямой корреляции между дотациями ЕС в культурную среду государства и долей локальных артистов среди общего музыкального продукта была подтверждена полностью. Данная гипотеза находится во взаимосвязи с тезисом о том, что *более высокий* уровень национализма (оценка базируется на опросах общественного мнения) в государстве повышает долю локального продукта в музыкальной индустрии. Однако, к примеру, рост популярности локального музыкального продукта был отмечен в объединённой Германии после 1989 г. В то же время аргументов в поддержку парадигмы «американизации» или «вестернизации» локальных европейских культур найдено не было: так, авторы не нашли корреляции между отношением макроэкономических показателей государства по отношению к таковому США и долей американских исполнителей в локальных чартах. Смежные исследовательские вопросы ставились А. ван дер Ховеном в исследовании того, как национальная идентичность может артикулироваться через музыку на локальном языке, и решались уже при помощи качественных методов – глубинного интервью с респондентами из региона Дренте в Нидерландах [Hoeven et al. 2016]. Исследование концептов «американизации» и «вестернизации» на протяжении многих лет успешно развивается академиком в применении к локальным музыкальным индустриям [Chun 2012].

В исследованиях музыкального производства внутри музыкальных индустрий значительное внимание уделяется процессам реализации продукта культурного производства. В частности, одно из исследований Д. Хезмондалша во многом выполнено в направлении, развиваемом ранее Д. Мэттьюсом, и он рассматривает стриминг-платформы SoundCloud и Bandcamp как объекты исследования именно в качестве вариаций коллаборативной сети [Hesmondhalgh et. al. 2019]. В фокусе работы – феномен влияния технологий на культурное производство и место Web-инструментов в структуре музыкальной индустрии. Путём анализа существующих теоретических и эмпирических разработок в исследованиях SoundCloud и Bandcamp и открытых статистиче-

ских данных Хезмондалш приводит примеры роста популярности артистов, появившихся впервые в публичном поле именно в SoundCloud. Автор принимает в качестве допущения тезис о том, что данные платформы могут быть противопоставлены друг другу как (1) ориентированная на продюсера (Bandcamp) и (2) ориентированная на потребителя (SoundCloud). Несмотря на мультижанровость контента, публикующегося в SoundCloud, наиболее многочисленны публикации, принадлежащие к жанрам электронной музыки, хип-хопа и EDM. Изменения выразились в появлении у артистов множественных псевдонимов, снижении издержек на производство (для ряда жанров средства производства были дигитализированы и сочетались друг с другом внутри лэп-топа). В связи с повышением роли технологий и инноваций в определении способа производства заметно снижение роли авторитета жанровых канонов [Rauh 2018]. В случае с SoundCloud, отмечается значительно более высокая роль данной платформы в качестве коллаборативной сети по причине упрощённого способа выражения отзыва и реакции публики – непосредственно в комментариях к самой аудио-дорожке. Однако публикуемый на SoundCloud продукт весьма проблематично монетизируется; что же касается платформы Bandcamp, авторы подчёркивают, что монетизация контента изначально была встроена в логику работы платформы SoundCloud, что дало старт «второму рождению» культуры DIY¹ [Jones 2018]. Относительная и абсолютная капитализация, доступ пользователей к данным продаж-прослушиваний, а также способ получения производителем «feedback'a» от аудитории, равно как и применимость законодательства об авторских правах к контенту – главные показатели, становящиеся основой для проведения сравнительного анализа между двумя платформами. Несколько работ Д. Хезмондалша сосредоточены на рассмотрении процесса «цифровизации музыки» как в аспектах производства (переход с аналоговой аппаратуры на программное обеспечение), так и в вопросе потребления (снижение роли физических носителей в пользу онлайн-платформ и сервисов) [Hesmondhalgh 2006; Hesmondhalgh, Meier 2018].

Схожий подход к исследованию «посреднических» платформ используется и в работе Б. Даффи [Duffy et. al. 2019]. По-прежнему важнейшая роль исследователями отдаётся разнообразию, оригинальности и креативности. В данном исследовании гораздо больше внимания уделяется переосмыслению понятия труда в эпоху алгоритмической деятельности машин и онлайн-платформ, а основным методом исследования выступает, как и в ряде ранее затронутых нами работ, качественный контент-анализ. Отдельная роль феномену стриминга в культурном производстве и перспективам роста коммерциализации публикуемого продукта отводится в работе Д. Ниборга [Nieborg et. al. 2019]. Потенциальные последствия революционных сдвигов и расширений культурных

¹ DIY – «do it yourself» (англ. «сделай это сам») – парадигма в культурном производстве, полагающая автора контента в качестве ядра социальной сети, завязанной на производстве и распространении.

индустрий и перемен способов культурного производства описываются в исследовании М. Т. Шефера, утверждающего, что принцип участия, находящийся в самом основании всякой культурной индустрии современности, напрямую влияет на практики пользователей-участников сети [Schäfer 2011].

Детально ситуацию на локальном музыкальном рынке (на примере Нидерландов) анализируют Е. Хиттерс и М. ван де Камп [Hitters, van de Kamp 2010]. Данное исследование расширяет спектр применяемых методов, добавляя в него метод глубинного тематизированного интервью с наиболее влиятельными агентами музыкальной индустрии Нидерландов. Авторами проводится вторичный качественный анализ глубинных интервью, предварительно опубликованных и проводившихся в период с 1992 по 1995 и далее по 2004/5 гг. Интервью, а также корпоративные документы (преимущественно материалы «планёрок», проводившихся работниками лейблов), анализировались на предмет наличия мнения об артистах, а также относительно артикулируемых методов построения репертуара артистов и/или источников для него. Дополнительно был добавлен количественный анализ топ-100 музыкальных альбомов на музыкальном рынке Нидерландов за период с 1990 по 2005 гг. по показателям лейбла выпуска, страны происхождения артиста, года записи и т. д. Статистические сводки о тенденциях и показателях развития музыкального рынка были предоставлены организациями NVPI¹ (1990–2005 гг.) и IFPI² (2001–05 гг.).

Авторы задаются вопросом, по какой причине те или иные элементы организационной структуры музыкальной индустрии – физические и юридические лица или объединения последних – приходят к доминированию над определённым сегментом рынка. Схожие идеи ранее развивались Т. Даудом в исследовании организационной структуры музыкальной индустрии «ритм-энд-блюза» и её взаимосвязи с законодательным регулированием области производства [Dowd 2003]. С точки зрения исследователей, значительную роль играет моделирование «мейджорами» (влиятельными музыкальными лейблами) стратегий поведения в тех или иных условиях, базирующееся на таких же практиках иных лейблов в схожих условиях и успешности имплементации таких практик.

Тезис ДиМаджио о необходимости классификации музыкального продукта для его успешной реализации [DiMaggio 1987a] находит своё эмпирическое подтверждение. Сложности наступают в тот момент, когда локальные жанры, появляющиеся на рынке, находят своё место в контексте цитируемого исследования, например – локальный нидерландский жанр «volks», реализацией и «промоушеном» которого занимаются преимущественно небольшие лейблы. Жанр, становящийся коммерчески

¹ NVPI – Nederlandse Vereniging van Producenten en Importeurs van beeld – en geluidsdragers (нидерл.: Голландская ассоциация производителей и импортёров звуковых носителей и аппаратов видеовоспроизведения).

² International Federation of the Phonographic Industry (англ.: Международная федерация производителей фонограмм).

успешным, всё ещё не воспринимается всерьёз управленцами крупных «мейджоров». Схожие методы исследования проблематики, поставленной в работе, ранее использовались Д. Хезмондалшем [Hesmondhalgh 1997], а затем и К. Либ [Lieb 2018].

Можем заключить, что преобладающими в социологической и культурологической традициях являются следующие направления исследований музыкальных индустрий:

- статьи и/или монографии, посвящённые влиянию структуры рынка на паттерны потребительского поведения. Примерами данного направления являются классические исследования, сосредоточенные на изучении потребительского поведения, а также на рассмотрении структуры музыкальной индустрии. Методы: сравнительно-исторический анализ, качественный контент-анализ;

- исследования, полагающие «коллаборативные сети», зачастую операционализируемые в виде стриминг-сервисов и платформ онлайн-продажи музыкального продукта, частными вариациями музыкальных индустрий как социокультурного и экономического пространства, по-иному пересоздающего процессы производства-потребления музыкального продукта. В конкретных рассмотренных нами случаях производится либо сравнительный анализ двух и более сетей с целью установления большей или меньшей продуктивности и потенциальной прибыльности и перспектив дальнейшего развития, либо же глубинный анализ генеалогии и логики функционирования конкретной сети;

- исследования, ориентированные на определение роли концепта глобализации в развитии и сохранении локальных культур. Как и у Х. Бекхаус, в работах данного направления зачастую применяется определённый набор количественных методов, в частности – корреляционный и регрессионный анализ. Количественные данные (в частности – сет микро- и макроэкономических показателей) после того, как выдвигаются основные гипотезы, проходят через этап вторичной обработки (в приведённых нами случаях это касается в первую очередь данных музыкальных чартов, а также статистики стриминг-сервисов);

- работы, представляющие собой попытку выяснения механизмов принятия решений и функционирования индустрий. Подходящим примером может служить работа Е. Хиттерс и М. ван де Камп, содержащая обширный анализ интервью с ключевыми актёрами музыкальной индустрии Нидерландов по ряду показателей: в частности, возможность разворачивания активных действия на новых сегментах рынка и возникновение нового популярного жанра. Характерными методами исследования являются глубинное интервью и качественный контент-анализ.

Именно такие направления работы в настоящий момент получили наиболее широкое распространение в социологической и культурологической традициях. В следующей части статьи будет проведена проверка применимости данных методов в исследованиях российской музыкальной индустрии.

Применимость подходов к изучению культурных индустрий в исследовании российской музыкальной индустрии

Анализ существующих направлений в изучении культурных индустрий в целом и музыкальных индустрий в частности позволяет систематизировать и классифицировать существующие работы в области музыкальных индустрий.

Вторичный анализ данных из музыкальных чартов

Стоит отметить локальную российскую специфику формирования музыкальных чартов. С 2010 г. российский музыкальный рынок планомерно начал заполняться стриминговыми площадками и платформами для прослушивания музыки (BOOM, Apple Music, Яндекс.Музыка и т. д.). В США, где по-прежнему одним из наиболее авторитетных музыкальных печатных изданий является основанный в 1894 г. Billboard, издаваемые и формируемые им музыкальные чарты остаются флагманами формирования массового потребительского вкуса. Сравнимый по влиятельности, универсальности и открытости комплекс чартов в России в настоящий момент отсутствует, т. е. в данном случае резонным, в зависимости от формирования объекта исследования, методом сбора эмпирических данных становится расширение выборочной совокупности до хит-парадов *нескольких* сервисов (в частности, вышеупомянутых BOOM и др.), платформ, печатных изданий и т. д. Именно этим обусловлены трудности применения данного метода в России. Хит-парады, появившиеся в СССР, публиковались в наиболее популярных печатных изданиях («Смена», «МК» и др.), начиная с первой половины 1970-х гг. и основывались на оценках отдельных композиций аудиторией издания. В совокупности с невозможностью использовать чартовые рейтинги полноценных альбомов (а не отдельных композиций) и проблематичностью отслеживания динамики изменения чартов остро встаёт вопрос о применимости такого метода в исследованиях российской музыкальной индустрии, в отличие от США и чарта Billboard. Исследователи отмечают неуклонно снижающуюся роль музыкальных телеканалов в формировании вкусовых предпочтений населения, отдавая данную роль многочисленным сервисам, использование которых предусматривает возможность самостоятельного отбора, наиболее соответствующего предпочтениям музыкального контента [Nguyen et al. 2014]. Для российских реалий также характерно, что стриминговые платформы и сервисы являются более предпочтительными для потребителей музыкального продукта, нежели иные каналы, к примеру – телевидение. Так, согласно отчётам IFPI, к апрелю 2019 г. около 87% составляла доля пользователей музыкальных стриминг-платформ от общего числа слушателей музыки в России, тогда как в западных странах этот показатель в среднем составляет около 61% [IFPI... 2019].

Анализ финансовых и других отчётов компаний

Данный метод используется прежде всего в исследованиях, выполненных в парадигме «перспективы культурного производства», а также в качестве вспомогательного метода в работах, применяющих методологию кейс-стади. Его преимущества заключаются, в частности, в том, что он позволяет наиболее чётко отследить динамику изменения «локуса» культурного производства (любого из шести, рассмотренных выше). Одним из наиболее явных недостатков использования данных, напрямую касающихся финансового оборота и прибыли коммерческих компаний, является их меньшая в российских реалиях доступность по сравнению со США и ЕС. Наиболее часто встречаются и используются в существующих исследованиях выкладки, касающиеся общих тенденций в индустрии, как, к примеру, отчёты компании Pricewaterhouse Coopers. Верифицированные данные предоставляет Федеральная служба государственной статистики, как и данные касающиеся финансового оборота ряда музыкальных лейблов, по-прежнему играющих важную роль в сети музыкального бизнеса России¹.

Экспертное/глубинное интервью

В этом смысле примером может являться интервью издания The Flow с руководителем российского отделения американского мейджор-лейбла Universal Music Дмитрием Конновым². Вопросы, поднимаемые в данном интервью, напрямую касаются организационной структуры российской музыкальной индустрии и роли социальных сетей в процессе её реформации, планирования стратегий реализации музыкального продукта и т. д. Сложности с применением данного метода заключаются в низкой вероятности получения эксклюзивных данных, относящихся к корпоративной тайне представляемой экспертом компании, что не является сугубо российской проблемой в целом. Примеры показывают, что эвристическим потенциалом могут обладать не только интервью с экспертом, непосредственно относящимся к музыкальной индустрии как таковой, но и с представителем смежной области (к примеру, юристом), специализирующимся на праве собственности конкретно в данной сфере³.

Социально-сетевой анализ

Не вызывает сомнений также и вопрос применимости анализа социальных сетей. Так, в качестве основных акторов («узлов» социальной сети) наиболее вероятен выбор больших корпораций; крупных, сред-

¹ Федеральная служба государственной статистики // URL: <https://www.gks.ru/> (Дата посещения: 21.03.2020).

² Глава Universal – о том, как работает музыкальная индустрия // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=DC2YjUMi7kI> (Дата посещения: 21.03.2020).

³ Иськова Юлия. 2019. Работа с лейблами // YouTube. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=gPTgope2eiE> (Дата посещения: 21.03.2020).

них и малых музыкальных лейблов; продюсерских центров и компаний; концертных агентств и творческих объединений. Сила связей между различными акторами в сети может измеряться при помощи вспомогательного метода – количественного контент-анализа. К примеру, изучение сообщений в СМИ о сотрудничестве между артистами, имеющими трудовые отношения с различными лейблами, может полагаться в качестве примера связи. Число данных связей между лейблами следует интерпретировать как переменную силы связи. Влияние же одного из узлов внутри сети, устанавливаемое через долю всех его связей, помогает нам измерить такую метрику сети, как «центральность». То же относится и к метрике плотности. По данным показателям исследователь может составить картину организации индустрии в целом, по крайней мере – на уровне крупных, коллективных акторов.

Вторичный анализ статистических данных

Отдельный интерес представляют данные исследовательских институтов и центров изучения общественного мнения, специализирующихся на экономике и культуре. Комплексное применение нескольких методов в исследовании государственной культурной политики адекватно в случае, если целью исследования является выведение корреляции между двумя переменными – к примеру, зависимость уровня «цифровизации» потребления музыкального продукта и доли выборочной совокупности респондентов, оценивающих свой месячный финансовый достаток как «умеренно высокий», и изменение диспозиции между этими двумя переменными на временном промежутке. Итогом исследования с применением методики анализа потребительского поведения Р. Питерсона может стать выведение циклов развития музыкальной индустрии. Основными критериями для установления данных циклов становятся как возникновение новых жанров и элементов структуры индустрии, так и реакция потребителя на них. Применимым данный метод также может считаться и в исследовании потенциала географического региона. Необходимые статистические данные (в первую очередь касающиеся количественной и финансовой составляющих деятельности зарегистрированных предприятий на территории того или иного региона) также находятся в открытом доступе и представлены рядом ресурсов, не аффилированных с государственными органами (в частности, «Экспорт Бэйз») [База данных... 2020]. Данные по предприятиям того или иного региона, разделённым по отраслям деятельности, в таком случае нуждаются в дополнительной проверке (в сопоставлении с данными ФНС, Росстата и ФССП). Этот метод исследования может, как в случае с рассмотренными нами работами, также применяться в совокупности с методом анкетированного опроса среди работников того или иного предприятия. Особенно плодотворным он может стать в случае исследования профессиональных качеств, наиболее востребованных на рынке труда в конкретной области, будучи дополненным экспертными интервью.

Заключение

Описанные выше отличительные черты распространённых в мировой социологической практике методов и практик изучения музыкальных и культурных индустрий позволяют оценивать потенциальную применимость таких подходов в исследованиях российской музыкальной индустрии. Было установлено, что исследования в области культурных и креативных индустрий можно разделить на четыре направления.

1. Разработка концептуальной модели, помогающей проводить дальнейший анализ культурных индустрий, на основе вторичного анализа количественных данных. Это преимущественно классические исследования.

2. Исследование креативных кластеров как актора культурной индустрии в контексте государственной культурной политики. Работы выполняются преимущественно с применением качественного контент-анализа и анализа социальных сетей.

3. Изучение коллаборативных сетей в музыкальном и кинематографическом производстве. В рассмотренных нами исследованиях наиболее часто встречается именно анализ социальных сетей, а также кейс-стади в случае с исследованиями работы сетей в кинопроизводстве.

4. Работы в области дигитализации культуры. Наиболее распространённым методом является контент-анализ, поскольку работы носят характер преимущественно аналитических статей.

Что же касается исследования музыкальных индустрий, то их можно классифицировать следующим образом:

- работы в области исследований потребительского поведения, а также изучения трансформации музыкальной индустрии;

- исследования коллаборативных сетей с музыкальной специализацией – музыкальных платформ и сервисов, упрощающих получение обратной связи от слушателей. В данном случае применим либо анализ социальных сетей, либо кейс-стади – сравнительный анализ двух и более сетей или онлайн-платформ;

- работы, придающие политическое измерение процессу музыкального производства и связывающие популярность локальных артистов с определёнными показателями. Для работ, выполненных в этом направлении, характерно применение статистического анализа (корреляционного, факторного), а феномен популярности музыкантов, исполняющих композиции на локальном языке, становится критерием для оценки всей музыкальной индустрии с точки зрения «национализированности», «американизированности» и пр.;

- исследования механизмов и принципов функционирования индустрий, их составных элементов и коммуникации между ними, процессов принятия решений и др. Используемыми методами являются качественный контент-анализ и глубинное интервью, а также экспертное интервью.

Вышеуказанные методы исследования индустрий применимы к изучению российской музыкальной индустрии, все источники эмпирических данных для вторичного анализа доступны. Единственным исключением стало использование метода вторичного анализа данных из музыкальных чартов стриминговых площадок. В исследованиях российской музыкальной индустрии применимы также и общесоциологические методики (качественный контент-анализ, кейс-стади, анализ социальных сетей, глубинные и экспертные интервью). Исследования, выполняемые при помощи рассмотренных в статье методов, обладают большим эвристическим потенциалом ввиду растущей актуальности проблемы.

Библиографический список

База данных компаний России и СНГ // Экспорт Бэйз. URL: <https://export-base.ru/> (Дата посещения: 25.03.2020).

Лазарева О. В. 2017. Культурные индустрии: два аспекта понимания // Обсерватория культуры. Том 14. № 6 // URL: <https://doi.org/10.25281/2072-3156-2017-14-6-670-676> (Дата посещения: 25.03.2020).

Фархатдинов Н. 2008. Социология искусства без искусства. Индустриальная метафора в социологических исследованиях искусства // Социологическое обозрение. № 7 (3). С. 55–69.

Ahn I., Yoon K. 2009. On the impact of digital music distribution // CESifo Economic Studies. № 55 (2). P. 306–325.

Bassets K., Griffiths R., Smith I. 2002. Cultural industries, cultural clusters and the city: the example of natural history film-making in Bristol // Geoforum. № 33 (2). P. 165–177.

Bekhuis H., Lubbers M., Ultee W. 2014. A Macro-Sociological Study into the Changes in the Popularity of Domestic, European, and American PopMusic in Western Countries // European Sociological Review. Vol. 30. No. 2.

Bocullo D. 2016. European cinema on social media map: bridging cultural diversity and reaching audience in the era of digitalisation // Media transformations. Kaunas: Vytautas Magnus university. Vol. 12.

Bourdieu P. 1993. The Field of Cultural Production, or: The Economic World Reversed // Bourdieu P. The Field of Cultural Production. Essays on Art and Literature /translated by R. Nice. Cambridge: Polity Press.

Brandellero A. M. C., Pfeffer K. 2011. Multiple and shifting geographies of world music production // Area. № 43 (4). P. 495–505.

Cattani G., Ferriani S. 2008. A core/periphery perspective on individual creative performance: Social networks and cinematic achievements in the Hollywood movie industry // Organization Science. № 19 (6). P. 824–844.

Chun A. 2012. The Americanization of pop culture in Asia? // Inter-Asia Cultural Studies. № 13 (4). P. 495–506.

DiMaggio P. 1977. Market structures, the creative process, and popular culture // *Journal of Popular Culture, Special Section on Sociology and Popular Culture*, edited by Gary Alan Fine. vol. 11. № 2 (Fall).

DiMaggio P. 1987a. Classification in Art // *American Sociological Review*. Vol. 52. No. 4.

DiMaggio P. 1987b. Nonprofit organizations in the production and distribution of culture // W. W. Powell (Ed.). *The Nonprofit Sector: A Research Handbook* Yale University Press.

DiMaggio P., Hirsch P. 1976. Production Organizations in the Arts // *American Behavioral Scientist*. Vol. 9, no. 1.

Dowd T. J. 2003. Structural power and the construction of markets: the case of rhythm and blues // *Comparative Sociological Research*. Vol. 21.

Duffy B. E., Poell T., Nieborg D. B. 2019. Platform Practices in the Cultural Industries: Creativity, Labor, and Citizenship. *Social Media+Society*. DOI: [10.1177/2056305119879672](https://doi.org/10.1177/2056305119879672)

Egedy T., Kovács Z. 2010. Budapest: A great place for creative industry development? // *Urbani Izziv*. Vol. 21, no. 2.

Florida R. 2002. *The rise of the creative class and how it's transforming work, leisure, community and everyday life*. New York, Basic Books.

Foster P., Borgatti S. P., Jones C. 2011. Gatekeeper search and selection strategies: Relational and network governance in a cultural market // *Poetics*. № 39 (4). P. 247–265.

Halpert L. 2012. Collaborative and Collective: Reflexive Coordination and the dynamics of Open Innovation in the digital industry clusters of the Paris Region // *Urban Studies*. Vol. 49. No. 11.

Hansen K. 2007. Technology, Talent and Tolerance-The Geography of the Creative Class in Sweden // *Rapporter och notiser*. 169.

Hesbacher P. 1978. Sound exposure in radio: The misleading nature of the station // *Popular Music and Society*. Vol. 6, no. 2.

Hesmondhalgh D. 1997. Post-punk's attempt to democratise the music industry: the success and failure of rough trade // *Popular Music*. Vol. 16 (3). P. 255–274.

Hesmondhalgh D. 2006. Digital Sampling and Cultural Inequality. *Social & Legal Studies*, vol. 15 (1). P. 53–75. URL: <https://doi.org/10.1177/0964663906060973> (Дата посещения: 31.07.2020).

Hesmondhalgh D. 2012. *The Creative Industries* (3rd edition). London: Sage.

Hesmondhalgh D., Jones E., Rauh A. 2019. SoundCloud and Bandcamp as Alternative Music Platforms // *Social Media+Society* 5(4). DOI: [10.1177/2056305119883429](https://doi.org/10.1177/2056305119883429)

Hesmondhalgh D., Meier L. M. 2018. What the digitalisation of music tells us about capitalism, culture and the power of the information technology sector // *Information, Communication & Society*. Vol. 21(11). P. 1555–1570.

Hirsch P. 1972. Processing fads and fashions: An organization-set analysis of cultural industry systems // *American Journal of Sociology*. Vol. 77 (4). P. 639–659.

Hitters E., van de Kamp M. (2010): Tune in, fade out: Music companies and the classification of domestic music products in the Netherlands // *Poetics*. Vol. 38.

Hoeven A. van der, Janssen S. Driessen S. 2016. Articulations of Identity and Distinction: The Meanings of Language in Dutch Popular Music. *Popular Music and Society*, 39(1). P. 43–58. URL: <http://doi.org/10.1080/03007766.2015.1061344> (Дата посещения: 31.07.2020).

IFPI Global Music Report 2019. URL: <https://www.ifpi.org/news/IFPI-GLOBAL-MUSIC-REPORT-2019&lang=en> (Дата посещения: 31.07.2020).

Iwabuchi K. 2019. Globalization, Digitalization, and Renationalization: Some Reflections from Japanese Cases // *Situations*. 12(1). P. 1–2.

Jones E. 2018. Platform DIY: Examining the impact of social media on cultural resistance in cont (Doctoral thesis). University of Leeds, Leeds, UK.

Juhász S, Tóth G, Lengyel B. 2020. Brokering the core and the periphery: Creative success and collaboration networks in the film industry // *PLoS ONE* 15(2): e0229436. URL: <https://doi.org/10.1371/journal.pone.0229436> (Дата посещения: 31.07.2020).

Kadushin C. 1976. Networks and Circles in the Production of Culture // *American Behavioral Scientist*. 19(6). P. 769–784. URL: <https://doi.org/10.1177/000276427601900607> (Дата посещения: 31.07.2020).

Lash S., Urry J. 2002. *Theory, Culture & Society: Economies of signs and space* London: SAGE Publications Ltd.

Leyshon A., Webb P., French S., Thrift N., Crewe L. 2005. On the reproduction of the musical economy after the Internet // *Media, Culture & Society*. 27(2). P. 177–209.

Lieb K. J. 2018. Gender, branding, and the modern music industry: The social construction of female popular music stars. Routledge.

Matthews J. T. 2017. Beyond ‘Collaborative Economy’ Discourse: Present, Past and Potential of Digital Intermediation Platforms // Graham J., Gandini A. (eds.). *Collaborative Production in the Creative Industries*. London: University of Westminster Press.

McAndrew S., Everett M. 2015. Music as Collective Invention: A Social Network Analysis of Composers. *Cultural Sociology*, 9(1). P. 56–80. URL: <https://doi.org/10.1177/1749975514542486> (Дата посещения: 31.07.2020).

Nguyen G. D., Dejean S., Moreau F. 2014. On the complementarity between online and offline music consumption: the case of free streaming // *Journal of Cultural Economics*. Vol. 38, no. 4.

Nieborg D., Poell T., Deuze M. 2019. The Platformization of Making Media // Deuze M. & Prenger M. (Eds.). *Making Media: Production, Practices, and Professions*. Amsterdam: Amsterdam University Press. doi: 10.2307/j.ctvcj305r.8.

Nyakudya F. W. 2019. Positive local externalities of immigration on entrepreneurship: Evidence from the UK East Midlands region // *Local Economy*. 34(3). P. 271–293.

Peterson R. 1990. Why 1955? Explaining the advent of rock music // *Popular Music*. 9(1). P. 97–116.

Peterson R. A. 1979. Revitalizing the culture concept // *Annual review of sociology*, 5(1). P. 137–166.

Peterson R., Berger D. 1971. Entrepreneurship in Organizations: Evidence from the Popular Music Industry // *Administrative Science Quarterly*. Vol. 16, no. 1. DOI: [10.2307/2391293](https://doi.org/10.2307/2391293).

Peterson R., Berger D. 1975. Cycles in Symbol Production: The Case of Popular Music // *American Sociological Review*. Vol. 40, no. 2.

Piergiovanni R., Carree M. A., Santarelli E. 2012. Creative industries, new business formation, and regional economic growth // *Small Bus Econ* 39. P. 539–560. <https://doi.org/10.1007/s11187-011-9329-4> (Дата посещения: 31.07.2020).

Pratt Andy C. 2008. Cultural commodity chains, cultural clusters, or cultural production chains? // *Growth and change*. 39 (1). P. 95–103. DOI: 10.1111/j.1468–2257.2007.00406.x.

Prior N. 2011. Critique and renewal in the sociology of music: Bourdieu and beyond // *Cultural sociology*. 5(1). P. 121–138.

Prokūpek M. 2020. Digitalization of Cultural and Creative Industries and Its Economic and Social Impact // *Examining Cultural Perspectives in a Globalized World*. P. 117–140. IGI Global.

PWC Россия: Медиаиндустрия в 2019–2023 гг. // Официальный сайт Pricewaterhouse Coopers. URL: <https://www.pwc.ru/ru/publications/mediaindustriya-v-2019.html> (Дата посещения: 21.03.2020).

Rauh A. 2018. «Under-the-radar» electronic dance musicians: Opportunities and challenges with digital communication technologies (Doctoral thesis). University of Leeds, UK.

Rumbo J., Crane D., Kawashima N., Kawasaki K. 2003. Global Culture: Media, Arts, Policy and Globalization // *Contemporary Sociology*. 32. 722. DOI: [10.2307/1556657](https://doi.org/10.2307/1556657).

Rutten R., Gelissen J. 2008. Technology, talent, diversity and the wealth of European regions // *European Planning Studies*, 16(7). P. 985–1006.

Santoro M. 2008. Culture as (and after) production // *Cultural Sociology*. 2(1). P. 7–31.

Schäfer M. 2011. The Extension of Cultural Industries. In *Bastard Culture!: How User Participation Transforms Cultural Production*. Amsterdam: Amsterdam University Press. doi:10.2307/j.ctt46n23s.9.

Schmutz V., Miller C. 2015. «Production of Culture» in Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences / Edited by R. Scott, S. Kosslyn. Hoboken, NJ: John Wiley and Sons.

Scott A. J. 2006. Entrepreneurship, innovation and industrial development: geography and the creative field revisited. *Small business economics*, 26(1). P. 1–24.

Venkatesh A., Meamber L. A. 2006. Arts and aesthetics: Marketing and cultural production. *Marketing Theory*, 6(1). P. 11–39. URL: <https://doi.org/10.1177/1470593106061261> (Дата посещения: 31.07.2020).

Yang J., Černevičiūtė J. 2017. Cultural and Creative Industries (CCI) and sustainable development: China's cultural industries clusters // *Entrepreneurship and Sustainability Issues, Entrepreneurship and Sustainability Center*. 5(2). P. 231–242.

Yu W. 2020. Creative industries agglomeration and entrepreneurship in China: necessity or opportunity? // *Industry and Innovation*. 27(4). P. 420–443.

Zheng J., Chan R. 2013. A property-led approach to cluster development: creative industry clusters and creative industry networks in Shanghai // *The Town Planning Review* Vol. 84, no. 5.

Статья поступила 03.08.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Вербицкий Сергей Анатольевич, магистр политических наук, аспирант департамента социологии НИУ ВШЭ, Санкт-Петербург, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.668

Approaches Towards Studying Cultural Industries and the Analysis of Their Applicability Within the Reality of Modern Russian Culture

Sergei A. Verbitski

NRU HSE, Saint Petersburg, Russia

E-mail: sverbitskiy@hse.ru

ORCID ID: 0000-0002-9416-5257

For citation: Verbitskii S. A. Approaches towards studying cultural industries and the analysis of their applicability within the reality of modern Russian culture. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 155–178. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.668

Abstract. This article features an overview of the common approaches towards studying cultural industries in general and music industries in particular, while describing means of developing “research design” (choosing theoretical perspective, posing research question and selecting methodological toolset), which are currently quite prevalent in culture study and sociology.

The author examines the current main trends when it comes to researching cultural industries: the “cultural production perspective”, viewing cultural production as a combination of “creative clusters”, as well as an approach which sees collaborative networks as the primary actors in the cultural industry. The separately examined approaches towards studying cultural production in the music industry are as follows: examining the influence of market structure on

consumer behavior, studying collaborative networks in music, studying the political dimension of music production, and finally communication between various levels of decision making within music industries. Also the article analyzes the most commonly used objects for criticism in a variety of theoretical-methodological approaches. The author evaluates the applicability of those methods utilized by sociology for studying musical and cultural production within the Russian music industry: social network analysis, qualitative and quantitative content-analysis, secondary analysis of statistical data, as well as in-depth and expert interview. Also the limitations of using the aforementioned methods when it comes to researching Russia's musical-cultural industry are demonstrated.

The analysis is summed up with a conclusion on these methods being highly applicable in further academic research within the field in question. Given the macro-economic development of the field of producing and consuming music in Russia, together with the complete digitization of these processes, the author assumes that the research of cultural and music industries is a rather promising prospect. The rate at which Russian musical and other cultural industries are currently undergoing transformation lead us to the conclusion that this could be a potentially relevant line of study in the realm of journalism and Academia.

Keywords: culture, cultural industry, cultural production, theory and methodology, mixed methods research, music industry

References

Ahn I., Yoon K. On the impact of digital music distribution. *CESifo Economic Studies*, 2009: 55 (2): 306–325.

Bassets K., Griffiths R., Smith I. Cultural industries, cultural clusters and the city: the example of natural history film-making in Bristol. *Geoforum*, 2002: 33 (2): 165–177.

Bekhuis H., Lubbers M., Ultee W. A Macro-Sociological Study into the Changes in the Popularity of Domestic, European, and American PopMusic in Western Countries. *European Sociological Review*, 2014: vol. 30: 2.

Bocullo D. European cinema on social media map: bridging cultural diversity and reaching audience in the era of digitalisation. *Media transformations: vol. 12*. Kaunas: Vytautas Magnus university, 2016.

Bourdieu P. The Field of Cultural Production, or: The Economic World Reversed. In: *The Field of Cultural Production. Essays on Art and Literature*. Cambridge: Polity Press, 1993.

Brandellero A.M.C., Pfeffer K.: Multiple and shifting geographies of world music production. *Area*, 2011: 43 (4): 495–505.

Cattani G., Ferriani S. A core/ periphery perspective on individual creative performance: Social networks and cinematic achievements in the Hollywood movie industry. *Organization Science*, 2008: 19 (6): 824–844.

Chun A. The Americanization of pop culture in Asia? *Inter-Asia Cultural Studies*, 2012: 13 (4): 495–506.

DiMaggio P. Classification in Art. *American Sociological Review*, 1987: vol. 52: 4.

DiMaggio P. Market structures, the creative process, and popular culture. *Journal of Popular Culture, Special Section on Sociology and Popular Culture*, 1977: vol. 11: 2.

DiMaggio P. Nonprofit organizations in the production and distribution of culture. In: *The Nonprofit Sector: A Research Handbook* Ed. by W.W. Powell. Yale University Press, 1987.

DiMaggio P., Hirsch P. Production Organizations in the Arts. *American Behavioral Scientist*, 1976: vol. 9: 1.

Dowd T.J. Structural power and the construction of markets: the case of rhythm and blues. *Comparative Sociological Research*, 2003: 21.

Duffy B.E., Poell T., Nieborg D.B. Platform Practices in the Cultural Industries: Creativity, Labor, and Citizenship. *Social Media + Society*. 2019: 1. DOI: [10.1177/2056305119879672](https://doi.org/10.1177/2056305119879672)

Egedy T., Kovács Z. Budapest: A great place for creative industry development? *Urbani Izziv*, 2010: vol. 21: 2.

Farkhatdinov N. Sociology of Arts without Art. Industrial Metaphor in Social Research on Arts. *Sotsiologicheskoe obozreniye = Russian Sociological Review*, 2008: vol. 7: 3: 55 – 69. URL: https://sociologica.hse.ru/data/2011/03/30/1211833414/7_3_4.pdf [accessed: 30.05.20] (In Russ.).

Florida R. The rise of the creative class and how it's transforming work, leisure, community and everyday life. New York, Basic Books, 2002.

Foster P., Borgatti S.P., Jones C. Gatekeeper search and selection strategies: Relational and network governance in a cultural market. *Poetics*, 2011: vol. 39: 4: 247–265.

Global Music Report 2019. Created by IFPI. IFPI Official website. URL: <https://www.ifpi.org/news/IFPI-GLOBAL-MUSIC-REPORT-2019&lang=en>. [accessed: 31.07.2020].

Halpert L. Collaborative and Collective: Reflexive Coordination and the dynamics of Open Innovation in the digital industry clusters of the Paris Region. *Urban Studies*, 2012: vol. 49: 11.

Hansen K.H. Technology, Talent and Tolerance-The Geography of the Creative Class in Sweden. *Rapporter och notiser*, 2007: vol. 169.

Hesbacher P. Sound exposure in radio: The misleading nature of the station. *Popular Music and Society*, 1978: vol. 6: 2.

Hesmondhalgh D. Digital Sampling and Cultural Inequality. *Social & Legal Studies*, 2006: vol. 15 (1): 53–75. DOI: [10.1177/0964663906060973](https://doi.org/10.1177/0964663906060973).

Hesmondhalgh D. Post-punk's attempt to democratise the music industry: the success and failure of rough trade. *Popular Music*, 1997: vol. 16: 3: 255–274.

Hesmondhalgh D. *The Creative Industries*. London, Sage, 2012.

Hesmondhalgh D., Jones E., Rauh A. SoundCloud and Bandcamp as Alternative Music Platforms. *Social Media + Society*, 2019: 2. DOI: [10.1177/2056305119883429](https://doi.org/10.1177/2056305119883429)

Hesmondhalgh D., Meier L.M. What the digitalisation of music tells us about capitalism, culture and the power of the information technology sector. *Information, Communication & Society*, 2018: vol. 21: 11: 1555–1570.

Hirsch P. Processing fads and fashions: An organization-set analysis of cultural industry systems. *American Journal of Sociology*, 1972: 77 (4): 639–659.

Hitters E., van de Kamp M. Tune in, fade out: Music companies and the classification of domestic music products in the Netherlands. *Poetics*, 2010: 38.

Hoeven A., van der Janssen S., Driessen S. Articulations of Identity and Distinction: The Meanings of Language in Dutch Popular Music. *Popular Music and Society*, 2016: vol. 39: 1: 43–58. DOI: [10.1080/03007766.2015.1061344](https://doi.org/10.1080/03007766.2015.1061344).

Iwabuchi K. Globalization, Digitalization, and Renationalization: Some Reflections from Japanese Cases. *Situations*, 2019: vol. 12: 1: 1–2.

Jones E. Platform DIY: Examining the impact of social media on cultural resistance in cont (Doctoral thesis). University of Leeds (Leeds, UK), 2018.

Juhász S., Tóth G., Lengyel B. Brokering the core and the periphery: Creative success and collaboration networks in the film industry. *PLoS ONE*, 2020: vol. 15: 2. DOI: [10.1371/journal.pone.0229436](https://doi.org/10.1371/journal.pone.0229436).

Kadushin C. Networks and Circles in the Production of Culture. *American Behavioral Scientist*, 1976: vol. 19: 6: 769–784

Lash S., Urry J. *Theory, Culture and Society: Economies of signs and space*. London, SAGE, 2002.

Lazareva O.V. Cultural Industries: Two Aspects of Comprehensions. *Observatoriya kul'tury = Observatory of Culture*, 2017: vol. 14: 6: 670–676. DOI: [10.25281/2072-3156-2017-14-6-670-676](https://doi.org/10.25281/2072-3156-2017-14-6-670-676) (In Russ.).

Leyshon A., Webb P., French S., Thrift N., Crewe L. On the reproduction of the musical economy after the Internet. *Media, Culture & Society*, 2005: vol. 27: 2: 177–209.

Lieb K.J. Gender, branding, and the modern music industry: The social construction of female popular music stars. London, Routledge, 2018.

Matthews J.T. Beyond 'Collaborative Economy' Discourse: Present, Past and Potential of Digital Intermediation Platforms. In: *Collaborative Production in the Creative Industries*. Ed. by J. Graham, A. Gandini. London, University of Westminster Press, 2017.

McAndrew S., Everett M. Music as Collective Invention: A Social Network Analysis of Composers. *Cultural Sociology*, 2015: vol. 9: 1: 56–80. DOI: [10.1177/1749975514542486](https://doi.org/10.1177/1749975514542486).

Nguyen G.D., Dejean S., Moreau F. On the complementarity between online and offline music consumption: the case of free streaming. *Journal of Cultural Economics*, 2014: vol. 38: 4.

Nieborg D., Poell T., Deuze M. The Platformization of Making Media. In: *Making Media: Production, Practices, and Professions*. Ed. by M. Deuze, M. Prenger. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2019. DOI: [10.2307/j.ctvcj305r.8](https://doi.org/10.2307/j.ctvcj305r.8)

- Nyakudya F.W. Positive local externalities of immigration on entrepreneurship: Evidence from the UK East Midlands region. *Local Economy*, 2019: vol. 34 :3: 271–293.
- Peterson R. Why 1955? Explaining the advent of rock music. *Popular Music*, 1990: vol. 9: 1: 97–116.
- Peterson R., Berger D. Cycles in Symbol Production: The Case of Popular Music. *American Sociological Review*, 1975: vol. 40: 2.
- Peterson R., Berger D. Entrepreneurship in Organizations: Evidence from the Popular Music Industry. *Administrative Science Quarterly*, 1971: vol. 16: 1. DOI: [10.2307/2391293](https://doi.org/10.2307/2391293)
- Peterson R.A. Revitalizing the culture concept. *Annual review of sociology*, 1979: vol. 5: 1: 137–166.
- Piergiovanni R., Carree M.A., Santarelli E. Creative industries, new business formation, and regional economic growth. *Small Business Economics*, 2012: 39: 539–560. DOI: [10.1007/s11187-011-9329-4](https://doi.org/10.1007/s11187-011-9329-4)
- Pratt A.C. Cultural commodity chains, cultural clusters, or cultural production chains? *Growth and change*, 2008: vol. 39: 1: 95–103. DOI: [10.1111/j.1468-2257.2007.00406.x](https://doi.org/10.1111/j.1468-2257.2007.00406.x)
- Prior N. Critique and renewal in the sociology of music: Bourdieu and beyond. *Cultural sociology*, 2011: vol. 5: 1: 121–138.
- Prokúpek M. Digitalization of Cultural and Creative Industries and Its Economic and Social Impact. In: *Examining Cultural Perspectives in a Globalized World*. IGI Global, 2020: 117–140.
- Rauh A. «Under-the-radar» electronic dance musicians: Opportunities and challenges with digital communication technologies (Doctoral thesis). University of Leeds (Leeds, UK), 2018.
- Rumbo J., Crane D., Kawashima N., Kawasaki K. Global Culture: Media, Arts, Policy, and Globalization. *Contemporary Sociology*, 2003: 32: 6. DOI: [10.2307/1556657](https://doi.org/10.2307/1556657)
- Rutten R., Gelissen J. Technology, talent, diversity and the wealth of European regions. *European Planning Studies*, 2008: vol. 16: 7: 985–1006.
- Santoro M. Culture as (and after) production. *Cultural Sociology*, 2008: vol. 2: 1: 7–31.
- Schäfer M. The Extension of Cultural Industries. In *Bastard Culture! How User Participation Transforms Cultural Production*. Amsterdam, Amsterdam University Press, 2011. DOI: [10.2307/j.ctt46n23s.9](https://doi.org/10.2307/j.ctt46n23s.9)
- Schmutz V., Miller C. Production of Culture. In: *Emerging Trends in the Social and Behavioral Sciences*. Ed. by R. Scott, S. Kosslyn. Hoboken (N.J.), John Wiley and Sons, 2015.
- Scott A.J. Entrepreneurship, innovation and industrial development: geography and the creative field revisited. *Small business economics*, 2006: vol. 26: 1: 1–24.
- Venkatesh A., Meamber L.A. Arts and aesthetics: Marketing and cultural production. *Marketing Theory*, 2006: vol. 6: 1: 11 – 39. DOI: [10.1177/1470593106061261](https://doi.org/10.1177/1470593106061261)
- Yang J., Černevičiūtė J. Cultural and Creative Industries (CCI) and sustainable development: China's cultural industries clusters. *Entrepreneurship and Sustainability Issues, Entrepreneurship and Sustainability Center*, 2017: vol. 5: 2: 231–242.
- Yu W. Creative industries agglomeration and entrepreneurship in China: necessity or opportunity? *Industry and Innovation*, 2020: vol. 27: 4: 420–443.
- Zheng J., Chan R. A property-led approach to cluster development: creative industry clusters and creative industry networks in Shanghai. *The Town Planning Review*, 2013: vol. 84: 5.

The article was submitted on: August 3. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Verbitskii Sergei, MA in Political Science, PhD Student at the Department of Sociology, National Research Institute HSE, Saint Petersburg, Russia

О НОВЫХ НАУЧНЫХ ПУБЛИКАЦИЯХ

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.669

Социальное государство как конституционный принцип Российской Федерации: социальные векторы развития

Размышления о книге: «Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и перспективы»¹

Ссылка для цитирования: Сиземская И. Н. Социальное государство как конституционный принцип Российской Федерации: социальные векторы развития // Вестник Института социологии. 2020. Том 11. № 3. С. 179–186. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.669

For citation: Sizemskaya I. N. Welfare state as a constitutional principle in the Russian Federation: social vectors for development. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 179–186. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.669

Сиземская Ирина Николаевна

Институт философии РАН,
Москва, Россия

sizemskaya@mail.ru

AuthorID РИНЦ: [498674](#)

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы развития современного российского государства и исследование их в рамках философско-социологического знания. В этой связи автор обращается к коллективной монографии «Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и перспективы», в которой объектом анализа является противоречивое состояние конституционного принципа социального государства в России.

В статье показано, что в рассматриваемой книге, во-первых, дана фундированная интерпретация этого несоответствия на основе научного анализа политических и социально-экономических реалий; во-вторых, описаны и предложены способы его преодоления. Расхождения конституционного принципа социального государства с экономическими и социокультурными модусами жизни российского общества в монографии интерпретируются на основе проведенного социологического исследования, данные которого свидетельствуют об углублении социально-экономического расслоения российского общества и растущих социальных дистанциях между людьми, и, соответственно, о недостаточной эффективности защищающей функции государства.

Исследователи обращают внимание на неоправданное сведение проблемы социально-экономического неравенства только к разделению населения на группы бедных и сверхбогатых. Ведь материальная дифференциация общества по доходу и богатству генерирует глобальную дифференциацию общества. В этой связи авторы обращаются к проблеме

¹ Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и проекты. 2019 / под общ. ред. Н.И. Лапина. СПб.: Реноме. 232 с.

расслоения населения по качеству жизни, которое рассматривают в соотнесении с уровнем человеческого капитала и инновационным развитием общества. В исследовании решение этой задачи в России связано с активизацией гуманистической функции государства всеобщего благосостояния и его эволюционным движением по пути к сильному социальному государству, создающему для всех граждан условия достойной жизни и свободного развития.

Ключевые слова: конституционный принцип социального государства, государство всеобщего благосостояния, социализация, доходное неравенство, социальная дистанция, защищающая функция государства, достойная жизнь, качество жизни, гуманизм, конституционные социогуманитарные исследования

В последнее время проблематика социального государства всё чаще привлекает внимание специалистов разного профиля – философов, социологов, политологов, экономистов, культурологов, этнологов. Главными становятся вопросы, связанные с осмыслением цивилизационной природы социального государства. Векторы его развития в современной России, рассматриваемые в контексте политических и социально-экономических реалий, характеризующих отношения государственных институтов и человека в системе конституционно-правового их регулирования оказываются в фокусе исследовательского внимания. На этом фоне приобрела высокую актуальность проблема социализации российского государства и осуществляемой им социальной политики. Ключевыми стали понятия «социальное государство» и «государство всеобщего благосостояния», введённые в контекст отечественного социального знания с учётом произошедших в стране трансформаций, инициированных новой волной либеральных реформ. Заметным шагом на пути разработки темы в этом направлении является коллективная монография «Становление государства благосостояния и перспективы социального государства в России. Реалии и перспективы»¹. Общим контекстом авторского рассмотрения заявленной темы стал процесс «социализации» российского государства в направлении реализации идеи достойной жизни и свободного развития всех граждан.

Рассматриваемая монография подготовлена Центром изучения социокультурных изменений Института философии РАН на основе проведённого в 2017–19 гг. исследования по теме «Проблемы формирования и эволюции социального государства в России». С целью привлечения интереса к теме Центр осуществил два Круглых стола: 1) «О потенциале социального государства как субъекта саморазвития российского общества и его региональных сообществ» и 2) «Философские проблемы формирования социального государства в России». Общее проблемное поле монографии сформировалось в ходе масштабного исследования «Социокультурная

¹ Далее по тексту в скобках будут даны отсылки к главам и страницам указанного выше издания.

модернизация России и регионов», по результатам которого были опубликованы книги, сразу получившие высокую оценку в научном сообществе: «Проблемы социокультурной модернизации России» (Сост. и общая редакция Н. И. Лапина и Л. А. Беляевой, 2013 г.) и «Атлас модернизации России и её регионов. Социоэкономические и социокультурные тенденции и проблемы» (Сост. и отв. ред. Н. И. Лапин, 2016 г.). Это позволило авторам ввести в свой анализ новый конкретно-социологический материал о сегодняшних проблемах развития социального государства в регионах, о практике и барьерах, стоящих на пути реализации конституционного принципа социального государства, зафиксированного в 7-ой статье Конституции Российской Федерации, ориентирующей на создание условий для достойной жизни и свободного развития человека. Как предупреждает предисловие к книге, объектом изучения является «не сам по себе теоретический концепт социального государства, а **противоречивое состояние конституционного принципа «социальное государство» в России, проблемы реализации этого принципа».** Суть противоречия авторы видят в том, что положение 7-ой статьи Конституции РФ, гласящее что Российская Федерация есть социальное государство, пока не реализуется его в полной мере в сферах собственно государственной политики, гражданского общества и повседневной жизни людей. Свою задачу авторы видели, во-первых, в адекватной всесторонней интерпретации этого несоответствия; во-вторых, в выявлении способов его преодоления через анализ экономических, социальных, культурных и политических реалий страны.

Общий замысел определил логику изложения обширного и сложного материала. Книга включает Введение «Социальное государство – конституционный принцип Российской Федерации» (Н. И. Лапин) и шесть глав, проблемно сгруппированных в три части: Часть 1. «Этапы социализации государства в новое время» (Ю. Д. Гранин, Ю. М. Резник), Часть 2. «Кризис социально-защитной функции государства благосостояния на его начальной стадии в России» (Л. А. Беляева, Н. И. Лапин), Часть 3. «Принцип социального государства как конституционное программирование гуманизации общества» (Н. А. Касавина, Ю. М. Резник). В Заключении «Два проекта социального государства в современной России» (Н. И. Лапин) предлагается обсудить со специалистами разного профиля меры по дальнейшему развитию Российской Федерации в сильное социальное государство всенародного благосостояния и общество реального гуманизма. Социальная политика такого государства должна быть направлена на создание экономических, политических и культурных условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие всех граждан. Важным представляется предложение разработки совместными усилиями специалистов разного профиля нового научного направления – *конституционной социальной философии и социологии*. Объектом этого исследовательского направления, по мнению авторов, могут быть «конституционные принципы и нормы как универсальный уровень институционального социального порядка, правил его регули-

рования» (с. 18). Расхождения конституционного принципа социального государства с экономическими и социально-культурными модусами жизни российского общества предлагается рассматривать с привлечением данных социологических исследований о растущем социально-экономическом и имущественном расслоении внутри страны как свидетельстве недостаточной эффективности защищающей функции государства.

Для решения поставленных задач авторы вводят в исследование правовые и социально-экономические индикаторы «социального государства» и «государства всеобщего благосостояния» (см. Введение, гл. 2). **Социальное государство** рассматривается как демократическое правовое государство, утверждающееся на постиндустриальных этапах эволюции общества в форме конституционного компромисса между народом и властью. Его социально-экономическим принципом является обеспечение каждому гражданину уровня благосостояния, гарантирующего достойную жизнь, свободное развитие и реализацию творческих способностей. Обращение к анализу этапов социализации государства в новое и новейшее время позволило показать, что в таком проявлении социальное государство обретает *достаточную полноту* лишь при одновременном сочетании двух функций – защищающей и активно-гуманистической. Первая направлена на смягчение социально-экономического неравенства и социального расслоения в обществе, вторая – на расширение возможностей для развития природных способностей, склонностей и интересов человека, для его субъектного включения в социально-культурную жизнь страны, в процесс всеобщей модернизации и технического прогресса. Опираясь на данные проведённого социологического исследования, авторы приходят к выводу, что «достаточная полнота» социального государства как показатель «равновесности» защищающей и гуманистической функций в его социальной политике сегодня не достигается ни в регионах, ни в стране в целом; более того, на данном этапе социально-защищающая функция переживает кризис. Этому авторы находят убедительное объяснение: «сегодня практическая реализация защищающих функций государства, – пишет Л. А. Беляева, – зависит исключительно от воли властвующей элиты, от выстраиваемых ею приоритетов, в которых социальные обязательства перед населением не занимают главные позиции» (с. 119).

Стоит заметить, что к числу причин, объясняющих ситуацию, можно было бы отнести неразвитость институтов гражданского общества, защищающих социальные права всех групп населения. Эта причина указывается в работе, однако развёрнутый сюжет на эту тему, к сожалению, не нашёл ожидаемого отражения в исследовании, хотя разработка темы гражданского общества была одним из направлений работы Центра (см. материалы Круглого стола, опубликованные в 2017 г. журналом «Философские науки» № 7, 10).

В монографию введено развёрнутое описание **государства всеобщего благосостояния**, которое рассматривается авторами как «ограниченное воплощение» социального государства. Его социальные обя-

зательства (охрана частной собственности, справедливая оплата труда, пенсионное обеспечение, социальное страхование, бесплатное общее образование и др.) и направленность решения возникающих социальных проблем создают, по их оценкам, *предпосылки* для становления и развития социального государства (гл. 2). С этих позиций современное развитие российской государственности характеризуется как противоречивый процесс, а именно: становление государства всеобщего (часто в тексте – народного) благосостояния, сопровождающееся, с одной стороны, «социализацией» государственных структур и укреплением их конституционных оснований, с другой – углублением социальной дифференциации и увеличением дистанций по уровню дохода между отдельными группами населения (гл. 4). В доказательство истинности этого тезиса в рассматриваемой книге приводится тревожная статистика: так, на сегодняшний день среднеобеспеченные, зажиточные и богатые составляют 59%, относительно бедные и абсолютно бедные – 41% от общей численности населения, при этом численность людей, которые имеют доход ниже черты относительной бедности, в 2016 г. была на уровне 26% (с. 123). У этих людей практически отсутствует ресурс для развития своего человеческого потенциала и повышения социального и материального статуса. Особую тревогу вызывает тот факт, что, по данным проведённого исследования, разница в доходах богатых и бедных достигает в отдельных регионах более 15 раз. Это свидетельствует о повышении доходного веса слоя богатых в бюджете этих регионов и о повышении их влияния на проводимую социальную политику как в регионах, так и в стране в целом (с. 170).

Сегодня такое влияние, поддерживаемое институциональными механизмами и средствами социального контроля, становится фактором, влекущим за собой углубление социальной дифференциации и ослабляющим роль социально-защитной функции государства, сдерживающим реализацию её потенциальных ресурсов (гл. 3). Названный факт свидетельствует о появившихся на волне реформ трудно преодолимых барьерах для вертикальной социальной мобильности внутри общества, о доминировании бюрократических механизмов в практике социального управления на всех его уровнях – федеральном, региональном, муниципальном. В этой связи Л. А. Беляева обращает внимание на неоправданное сведение проблемы социально-экономического неравенства только к разделению населения на группы бедных и сверхбогатых. По её оценке, материальная дифференциация общества по доходу и богатству и сейчас, и в будущем будет генерировать поляризацию, которая станет (и уже является) показателем *глобальной дифференциации общества*.

В этом контексте в монографии актуализирована проблема расслоения населения *по качеству жизни*, т. е. по стартовым возможностям у представителей разных социальных групп в получении образования, качественного медицинского обслуживания, в приобщении к культурным ценностям и результатам современного технического прогресса; расслоения по реальным возможностям личностного развития и повышения социального статуса.

Рассмотрение этой темы конкретизировано на уровне анализа результатов исследования по регионам, что позволило сделать вывод: расслоение населения по качеству жизни свидетельствует о серьёзных ограничениях развития *человеческого капитала* и, соответственно, инновационного развития общества. Последнее, как известно, является одним из основных социально-экономических и технологических ресурсов достижения всеобщего благосостояния, отвечающего современным уровню и стандартам цивилизационного развития.

Представляется важным, что в этот смысловой контекст исследования включена проблема развития человеческого капитала, рассмотренная в соотнесении с юридическими, социально-экономическими и культурными механизмами, обеспечивающими *достойную жизнь человека*. А потому понятно и обоснованно обращение авторов к проблеме гуманизма, которая осмысливается ими как реализация функциональности и человечности в управленческой практике государственных институтов и структур (гл. 5).

Как показывает Н. А. Касавина, ориентация социальной политики государства на обеспечение достойной жизни и свободного развития личности, заявленная в статье 7 Конституции РФ в качестве цели социального государства, фиксирует его эволюцию «от идеи, защищающей функции государства, к развёртыванию качества жизни человека в многообразии его потребностей и интересов» (с. 197). В условиях напряжённо выраженных социально-экономических дистанций реализация этой задачи вносит дополнительные гуманистические смыслы в отношения государства с человеком. Гуманизм включается в систему государственных институциональных структур, становится *стратегическим ориентиром* их развития, усиливая роль конституционного принципа социального государства в процессе гуманизации общественного и индивидуального пространства, снижая таким образом риски утраты солидарности и целостности России. В этой связи Н. А. Касавина, опираясь на данные коллективного исследования, пишет о недостатках отраслевого законодательства, которое не всегда в должной мере и в соответствии с местными условиями «переводит» конституционные законы в область их практической реализации, а также о настоятельности законодательного закрепления социальной ответственности бизнеса с учётом уровня и характера социально-экономической дифференциации в регионе. В контексте осмысления гуманизма в качестве вектора «социализации» государственных структур и развития российского общества «государство всеобщего благосостояния» может рассматриваться в виде защитного буфера жизненного мира человека, инструмента достижения в обществе необходимого консенсуса между человеком и властью, гражданским обществом и государством (гл. 6). Защищающее государство как модель реализуемого будущего, считает М. Ю. Резник, должно стать предметом социального программирования и проектирования, чтобы «запустить механизм реализации конституционного принципа социального государства» (с. 221). Это позволит снять ограничения, которые сегодня встают

на пути государственных преобразований в стране. Для решения этой задачи необходимо разработать комплексную программу социальной защиты населения, общую стратегию преобразования государства в гуманистически развивающееся, реализующее принцип свободного развития человека в качестве приоритета своей социальной политики.

Рецензируемая коллективная монография представляет собой новаторское, выполненное на высоком профессиональном уровне, исследование актуальной современной проблемы, основанное на анализе экономических, социальных, культурных и политических реалий страны. Авторы, расширив поисково-смысловое поле проблемы социального государства, предложили перспективный вектор её дальнейшей разработки, ввели в научный оборот новый конкретно-социологический материал, реализовали востребованную научным знанием и социальной практикой интерпретацию темы. Книгу отличает фундированная обоснованность ключевых идей, аргументированность каждой авторской позиция по рассматриваемым вопросам. Осуществлённое авторами исследование, обращённое к научной общественности и субъектам социальной политики всех уровней, будет встречено с интересом теми, кто профессионально занимается проблемами развития современной России и её регионов, а также широким кругом читателей.

Статья поступила: 08.07.2020

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ

Сиземская Ирина Николаевна, доктор философских наук,
главный научный сотрудник Института философии РАН, Москва, Россия

DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.669

Welfare State as a Constitutional Principle in the Russian Federation: Social Vectors for Development

Irina Sizemskaya

Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, Moscow, Russia

E-mail: sizemskaya@mail.ru

ORCID ID: 0000-0002-9415-9164

For citation: Sizemskaya I. N. Welfare state as a constitutional principle in the Russian Federation: social vectors for development. *Vestnik instituta sotziologii*. 2020. Vol. 11. No. 3. P. 179–186. DOI: 10.19181/vis.2020.11.3.669

Abstract. This article examines issues associated with the development of the current Russian state, and their study within the scope of philosophical and sociological knowledge. With that in mind, the author refers to a collective monograph called “The emergence of welfare state and its prospects in Russia. Reality and future”, which focuses on analyzing the contradictory condition of the constitutional principle of welfare state in Russia.

The article shows that the book in question, first of all, gives a substantiated interpretation of this contradiction based on scientific analysis of political and socio-economic realities; second of all, it describes and proposes ways of overcoming it. The contradiction between the constitutional principle of welfare state and the economic and socio-cultural modes which constitute the life of Russian society is interpreted in the aforementioned monograph based on a sociological study, the data from which points towards an ever deepening socio-economic divide within Russian society, with people being separated by increasing social distance, and consequently leading to the insuffi-

cient implementation of the government's responsibility for protection.

The researchers draw attention to the problem of socio-economic inequality being unwarrantedly presented as merely the result of the population being divided into the poor and the super-rich; that material differentiation in terms of income and wealth generates overall differentiation in any given society. With that in mind the authors address the issue of the population being segregated in terms of quality of life, while examining it in correlation with level of human capital and society's innovational development. In the study, solving this task in Russia is associated with activating the welfare state's humanistic function, and with its evolution towards becoming a potent welfare state that creates the opportunity for leading a decent life and uninhibited personal development for all of its citizens.

Keywords: The constitutional principle of a social state, the welfare state, socialization, income inequality, social distance, the protective function of the state, decent life, quality of life, humanism, constitutional socio-humanitarian research

The article was submitted on: July 08. 2020

INFORMATION ABOUT THE AUTHOR

Sizemskaya Irina Nikolaevna, Doctor of Philosophical Sciences, Chief Researcher, Sector of Social Philosophy, Institute of Philosophy RAS, Moscow, Russia

Памяти Олега Николаевича Яницкого

Яницкий Олег Николаевич
(24.03.1933–23.09.2020)

23 сентября 2020 г. на 88 году жизни скончался постоянный автор нашего журнала, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник Центра теоретических и историко-социологических исследований Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН **Яницкий Олег Николаевич**.

Олег Николаевич запомнится нам своей принципиальностью, твёрдой приверженностью принципу методологической строгости в научных исследованиях, неукоснительного соблюдения которого он всегда требовал от учеников и младших коллег. Он был одним из тех учёных, которые следуют высоким идеалам поиска истины, чистоты науки, но при этом не замыкались исключительно в академическом мире, всеми силами поддерживая и развивая публичную функцию социологии.

Для Олега Николаевича Яницкого социология была прежде всего инструментом саморефлексии общества, и потому он в числе первых реагировал на общественно-значимые новости и публиковал свои оценки и мнения в блоге на сайте Института. Он раньше многих молодых коллег освоил социальные сети как инструмент общения с коллегами со всего мира и распространения своих научных идей.

Олега Николаевича можно по праву считать основоположником эко-социологии в России. Трудно переоценить его вклад в исследования российского экологического движения, в отечественную историю охраны природы, в социологию рисков, которая приобретает в сегодняшнем мире, где потерян единый вектор развития, всё большее значение. Он много работал, много публиковался в российских и зарубежных журналах, был автором более двух десятков монографий. В его научной биографии значится руководство десятками проектов, поддержанных российскими научными фондами, участие в международных исследованиях и работа в ведущих западных научных центрах и международных организациях.

Уход Олега Николаевича Яницкого стал большой утратой для научного социологического сообщества России. Редакция сетевого научного журнала «Вестник Института социологии» выражает искренние соболезнования его родным и близким.

См. статьи О.Н. Яницкого на сайте Вестника Института социологии
URL: <https://www.vestnik-isras.ru/>.

ВЕСТНИК *Института* **СОЦИОЛОГИИ**

СЕТЕВОЙ ЖУРНАЛ

Учредитель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Издатель – Федеральный научно-исследовательский социологический центр
Российской академии наук

(117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5)

Главный редактор:

Михаил Константинович Горшков

Заместители главного редактора:

Полина Михайловна Козырева,

Ольга Владимировна Аксенова

Ответственный секретарь: Кирилл Викторович Подъячев

Заведующая редакцией: Анастасия Владимировна Роговая

Редактор: Ольга Александровна Амелькина

Разработка программного обеспечения: IT-Центр ИС ФНИСЦ РАН

Макет: Ольга Викторовна Березная

Компьютерная вёрстка: Ильдар Мансурович Ситдилов

Точка зрения авторов публикуемых материалов не обязательно отражает точку зрения редакции. При перепечатке материалов ссылка на журнал «Вестник Института социологии» обязательна.

Адрес редакции: 117218, Москва, ул. Кржижановского, д. 24/35, корп. 5

E-mail: vestnik@isras.ru

Размещение журнала: <http://www.vestnik-isras.ru>